

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
МИНИСТЕРСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РФ**

**Саратовский государственный аграрный
университет им. Н.И. Вавилова
(Саратов, Российская Федерация)**

**Московский государственный областной
университет
(Москва, Российская Федерация)**

**Белорусский государственный экономический
университет
(Минск, Республика Беларусь)**

**Актюбинский государственный университет
(Актобе, Республика Казахстан)**

***РОССИЯ И МИР
В ПРОСТРАНСТВЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПОТЯСЕНИЙ
И НОВОГО МИРОУСТРОЙСТВА. XX-XXI ВВ.
К 100-летию Великой русской революции 1917 г.***

САРАТОВ 2018

УДК 93/94(47) (470+476+477+571)
ББК 63.3(2)61; 63.3(2)64; 66.2(4/8); 87.3(2)
Р-76

Авторы:

Раздел I: Маслов Д.В., Романченко В.Я., Дудникова Е.Б., Шалаева Н.В., Крайнов А.Л.;
Раздел II: Голубович В.И., Суханова Н.И., Наумов О.Н., Аксютин Ю.В., Назаров В.В., Гижов В.А., Поздникин А.А., Армен А.С., Волкова М.Б., Ножкина И.А., Шалаева С.С., Булгаков С.В.; **Раздел III:** Колозина И.М., Шендрикова С.П., Полянская Е.С., Филатов Ю.И., Ескалиев С.А., Перевезенцев А.Л.; **Раздел IV:** Логинова Л.В., Рубанова М.Е., Федорова-Кузнецова И.В., Тимашова Е.А., Бueva А.О., Белявцева Д.В., Вонсович Л.В., Посталовский А.В., Посталовская О.А., Старичёнок В.В., Отина А.Е., Дехтяренко Г.И.

Р-76 Россия и мир в пространстве глобальных потрясений и нового мироустройства. XX–XXI вв. К 100-летию Великой русской революции. Коллективная монография / Под ред. Е.Б. Дудниковой, В.Я. Романченко, Н.В. Шалаевой / ФГБОУ ВО «Саратовский государственный аграрный университет имени Н.И. Вавилова». – Саратов: ООО «Буква», 2018. – 321 с.

ISBN 978-5-906689-73-3

Коллективная монография – результат совместной работы ученых трех государств – Российской Федерации, Республик Беларусь и Казахстан, а также Донецкой Народной Республики. В основу коллективной монографии легли материалы II международной конференции «Россия – СССР – РФ в условиях реформ и революций. XX–XXI вв.», прошедшей в сентябре 2017 г. и посвященной 100-летию Великой русской революции 1917 г. В коллективной монографии в разделе 1 подняты проблемы теоретического осмысления феномена революции 1917 г.; в разделах 2 и 3 проведен анализ политико-экономических, социокультурных и региональных аспектов революционных процессов в России в 1917–1920-е гг.; раздел 4 посвящен актуальным проблемам и направлениям модернизации на постсоветском пространстве.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, а также всех интересующихся проблемами современного исторического и социогуманитарного знания.

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой «Отечественная история и культура» ФГБОУ ВО Саратовский государственный технический университет
им. Ю.А. Гагарина Г.В. Лобачева;

доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории, философии, политологии и социологии Саратовского социально-экономического института РЭУ
имени Г.В. Плеханова Е.И. Демидова

УДК 93/94(47) (470+476+477+571)
ББК 63.3(2)61; 63.3(2)64; 66.2(4/8); 87.3(2)

ISBN 978-5-906689-73-3

© ФГБОУ ВО «Саратовский ГАУ им. Н.И. Вавилова», 2018
© Коллектив авторов, 2018

Россия в своем развитии прошла тысячелетний сложный путь. На ее долю выпало множество тяжелых испытаний. Одним из них стал 1917 г., заложивший тенденции и процессы развития России и мира в XX–XXI вв.

Сегодня в историографии присутствует широкий спектр оценок событий 1917 г., в некоторых из них академик А.О. Чубарьян видит синдром 1990-х гг., проявляющийся в негативном отношении и резком осуждении революции. Сегодня перед историками стоит задача объективного честного и глубокого анализа 1917 г. в контексте истории российской империи и мировых событий, междисциплинарного подхода и применение многофакторного метода, изучение глубинных процессов XX–XXI вв.

Представленная монография «Россия и мир в пространстве глобальных потрясений и нового мироустройства. XX–XXI вв. К 100-летию Великой русской революции» – одна из попыток такого осмысления. Монография подготовлена на основе материалов докладов и сообщений участников международной научной конференции «Россия – СССР – РФ в условиях реформ и революций. XX–XXI вв. », посвященной 100-летию Великой русской революции 1917 г. (сентябрь 2017 г.).

Коллективная монография – еще одна попытка осмысления сложной и противоречивой российской истории историками, философами, социологами, политологами и экономистами. Она отражает ярко выраженный междисциплинарный подход к осмыслению истории России в XX–XXI вв., большой научный интерес к сложному периоду в жизни нашей страны.

Значимость и актуальность обозначенной проблемы подтверждается участием в работе конференции и создании монографии ученых не только из нашей огромной страны, но и представителей зарубежных исторических школ, возникших и успешно развивающихся на постсоветском пространстве. В работе над коллективной монографией приняли участие ученые из Республик Белоруссии – А.О. Бueva, Л.В. Вонсович, В.И. Голубович, О.А. Посталовская, А.В. Посталовский, Д.В. Белявцева, А.В. Тимашова, В.В. Старичёнок (г. Минск) и Казахстана – С.А. Ескалиев, А.Л. Перевезенцев (г. Актобе), Донецкой Народной Республики – Ю.И. Филатов, Г.И. Дихтяренко, А.Е. Отина, А.С. Армен (г. Донецк), а также ученые Российской Федерации – Д.В. Маслов, Н.И. Суханова, О.Н. Наумов, Ю.В. Аксютин (г. Москва), С.П. Шендрикова (г. Ялта), Е.С. Полянская (г. Сочи), Е.Б. Дудникова, В.Я. Романченко, М.Б. Волкова, И.А. Ножкина, С.С. Шалаева, А.Л. Крайнов, В.А. Гижов, А.А. Поздникин, Н.В. Шалаева, С.В. Булгаков, М.Е. Рубанова, И.В. Федорова-Кузнецова, И.М. Колозина (г. Саратов), В.В. Назаров (г. Балашов)

В монографии авторы рассуждают о феномене революции, взаимодействии государства и общества, о современных политических, экономических и социокультурных процессах. На страницах монографии авторы высказывают мнения, суждения, отражающие их личную позицию и носящие дискуссионный характер.

От редакции

РАЗДЕЛ I

ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ.

Маслов Д.В.

Московский Государственный
Областной Университет
(Москва, Российская Федерация)

РЕВОЛЮЦИЯ КАК МЕХАНИЗМ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В XX ВЕКЕ

Аннотация. Автор рассматривает революцию в России как механизм, лежащий в основе преобразования отечественной государственности в XX в. Именно революционный способ трансформации государственности стал, по мнению автора, определяющим в прошлом столетии. Это проявилось в том, что смена моделей государственности дважды в течение столетия была осуществлена путем коренной ломки. Такая частота побуждает к постановке вопроса о поиске определенных закономерностей, характерных для развития отечественной государственности. Учитывая сложность заявленной темы, доклад носит постановочный характер.

Ключевые слова: революция, государственность, реформа, трансформация, 1917, 1991, В.И. Ленин, М.С. Горбачев.

Maslov D.

Moscow State Regional University
(Moscow, Russia)

REVOLUTION AS THE MECHANISM OF TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN STATEHOOD IN THE TWENTIETH CENTURY

Abstract. The author considers the revolution in Russia as a mechanism underlying the transformation of national statehood in the twentieth century. It is a revolutionary method of transformation of the state was, in the opinion of the author that determines in the last century. It is evident that the change of models of statehood twice in the course of that century were carried out by a radical break-up. This frequency leads to the question of the search of certain regularities, characteristic for the development of domestic statehood. Given the complexity of the theme, the report is staged.

Key words: revolution, statehood, reform, transformation, 1917, 1991, Lenin, Gorbachev

Дважды в XX в. российская государственность пережила слом. Сам факт того, что это событие происходило с такой частотой, подталкивает нас к

историческим обобщениям. Конечно, и в 1917, и в 1991 гг. были свои специфические факторы, определявшие развитие событий, и прямые аналогии здесь невозможны. Но, как представляется, в этих событиях есть и то, что их объединяет. В обоих случаях – 1917 г. и 1991 г. – есть основания называть трансформацию российской государственности революционной. Почему же трансформации отечественной государственности в новейшей истории происходила только революционным путем? Как это отразилось на последствиях такой трансформации – ключевые вопросы, рассматриваемой проблемы.

Была ли предопределена именно революционная трансформация российской государственности? Исторической наукой и обществом в целом активно обсуждается вопрос об альтернативах революционной трансформации российской государственности – почему не прошли реформы [4, с. 6]. Имеются в виду, прежде всего, столыпинские и горбачевские. И те, и другие (при их несхожести по многим позициям) были направлены на укрепление строя и государства, и те, и другие в той или иной мере спровоцировали распад государства. Начавшись в условиях серьезных внутренних и внешних вызовов, реформы стали попыткой власти вписаться в процесс модернизации [6, с. 8]. В обоих случаях власть осознала необходимость перемен, но не сумела предотвратить ими революцию. Более того. Игнорирование властью социальных реалий, в контексте которых проводились реформы, стало фактором, не отодвинувшим, а ускорившим революцию. С другой стороны, нетерпимость активной части общества, нежелание сотрудничать с властью способствовали тому, что шансы на реформистский путь оказались неосуществленными. Этот исторический опыт учит тому, что сами по себе реформы не являются панацеей от революции. Их успех определяется наличием консенсуса между властью и обществом по ключевым вопросам жизни страны. Ни того, ни другого в 1917 и в 1991 гг. мы не имели [5, с. 623].

Была ли альтернатива реформам в том виде, в котором они проводились в обоих случаях? Убежденные монархисты-современники П.А. Столыпина еще

тогда упрекали его в заигрывании с революцией. Распад государственности впоследствии стал для них доказательством неуместности серьезных реформ в России, т.к. они неизбежно повлияют на прочность государственных устоев.

При М.С. Горбачеве и до сих пор дебатруется вопрос о так называемой «китайском пути» как альтернативе политике последнего советского генсека [5, с. 618–619]. Вне зависимости от результативности таких дискуссий надо учитывать, что «китайский путь» как раз и является альтернативой, направленной на сохранение государственности при опережающем проведении социально-экономических реформ.

Изучение предпосылок революционной трансформации отечественной государственности также привело в последние годы к ряду обобщений.

Сегодня очевидно, что в обоих случаях склонность к революционному отрицанию существующих порядков имела не только в социально активной части общества, но и в самой власти – главном очаге государственности.

Накануне 1917 г. – антиниколаевская «фронда» в большой императорской семье, готовность ряда высших сановников «услужить» революции в силу тех или иных причин [1].

В 1991 г. – «номенклатурная революция». Раскол внутри правящей элиты – один из тех факторов, который, не являясь причиной революции, но в немалой степени ей способствует [5, с. 619]. Таким образом, плюрализм в обществе и твердость власти в проведении одобренной обществом политики – одна из гарантий от революционных потрясений государственности в будущем.

Особая роль внешнего фактора в обоих случаях – мировая война и холодная война. Отсюда неизбежные дискуссии в рамках конспирологических версий происшедшего. Однако даже без оглядки на теорию заговоров признаем, что столкновение российского государства с внешним врагом неизбежно порождает и активизирует те внутренние силы, которые вне зависимости от собственных планов действуют в унисон с внешними врагами. И при этом вовсе необязательно являются агентами, шпионами и пр. В 1917 г. и по сей день в потворстве внешним врагам России обвиняли большевиков и

других революционеров, в 1990-е гг. т.н. «агентов влияния». Да и сейчас в условиях по сути новой холодной войны в России приходится слышать упоминания о «пятой колонне». Но нередко ссылками на «шпионов» власть пытается прикрыть реальные внутренние проблемы, которые рано или поздно окажутся в центре общественного внимания. Вывод представляется очевидным: России не следует позволять втягивать себя в международные конфликты, имея за спиной давящий груз нерешенных внутренних проблем.

Опыт революционной трансформации отечественной государственности в XX в. показывает, что такой путь ее развития вовсе не определяется широкой (и тем более всенародной) социальной поддержкой. В обоих случаях тон задают социально активные слои населения при общей пассивности и непонимании сути происходящих событий большинством населения. В феврале и в октябре 1917 г. тон задавала столичная партийная интеллигенция, заручившаяся поддержкой расположенных поблизости воинских частей. Настроения и ожидания остальной массы населения были весьма неопределенными, хотя и с заметным социалистическим уклоном. В 1991 г. картина повторилась: радикальная интеллигенция в августе 1991 г. добилась нейтрализации силовых структур, а осенью 1993 г. заручилась их поддержкой в противостоянии с парламентом. Следовательно, развитие институтов гражданского общества является не просто условием укрепления демократии, но и дополнительной гарантией от революционных потрясений.

Революционное время – это обязательно эпоха выдвижения новых лидеров с яркой харизмой, символов перемен. 1917 г. предстает перед нами калейдоскопом более или менее ярких фигур, оценку значимости которых история еще не выставила. Казалось бы, что может объединить такие фигуры, как П.Н. Милюков, А.Ф. Керенский, Л.Г. Корнилов, В.И. Ленин в одну группу? А все-таки общее есть: все они на разных этапах 1917 г. действовали в русле революционной логики. Их не беспокоил поначалу факт устранения прежней государственности и ее символов, прежде всего, Николая II. М.С. Горбачев и Б.Н. Ельцин – два антагониста периода «перестройки» – внесли свою лепту в

ослабление советской государственности. Таким образом, российская революция XX в. породила вопрос об ответственности лидеров нации за последствия их действий.

Но и в заключительной части обеих трансформаций российской государственности есть общее. В обоих случаях по закону маятника революций и после 1917 г., и после 1991 г. (а именно в 1930-е и в 2000-е гг. соответственно) наблюдались реставрационные процессы в государственной сфере. Основная их направленность – переход от отрицания прежней государственности (государственности вообще, как в 1917 г.) к признанию государства как ценности, без которой немыслима модернизация общественной жизни. Применительно к советской истории 1930-х гг. данная закономерность отразилась в концепции тоталитаризма. В отношении 2000-х гг. частью обществоведов используется термин «авторитарная демократия». Подобные подходы отражают общественные процессы, но вне рамок революционной логики, согласно которой неизбежны элементы возврата. То, что в наше время представляется тоталитаризмом, в 1930-е гг. воспринималось как возвращение к элементарному порядку. Аналогично и в 2000-е гг. в обществе был реализован запрос на порядок, на государство, способное поставить на место тех, кто, согласно распространенному в обществе мнению, «зарвался» – олигархов, региональных баронов, лидеров оргпреступности, внешних недоброжелателей и пр. Это и запрос на то, чтобы СССР/Россия заняли достойное ее потенциала и истории место на мировой арене.

Революционный характер развитие отечественной государственности не утрачивало и в отдельные вовсе неревolutionные периоды XX в. Идея мировой революции бродила в умах некоторых советских руководителей в 1920-30-е гг. Что, как не революционные, представляют собой попытки Н.С. Хрущева перейти к коммунизму в отсутствие надлежащих предпосылок для этого? В частности, его усилия по передаче части государственных функций общественным структурам. Весь советский период официальная пропаганда исходила из того, что «революционная борьба» советского народа

за светлое будущее продолжается как реализация «заветов Ленина». А при М.С. Горбачеве к юбилею Октября и вовсе было заявлено устами генсека: «революция продолжается» [2]. Вне зависимости от практического наполнения этих тезисов они семьдесят лет формировали общественное сознание в духе представления о революции как оптимальном механизме общественных трансформаций. Даже в годы перестройки, когда активно публиковались материалы, свидетельствующие о «черных пятнах» революции 1917 г., сама методология действий радикально-демократических сил мало отличалась от революционной. Достаточно вспомнить призывы к слому «административно-командной системы», отказу от «сталинско-брежневского» социализма, вырвать власть из рук «партийной бюрократии» и т.п. лозунги. К чему это привело, известно: вторая в XX в. смена общественного строя.

Главный вопрос на будущее как извлечение уроков из революционного XX в. – способна ли отечественная государственность отвечать на актуальные вызовы современности, не подвергаясь при этом революционному слому? Извлекаются ли уроки из истории российской революции XX в.? Опыт последних лет свидетельствует, что однозначный ответ на этот вопрос едва ли возможен. Как и в прошлом веке, остаются вопросы, связанные с тем, что власть не всегда заинтересована в том, чтобы услышать общество. История свидетельствует, что, отталкивая от себя критически мыслящую, но настроенную на внутрисистемные преобразования часть общества, власть рискует наступить на те же грабли, которые ранее толкали эту часть общества к радикальным действиям.

И все-таки революционный XX в. не прошел бесследно для общественного сознания. Российская революция значима для нашей истории еще и тем, что становится своеобразной прививкой от различных форм радикализма на будущее. Сегодня на разных уровнях постоянно подчеркивается, что Россия исчерпала лимит революций, что подобный путь общественных перемен социально опасен и нежелателен. Обнадеживает и то, что и власть, и большая часть общества научились из XX в. тому, что

революционный путь модернизации хотя и самый быстрый, но чрезвычайно болезненный, сопряженный со значительными жертвами. Так или иначе, но произошла консолидация правящей элиты, которая, правда, в значительной мере строится вокруг личности руководителя государства В.В. Путина, что и вызывает вопрос о прочности возникшего социального консенсуса по революционной проблематике. Принят ряд законов, ограничивающих участие в политической деятельности российских организаций, получающих зарубежное финансирование. Можно привести и другие факты.

Подытоживая, отметим, что революционный опыт российского XX в. оказался тяжелым, но небесполезным. И все мы и сегодня заинтересованы в том, чтобы максимально беспристрастно и заинтересованно этот опыт изучать и далее не только в сугубо научных, но и практических целях укрепления учитывающей запросы общества и времени российской государственности.

Список литературы:

1. Боханов А.Н. Император Николай II. – М., 2006.
2. Горбачев М.С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. – М., 1987.
3. Доброхотов Л.Н. «Перестройка» как системная реформа: конфликт замыслов и результатов // Реформы в России с древнейших времен до конца XX в.: в 4 т. Т. 4: 1917-1991. – М., 2016.
4. История новой России. В 3 т. – СПб., 2010.
5. Медведев Р.А. Советский Союз. Последние годы жизни. Конец советской империи. – М., 2010.
6. Реформы в России с древнейших времен до конца XX в.: в 4 т. Т. 3: Вторая половина XIX– начало XX в./ отв. ред. В.В. Шелохаев (введение). – М., 2016.

Романченко В.Я.

Саратовский государственный
аграрный университет им. Н.И. Вавилова
(Саратов, Российская Федерация)

ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС (О НЕКОТОРЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ)

Аннотация. Автор продолжает начатое в предыдущих публикациях исследование методологических аспектов Великой русской революции. Здесь акцентируется внимание на наиболее значимых методологических подходах, проблемах в изучении феномена революции, приводятся авторские оценки и взгляды на некоторые из них.

Ключевые слова: Великая русская революция, методология, политический процесс, общество, власть, политический переворот, пролетариат, буржуазия, крестьянство, политические партии, организация.

Romanchenko V.

Saratov state agrarian University
named after N. Vavilov
(Saratov, Russia)

THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION AS A POLITICAL PROCESS (ABOUT SOME METHODOLOGICAL APPROACHES)

Abstract. The author continues the study of methodological aspects of the great Russian revolution, which was started in previous publications. It focuses on the most important methodological approaches, issues in the study of the phenomenon of revolution, are author's assessments and views on some of them.

Key words: The Great Russian revolution, methodology, political process, society, government, political revolution, proletariat, bourgeoisie, peasantry, political parties, organization.

Автор продолжает исследования методологических аспектов Великой русской революции, начатых в работе «К вопросу о методологии исследования революционных процессов (на примере Великой русской революции)» [16]. С момента ее написания прошло 10 лет, но с тех пор проблема не стала менее актуальной. Более того, она еще более актуализировалась в условиях разрастания чреды политических конфликтов современного мира, появлением, в том числе и на постсоветском пространстве, новых форм трансформации

существующих политических систем, содержание которой одни политики и политологи склонны считать модификациями революций, другие реформами, третьи внутри элитарными переворотами. В изучении же этих процессов наука все еще отстает от запросов своего времени. Недостаточно востребованным остается и опыт Великой русской революции. Что касается имеющихся исследований, то содержащийся в них спектр методологических подходов к ее изучению до сих пор не претерпели сколь-нибудь существенных изменений.

В данной связи сохраняет свою актуальность ответ на вопрос: как с методологической точки зрения организовать исследование феномена Великой русской революции с наибольшей эффективностью, на какие аспекты научного анализа темы следует обратить внимание в последующих работах. Не претендуя на исчерпывающее его рассмотрение, отмечу, что одним из возможных методологических подходов является изучение Великой русской революции в качестве общего политического процесса.

Такой подход позволяет отойти от традиционной характеристики событий 1905, 1917 гг. и гражданской войны как обособленных друг от друга, представить их в качестве единого политического процесса, имеющего свои этапы развития, различающиеся между собой характерными для каждого этапа задачами и средствами их решения, преобладающими в данный исторический момент, и степенью накала борьбы противоборствующих политических сил, и их составом.

При этом под общим политическим процессом подразумевается также процесс, приводящий к коренным, качественным изменениям в политической системе, экономическом укладе, социальной структуре общества и культуре. Особенностью изучаемого политического процесса является отсутствие четких границ между этапами его конституирования, функционирования и трансформации, высокая степень интенсивности их эволюции. Другая особенность Великой русской революции как политического процесса состоит в том, что содержание его было отмечено тесным взаимодействием политических, экономических, социальных и культурологических процессов.

Это обуславливает необходимость комплексного исследования революционного процесса с позиции всех гуманитарных наук. Следует отметить, что каждая из них накопила уже богатый багаж знаний о Великой русской революции. На сегодняшний день имеется немало добротных трудов по философии, социологии, психологии, истории, политологии, в содержании которых раскрываются те или иные аспекты проблемы Великой русской революции. Особенно значимы с точки зрения методологии такие направления в философии как выявление ведущих тенденций и противоречий революционного процесса, соотношения стихийности и сознательности в его развитии, объективных и субъективных факторов, обусловивших вызревание революции. Политология позволяет рассматривать проблему с точки зрения соотношения общего и частных политических процессов, влияния политических партий и движений на особенности развития революции, показать уровень и характерные черты институциональных связей власти и общества, эволюцию системы власти в условиях назревания общенационального политического кризиса.

Психологический подход дает возможность исследовать проблему насилия в революции, влияние духовного состояния общества на ее зарождение, характер и особенности развития. Историки вносят важный вклад в освещение конкретных проявлений причинно-следственных связей, существующих между экономическими, социальными, политическими предпосылками и итогами революции, ее движущих сил, хронологии развертывания исторических событий, изучение их динамики, региональных, национальных особенностей.

Социология позволяет выяснить роль и место отдельных социальных групп в развертывании революционных процессов, показать влияние уровня социальной обеспеченности, занятости населения на рост его политической активности и т.п.

Перспективным видится дальнейшее изучение революционного процесса в России на стыке культурологии и истории, а также в аспекте политической

философии, психологии, социологии и истории, мировой политики с применением метода сравнительного анализа, особенно с точки зрения влияния нашей революции на политические процессы в других странах мира, социальную трансформацию западного общества в первой половине XX в.

За последние годы значительных успехов в изучении различных проблем российской истории XX в. достигла регионалистика. Введен в научный оборот значительный эмпирический материал, отражающий особенности развития революции в различных регионах. Но при всем уважении к достижениям региональных исследователей приходится констатировать, что их результаты не устранили существующий на сей день зауженный взгляд на историю революции и ее характеристику как политического процесса. Однако для подъема на новый качественный уровень в осмыслении сути, содержания и причинно-следственных связей революционных событий того времени требуется выход на создание фундаментальных исследований на общероссийском материале, подготовленных с использованием современных методов научного анализа, существующих в гуманитарных науках. Целеполаганием комплексных исследований Великой русской революции могут быть, в частности, ответы на вопрос о том, как долго несла в себе революция черты старой политической системы и как долго формировались в ней черты новой,, какова была мотивация участия в революции представителей господствующего класса, интеллигенции, как шел процесс смены в ходе революции политических элит, углубления раскола общества, что оно приобрело и что утратило в итоге революции и как эти итоги повлияли на дальнейший ход российской и мировой истории, на трансформацию психологии человека и формирование новых политических режимов в мировом сообществе. Ответы на эти и другие подобные вопросы невозможно получить вне цивилизационного подхода к истории революции, вне ее рассмотрения на фоне цивилизационных сдвигов, происходивших в мире в конце XIX– первые десятилетия XX вв.

Оставим изучение обозначенных проблем для будущих исследований и обратимся к постановке в самом сжатом виде некоторых других, значимых для дальнейшего освещения заявленной темы.

Прежде всего, хотелось отметить то, что до сих пор в научной литературе не сложилось определенного подхода в оценке характера нашей революции. Классовый подход, сформулированный в свое время К. Марксом и взятый на вооружение В. Лениным в качестве методологического подхода в оценке первой стадии революции (до октября 1917 г.) господствовал в отечественной историографии на протяжении всего периода советской истории, но оказался неприемлем для российской действительности.

Анализ требований и наказов крестьянства, зафиксированные в документах этого периода, позволяет утверждать, что подавляющая масса крестьян выступала против скорейшего введения капиталистического хозяйства и буржуазных отношений. И свою существенную лепту внесла в это начавшаяся столыпинская аграрная реформа. Ускоряя социальную дифференциацию в деревне, она противопоставила беднейшее крестьянство, представлявшее тогда большинство крестьянского сообщества зажиточным крестьянам, а вместе с тем и тому капиталистическому укладу, представителями которого оно объективно являлось.

Деревенский традиционализм восстал в период первого всенародного революционного натиска против тех сил, которые встали на путь его разрушения. По сути, крестьянство в революции скорее стихийно и неосознанно выступило в роли союзника самодержавия, его устоев. Следует согласиться с мнением Б. Земцова о том, что в тех условиях «движение к капитализму, к демократии могло состояться только в результате реформ, проводимых сверху; революция же выводила на политическую арену силы, вовсе не знакомые с практикой парламентаризма» [5, с. 87]. Столыпинская реформа своими попытками создания в деревне широкого слоя сельской буржуазии только усилила антибуржуазные настроения крестьянства, создав условия для еще одного фронта революционной борьбы – внутрикрестьянского.

Сельская беднота здесь вела все более решительную борьбу против зажиточных крестьян, которые могли стать опорой утверждения в деревне капиталистического уклада.

Не способствовала движению революции в сторону утверждения господства буржуазии и ментальность основной массы населения. Да и сама буржуазия не стремилась встать в первых рядах борцов за власть. В обстановке начавшейся смуты она куда спокойнее чувствовала себя при царском режиме. Падение самодержавия и октябрьский переворот большевиков (подчеркнем здесь: политический переворот, захват власти в ходе революции. Противопоставлять друг другу эти понятия в данном случае ни в коем случае нельзя!) открывали вначале дорогу для дальнейшего развития революции в русле демократии. Но это направление довольно быстро было пресечено начавшейся гражданской войной и утверждением диктатуры пролетариата. Судя по содержанию последующего за гражданской войной революционного процесса, новый этап революции, продолжавшийся вплоть до завершения сталинского «большого скачка» может быть охарактеризован как антидемократический, тоталитарный, который, в конечном счете, привел страну к господству тоталитарной политической системы.

Провозглашенное Сталиным в конце 1930-х гг. построение в СССР основ социализма, по сути, было построением основ тоталитарного режима столь же далекого от социализма, сколь и от демократии. В этом в полной мере проявился на практике один из важнейших признаков классической революции: непредсказуемость ее последствий для тех, кто ее свершал, кто был ее движущей силой – для народа. Но извлек ли народ, свершивший революцию и вкусивший горькие плоды ее уроки, которые она преподнесла? Думается, что нет. Иначе не было бы слепого следования западным догмам и перенесения их в качестве образцов для подражания на российскую почву в период ельцинской бархатной революции, приведшей, в конечном счете, к расколу страны, к вооруженному противостоянию на ее границах.

Итак, сказанное лишь подтверждает правильность оценки, данной Великой русской революции в целом и октябрьских событий 1917 г., в частности, одним из активнейших их участников, видным историком и лидером партии кадетов П.Н. Милюковым. «Коммунистическая» революция 25 октября 1917 г., – подчеркивает П.Н. Милюков, – не есть что-то новое и законченное. Она есть лишь одна из ступеней длительного и сложного процесса русской революции. Большевицкая победа лишь продлила общий процесс русской революции. Она только открыла новый период ее» [10, с. 40].

Но если Великая русская революция – это цепь этапов единого и непрерывного политического процесса, то возникает вопрос: предшествовал ли ему один политический кризис, давший толчок всему процессу или на каждом из этапов завязывался свой клубок противоречий, толкавший дальше локомотив революции. Нам представляется вторая позиция более справедливой, поскольку мы видим и нарастание противоречий, и рост решительных действий участников процесса накануне каждого из этапов. Причем каждый из этих кризисов имел свою специфику, свою «изюминку», которая предопределила и особенности протекания очередного этапа революции. Так, например, октябрьскому перевороту 1917 г. предшествовал рост разгромных форм крестьянских выступлений в их общем количестве: 5 % в июне 1917 г., 20 % в сентябре и 42,1 % в октябре [6, с. 12]. Оценивая сложившуюся ситуацию в статье с символическим названием «Кризис назрел», В. Ленин делает однозначный вывод о назревании нового политического кризиса «Ясно само собою, – пишет он, – что если в крестьянской стране, после семи месяцев демократической республики, дело могло дойти до крестьянского восстания, то оно неопровержимо доказывает общенациональный крах революции, кризис ее, достигший невиданной силы, подход контрреволюционных сил к последней черте» [9, с. 425].

Вместе с тем по аналогии с характеристикой ключевых событий революции в качестве ее этапов, очевидно, можно говорить и об этапах, своеобразных «волнах» общенационального кризиса, предшествовавших

очередному революционному подъему. Разумеется, на всех своих этапах политический кризис был обусловлен комплексом причин и политического, и психологического, и социально-экономического порядка. На каждом из этих этапов те или иные их составляющие выдвигались на первый план. Однако в их анализе, как нам представляется, до сих пор менее исследованным остается фактор психологический, обусловленный недооценкой роли духовных, культурологических факторов революции, в то время, как выдающиеся мыслители того времени придавали им первостепенное значение [1, 7, 20].

В связи с этим хотелось бы обратить внимание на плодотворность институционально-психологического подхода к изучению революции, получившего уже успешную апробацию в современной литературе [3, 15, 16].

Что касается социально-экономических и политических факторов революции, то они тоже имели существенные различия и приоритетность на разных этапах революции в зависимости от того в какой социальной среде они зарождались. Исследователи давно обратили внимание на многослойность российского общества в предреволюционный и революционный период российской истории. В данном контексте ставился и обсуждался с различных позиций вопрос о роли тех или иных социальных групп: рабочие, крестьяне, интеллигенция, буржуазия и т.п. в возникновении и углублении революционного процесса. Как правило, исследователи единодушны в признании приоритетности пролетарского и крестьянского потоков в развитии революционного процесса. Однако в вопросе об их соотношении с точки зрения влияния на революционный процесс мнения расходятся. Так Е.Ю. Оборский, имея, очевидно, в виду ведущую роль пролетариата в революции утверждает: «Революция 1817 года пришла в деревенскую Россию из городов, прокатившись волной митингов, шествий, демонстраций, торжественных маршей и молебнов во славу новой власти» [11, с. 113].

Тезис о ведущей роли пролетариата в революции был господствующим в советской историографии, но революционной практикой он подтверждается не в полной мере. Российский пролетариат в начале XX в. действительно был

наиболее организованной социальной группой общества в силу специфики организации промышленного производства. Концентрация рабочей силы на предприятиях способствовала сплочению рабочих, выдвижению и отстаиванию единых требований с использованием специфических в целом эффективных форм борьбы. Тем не менее, крестьянство при всей его хозяйственной разобщенности имело более глубокие корни сельской организации, восходившие к опыту самоорганизации русской общины.

Изучение крестьянской самоорганизации в революции показывает, что если крестьянская самоорганизация к февралю 1917 г. носила уже повсеместный характер, в том числе и в части защиты своих интересов в виде организации вооруженных отрядов милиции, то организация вооруженных отрядов рабочих осуществлялась с некоторым запозданием и уже в ответ на летнее наступление сил контрреволюции. С психологической точки зрения аргументирует названную позицию В.И. Пернацкий в работе «Дуализм революции и противоречивость большевизма» [12, с. 48]. Он обращает внимание на то, что «даже гегемонизм пролетариата в революции следовало понимать чисто условно, то есть на уровне и в смысле господства пролетарской революционной идеи. Но уже на психологическом, массовом, обыденном уровне эта идея в значительной степени трансформировалась из пролетарской в крестьянскую и в таком виде уже становилась материальной движущей силой в обществе» [12, с.48]. Присоединяясь к скептицизму современной историографии по поводу гегемонии пролетариата в Великой русской революции, полагаю, что исследование ее движущих сил методологически правильно будет начинать с истоков, момента ее зарождения. В свою очередь, поиск ответа на вопрос о том, в какой социальной среде заваривалась тогда идейная смесь революционного взрыва, которая выводит нас на проблему соотношения стихийности и сознательности в революционном движении. Размышление над этими вопросами, прежде всего, требует определить свое отношение к точке зрения, согласно которой в России не было объективных предпосылок революции, а падение самодержавия было следствием происков

агентов иностранных спецслужб и представителей высших эшелонов власти в окружении самодержца [1, 19]. Здесь следует отметить, что в имеющейся научной литературе и публицистике, как правило, выделяется два диаметральных подхода: либо подтверждающих, по-своему аргументирующих данную точку зрения, либо отрицающих и опровергающих ее. Оба они представляются контрпродуктивными. Такое сложное явление, как Великая русская революция предполагает весьма осторожные подходы к ее оценке. В данном случае мы должны, очевидно, допускать вероятность воздействия на пробуждение революции и элементов стихийности и сознательной деятельности определенных политических сил по разжиганию революции, заинтересованных в этом, в том числе и зарубежных спецслужб, и представителей государственной власти, близких к самодержавию, и политических партий.

И.А. Ильин, например, отводит последним главную роль в пробуждении революции. «Революцию в России, – утверждает он, – сознательно раздули революционные партии, чтобы захватить в ней власть» [7, с. 108]. Однако в изучении роли политических партий и их конкретной деятельности в революции также как и в исследовании иных агентов влияния, необходимо избегать подобных крайностей. Кроме того, при оценке их роли в революции следует учитывать и фактор времени участия той или иной политической партии в революционном процессе, и эволюцию их целей, задач, тактических установок на различных его этапах. В целом же, как нам представляется, вплоть до октября 1917 г. все политические партии отставали от темпов революционного движения. Даже самая радикальная из них, самая близкая к массам и быстро набиравшая популярность партия большевиков не смогла возглавить революционный поток и даже оседлать его мощные волны. В.И. Ленин, анализируя события того времени, вынужден был признать, что «события в русской революции, особенно после 6-го мая и еще более 3-го июля, развиваются с такой невероятной быстротой вихря и урагана, что задачей

партии никак не может быть ускорение их: напротив, все усилия должны быть направлены на то, чтобы не отстать от событий...» [9, с. 265].

Анализ документов показывает, что «октябрьская революция» 1917 г. была весьма скромным по своему территориальному охвату событием вооруженного захвата власти большевиками в Петрограде. Российская глубинка до того времени мало что знала о большевиках и там, в этой крестьянской России развивалась своя, крестьянская революция, которая имела свои причины, особенности и последствия и которую такие крупные ее исследователи как В.П. Данилов и Т. Шанин рассматривали в качестве самостоятельного политического процесса [4, 21].

При выяснении причин вызревания крестьянской революции следует обратить внимание на теорию «тоталитарного синдрома», выдвинутую американскими учеными. Согласно ей революционные процессы в России были вызваны тоталитарной политикой государства, стремящегося монополизировать управление всеми сферами общественных отношений. Политика обуславливала иллюзорный характер реформ, проводимых в условиях диктата со стороны правящего режима, не снимала, а лишь углубляла существующие противоречия в деревне. Данная теория берется на вооружение зарубежными авторами и применительно к анализу советского периода российской истории [8, с. 169]. Иной акцент делается представителями западной историографии и в оценке психологического фактора вызревания революции. Если отечественные публицисты подчеркивали решающую роль духовно-нравственного состояния крестьянского общества, точнее факт расшатывания его духовных основ и падения нравственности, то американский историк Д. Мейел, в частности, причину непреодоленности революционной ситуации в российской деревне видел в консервативности и узости мировосприятия, свойственного российскому крестьянству [8, с. 17]. Допуская наличие этих черт крестьянской психологии, тем не менее, нельзя не признать ее способность к быстрой радикализации.

Проведенное нами изучение крестьянского движения в период с 1900 по 1917 гг. свидетельствует о том, что по мере его развития происходит эволюция соотношения стихийных и организованных элементов этого движения. Если вывести обобщение фактов, характеризующих данные явления на уровень методологических обобщений, то следует вести речь о необходимости исследования двух антагонистических, но неразрывно связанных друг с другом явлений, сопровождающих любой общий политический процесс – хаоса и порядка. Хаос, как правило, предшествует порядку и, в известной мере, предопределяет последний. Анализ их взаимосвязи в крестьянской революции позволяет сделать вывод, что «низкая эффективность стихийного крестьянского протеста делала все более очевидной необходимость организации. Поскольку только она могла реально противостоять организованной борьбе с крестьянством власти» [17, с. 21]. Процесс этот развивался настолько быстро, что уже к 1917 г. порядок и организованность в крестьянской среде превалировали над хаосом. Более того, после падения самодержавия, в период двоевластия сложилась и существовала уникальная для российской политической истории ситуация, когда крестьянская власть в виде различного рода общественных исполнительных комитетов, советов и союзов преобладала над центральной властью, а органы центральной власти, созданные Временным правительством, на местах постепенно эволюционировали в органы крестьянской власти. В результате на большей части просторов российской деревни двоевластие фактически прекратило свое существование еще до того, как было свергнуто Временное правительство в Петрограде. Но даже там, где власть Временного правительства сохранялась, она носила, в основном, формальный характер. Не сразу признала сельская глубинка и власть большевиков, но это – тема отдельного разговора и самостоятельного, более глубокого изучения.

В многообразии течений политического процесса, именуемого Великой русской революцией, наглядно проявилось противоборство радикального и консервативного течений. Казалось бы, преобладание первого очевидно,

поскольку само понятие «революция» ассоциируется с радикальной трансформацией существующей политической системы. Однако если мы посмотрим на данный процесс с точки зрения причинно-следственных связей, наполняющих его содержание, то здесь должны будем признать тот факт, что на дооктябрьском (1917 г.) этапе его развития преобладающей была консервативная тенденция, проявившая себя в борьбе абсолютного большинства российского общества в лице крестьянства за сохранение и упрочение сложившихся традиций русской общины. Но в послеоктябрьский период, особенно в годы гражданской войны, то же крестьянство в большинстве своем выступило в рядах Красной армии против консервативной доктрины руководства белого движения, вставшего с оружием в руках за возврат к монархическому режиму и помещичьему землевладению.

В другой плоскости развивалось противоборство демократических и антидемократических тенденций. В борьбе за демократию в начале революции слились воедино все социальные слои общества и политические силы. В послеоктябрьский период упрочению демократических завоеваний противостоят большевики с их армией «диктатуры пролетариата», воевавшие, тем не менее, в союзе с крестьянством против белого движения, отстаивавшего объективно, в том числе и интересы демократии. Заслуживает внимание точка зрения Е. Плимак, считавшего необходимым «в методологическом плане различать понятие демократии чисто политической, которую обеспечил в России февраль, и демократии социально-политической, о которой больше всего пеклись большевики на протяжении всего перехода от февраля к октябрю 1917 года, настаивая на выполнении, как ее назвал Н. Суханов, «непреложной программы» народа: мира, хлеба, земли» [13, с. 18].

Иной аспект изучения основных потоков революции рассматривает исследователь Б. Земцов. Он предлагает различать в этих потоках политическое и социальное течение революции, имеющие свою специфику, в том числе и различные предпосылки, различный уровень социального противоборства и различные последствия. По мнению Б.Земцова «Политическая революция в

результате массы обстоятельств может произойти в любой точке революции социальной» [5, с. 87]. В случае если социальные предпосылки для политической революции не созрели, как это было с политической революцией в Англии XVII в. на начальном этапе социальной революции и как это было с политической революцией в России в начале XX в., – то такие революции сопровождались массовым насилием, а в случае зрелости предпосылок на завершающем этапе социальных революций (политические революции в Венгрии, Польше, ГДР и Чехословакии в конце 80-х гг. XX в.) – эти революции оказались мирными, «бархатными» [5, с. 87].

Многообразие подходов к изучению внутривнутриполитических проблем Великой русской революции, разумеется, не ограничивается затронутыми аспектами. И здесь необходимо подчеркнуть, что именно такое многообразие будет обеспечивать воссоздание все более полной картины революционного процесса. И хотя процесс научного анализа Великой русской революции, скорее всего никогда не будет завершен, степень его глубины и всесторонности окажет непосредственное влияние на понимание роли Великой русской революции в политическом процессе мировой истории XX в., на судьбы российской модернизации и мировой глобализации, на повседневную жизнь каждого гражданина современной России. Следует признать, что до сих пор остаются не реализованными многие методологические подходы к исследованию Великой русской революции, и мы гораздо больше не знаем об этом крупнейшем явлении в нашей истории, чем знаем о нем. До сих пор нет официальной оценки нашей революции, не определено окончательно даже ее название, не извлечены уроки революции. Нет однозначного ответа на вопрос: могла ли Россия после февраля 1917 г. пойти по демократическому пути развития, являлось ли установление власти большевиков следствием победы веками существовавших устоев российского традиционализма или они стали их разрушителями. Не потому ли наше общество все еще расколото на «красных» и «белых», на «сталинистов» и «антисталинистов», на сторонников и противников выноса из мавзолея тела В.И. Ленина. Не потому ли оно еще

сожалеет о советском прошлом, не знает своего настоящего и с тревогой вглядывается в будущее. Что касается будущего, то события той, казалось бы, далекой эпохи, хотим мы этого или нет, то тут, то там еще долго будут врываться в нашу повседневность вопросами, на которые мы не сможем дать ответа. И не потому ли наше будущее туманно, что мы плохо знаем или не хотим знать наше настоящее и прошлое.

Список литературы

1. Баландин Р.К. Мифы революции 1917 года. – М., 2007.
2. Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990
3. Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века. Сб.ст. Под ред. А.И. Шевелькова. – Коломна, 2013.
4. Данилов В.П. Крестьянская революция в России. 1902-1922 гг.// Крестьянство и власть. Материалы конф. – Москва-Тамбов, 1996.
5. Земцов Б. Ментальность масс в канун «Великих потрясений» // Свободная мысль. – №11(1468). – 1997. – С.87
6. Игрицкий И.В. Аграрный вопрос и крестьянское движение в России. – М., 1962.
7. Ильин И. О грядущей России. Избранные статьи. – М., 1993.
8. Ланский Т.Н. Российское крестьянство второй половины XIX – начала XX века в зарубежной историографии// Северо-запад в аграрной истории России. Межвуз. сб. науч. трудов. Вып.20. Под ред В.И. Никулина. – Калининград. 2013.
9. Ленин В.И. Избранные произведения в четырех томах. Т.2. – М., 1986.
10. Милюков П. Россия на переломе. Большевистский период русской революции. Т.1. – Париж. 1927.
11. Оборский Е.Ю. Крестьяне Ставрополя и их ожидания от революции 1917 г. //Государственная власть и крестьянство в конце XIX – начале XXI века. Сб.ст. Под ред. А.И. Шевелькова. – Коломна, 2009.
12. Пернацкий В. Дуализм революции и противоречивость большевизма //Свободная мысль. – 1997. – №10. – С.
13. Плимак Е. Две революции, две точки зрения //Свободная мысль. – 1997. – №10. – С.
14. Поляков Ю.А. Историческая наука: Люди и проблемы. – М., 2004
15. Поляков Ю.А. Методологические проблемы истории. – М., 2006.
16. Романченко В.Я. К вопросу о методологии исследования революционных процессов (на примере Великой русской революции) //Современное гуманитарное знание: проблемы методологии и историографии. Межвуз. сб. науч. тр. Под ред. С.И. Савельева. – Саратов, 2007. – С.19-36.
17. Романченко В.Я. К вопросу о самоорганизации российского крестьянства в революции 1905-1907 гг. //Россия–СССР–РФ в условиях реформ

и революций XX–XXI вв. Материалы межд. науч. конф. Май 2016. – Саратов, 2016. – С.20–25.

18. Стариков Н. 1917. Кто «заказал» Россию. Главная тайна XX века. – М., 2009

19. Франк С. Смысл жизни //Вопросы философии. – 1990. – №6. – С.73.

20. Шанин Теодор. Революция как момент истины. 1905–1907 / 1917–1922 гг. – М., 1997.

Дудникова Е.Б.

Шалаева Н.В.

Саратовский государственный
аграрный университет им. Н.И. Вавилова
(Саратов, Российская Федерация)

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 Г. И ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР.

Аннотация. Авторы на основе анализа отечественной и зарубежной историографии русской революции 1917 г. рассмотрели ключевые проблемы, поднятые историками за последние два десятилетия. Были определены векторы развития историографии октября 1917 г. как научной проблемы, выделены наиболее дискуссионные вопросы. В результате авторы пришли к выводу, что политический и социокультурный раскол общества, возникший в эпоху революции, продолжает существовать и сегодня. Это не позволяет историкам преодолеть его и в науке.

Ключевые слова: революция, большевики, гражданская война, историография, научные дискуссии.

Dudnikova E. B.

Shalaeva N. V.

Saratov state agrarian University
named after N. Vavilov
(Saratov, Russia)

Abstract. Based on the analysis of Russian and foreign historiography of the Russian revolution of 1917, the authors considered the key issues raised by historians over the past two decades. The vectors of development of historiography in October 1917 as a scientific problem were identified, the most controversial issues were identified. As a result, the authors came to the conclusion that the political and socio-cultural split of society, which arose in the era of the revolution, continues to exist today. This does not allow historians to overcome it in science.

Key words: revolution, Bolsheviks, civil war, historiography, scientific discussions.

Тема революции 1917 г. как в советский, так и постсоветский периоды всегда была одной из самых актуальных и дискутируемых в отечественной и зарубежной историографии. В советский период в оценках революции доминировали идеологические установки, обозначенные «Кратким курсом ВКП(б)» и сконцентрированные в работах крупных советских историков, воплотивших идеологемы власти в исторической концепции о неизбежности

пролетарской революции Октября 1917 г. [22]. Перестройка конца 1980-х гг., последовавшая за ней трансформация государственной системы и всего общества, революционная смена вектора исторического развития, формирование политического, исторического плюрализма привели к системному переосмыслению не только советской, но и поздней имперской истории. В отечественной историографии произошел отказ от традиционной марксистско-ленинской идеологии, который привел к возникновению множества концепций, подходов и взглядов на революционные события и процессы 1917–1920-х гг. Дискуссии о революции 1917 г. не утихают уже на протяжении четверти века.

Идеологические барьеры, удерживающие европейских и американских историков в оценках событий революционного периода в рамках риторики холодной войны, были сняты в зарубежной историографии еще в 1980-е гг. Э. Хобсбаум [42] писал об особом значении для мирового развития русской революции 1917 г. Он определил механизм ее развития, выявил значение и слабость политических сил и партий, участвовавших в революционных процессах, выделил причины и условия захвата власти большевиками. Вопрос о власти Э. Хобсбаум рассматривал как проблему противостояния и борьбы политических сил и альтернатив революции.

В дискуссиях 2000-х гг. большую роль сыграли исследования американского историка С. Смита, который предопределил или, точнее сказать, обозначил поворот в отечественной историографии [34, с. 261–282]. Он очертил круг проблем, которые, по его мнению, станут не только наиболее дискуссионными. Это проблемы идентичности, власти, культурного развития, экономических вопросов и т.д. Работа С. Смита, по мнению отечественного историка В.М. Шевырина определила векторы исторических исследований и дискуссий в отечественной историографии. В.М. Шевырин отмечает, что в 2000–2010-х гг. в историографии 1917 г. произошел «лингвистический поворот», вызванный активным обращением к «новой истории», т.е. истории ментальности. «Именно на ее основе, ее подходах к познанию прошлого и

методах его исследования и происходит интенсивная «реинтерпретация» революций 1917 г.» [44, с. 56].

В 2000-е гг. в зарубежной историографии дискуссии развернулись в теоретической плоскости, по вопросам терминологии («русская революция»), ее этапов (февральский и октябрьский), характеристики и трактовки периода от февраля до октября, сроков начала и завершения, критериев по которым определяются ее хронологические рамки и т.д. [32, с. 1–2]. В дискуссии о предпосылках и альтернативах революции обозначились две диаметрально противоположные позиции: о неизбежности революции и ее случайности (крайне неблагоприятное стечение обстоятельств, связанное с участием России в первой мировой войне и неудачами на фронте) [18, с. 1]. В то же время европейские и американские специалисты в области русской истории в большей степени уделяют внимание социальной, экономической истории, истории культуры [32, с. 5].

Исследования А.Б. Улама [39], Р. Пайпса [25], были посвящены генезису власти большевиков и причинам их победы в 1917 г. А.Б. Улам, проводя анализ воспоминаний и свидетельств сторонников и оппонентов большевиков, связывает победу РСДРП(б) с именем В.И. Ленина, чья политическая позиция и организационная работа сыграла решающую роль в революционных событиях 1917 г. Вопрос о власти, по мнению А.Б. Улама, решался в острой политической борьбе. Способность В.И. Ленина объединить вокруг себя единомышленников готовых и способных к решительным действиям, наличие политической воли большевиков, стали определяющим фактором в их победе. А.Б. Улам анализирует процесс эволюции РСДРП(б) весной – осенью 1917 г. Он обращает внимание на то, что февральские события происходили без участия большевиков, июльский кризис он рассматривает как большевистскую авантюру, но события октября 1917 г. в его понимании – это продуманные и последовательные действия.

Р. Пайпс рассматривает февраль и октябрь 1917 г. как единый исторический процесс, где лидеры всех политических сил сыграли свои роли,

не связывая, таким образом, развитие революционных процессов только с волей и деятельностью В.И. Ленина. Р. Пайпс считает, что июньско-июльский политический кризис – это путч [25, с. 139], тогда как «корниловский мятеж» – череда политических ошибок, просчетов и личных амбиций лидеров демократических сил (в частности А.Ф. Керенского), давая ему оценку политической провокации [25, с. 164]. Завоевание представителями РСДРП(б) на выборах большинства мест в Петросовет в сентябре 1917 г., по его мнению, – одно из условий победы партии в октябрьских событиях. В распределении министерских постов (СНК) между членами партии, в единогласном принятии ими политических решений, в проведении в жизнь основополагающих для общества решений как главами соответствующих ведомств, опирающихся на бюрократию и органы госбезопасности (ВЧК) [25, с. 220] американский историк видит сущность и силу новой власти

В отечественной историографии научный плюрализм 1990-2000-х гг. привел к выделению ряда принципиальных тем, изучение и анализ которых способствовали формированию как полярных (от неприятия и полного отрицания событий до утверждения величия и масштабности событий), так и умеренных позиций, попыток осмысления событий в контексте цивилизационного и синергетического подходов в истории.

Поляризация взглядов историков ярко обозначилась в ходе круглых столов, посвященных 90-летию февральских и октябрьских событий 1917 г. [17; 31], прошедших в Москве в Институте российской истории РАН в 2007, 2008, 2017 гг. Сформулированные на круглых столах проблемы в той или иной мере нашли свое отражение в исследованиях отечественных историков.

Сегодня можно констатировать, что в отечественной историографии дискуссии идут как по концептуальным, так и конкретно-историческим вопросам, затрагивающие проблемы методологии истории 1917 г. и последующего десятилетия. Круг поднимаемых тем очень широк – от цивилизационных основ революции до участия и роли отдельных социальных групп и политических (государственных) деятелей,

Наибольшие споры вызывают вопросы хронологических рамок революции, ее этапов, сущности, содержания и социальных сил. Так, например, В. Никонов в исследовании, посвящённом Октябрю 1917 г. говорит о двух революциях, каждая из которых была тщательно подготовлена и продумана. Он видит победу большевиков в просчетах Временного правительства не только политических, но и экономических ошибках, уничтоживших рыночные механизмы в условиях войны. Победу большевиков он видит в способности партии к высокой мобилизационной активности и сплоченности, в отличие от либерально-демократических сил, потерявших авторитет не только среди рабочих, но и в армии [23].

Сегодня историки обращают внимание на то, что революция 1917 г. – сложный, многоплановый процесс, начавшийся задолго до самого события и берущий истоки в модернизации рубежа XX–XXI вв., в изменении политической жизни, в формировании гражданского общества [6, 8, 26, 27, 35, 36]. М.А. Фельдман разводит понятие революции и переворота, считая, что то, что произошло в октябре 1917 г. в Петрограде – это переворот, а последовавшие за ним события – революция [40, с. 120].

Поворот в отечественной историографии был связан с изучением общественных мнений и настроений различных социальных групп. Так, например, М.А. Фельдман обращает внимание на то, что июньский кризис 1917 г. и продолжение участия России в первой мировой войне «девальвировало социальные преобразования, вызвав разочарование среди рабочих» [40, с. 115]. Ситуация усугублялась кризисом в эсеро-меньшевистских кругах, вызвав изменение настроений в рабочей среде. Исследователь обращает внимание на стремление рабочих к компромиссу, а не к революции [40, с. 16]

Большое внимание уделяется изучению социальных групп и их роли в революции, в частности крестьянства. Исследуя социальные силы революции А.С. Ахиезер, обратил внимание на то, что октябрьскую революцию 1917 г. нельзя в буквальном смысле назвать пролетарской. Опираясь на демографические исследования, он доказывал низкий уровень урбанизации

России в начале XX в., рассматривая ее как цивилизацию деревенскую, крестьянскую. В связи с этим он считал неправомерным утверждать, что в России начала века развивался капитализм, а, следовательно, здесь еще не сложился класс промышленного пролетариата и революция, произошедшая в 1917 г. носила не пролетарский, а крестьянский характер [1, с. 13–23].

М.А. Фельдман, рассматривая революцию как непролетарскую, обращая внимание на активное участие в ней солдатских масс, справедливо определяя ее как леворадикальную [40, с. 120]. Основной причиной выступления солдатских масс, поддержка ими леворадикальных сил, от которой и зависел, по его мнению, исход событий октября 1917 г., было сохранение Временным правительством союзнических обязательств в первой мировой войне. В связи с этими рассуждениями современных историков возникает вопрос и о трактовке революционных событий 1905-1907 гг. как буржуазно-демократических, т.к. в этой революции принимали активное участие не только демократические силы, но и крестьянство, рабочие. Любая революция влечет за собой активность всех социальных слоев, а о ее характере принято говорить на основе итогов революционных событий.

И.И. Глебова [7] видит истоки революции в событиях начала XX в. По ее мнению, имперская власть в лице Николая II стремилась к преобразованиям по европейскому образцу, реализуя их уже в условиях революционных потрясений 1905–1907 гг. И.И. Глебова подчеркивает, что десакрализация власти, «сопровождая ее «демонтаж», была содержанием...Февраля» [7, с. 7]. Революционные процессы уничтожили зачатки очередной европеизации российского общества. В сознании крестьян произошла трансформация восприятия монархической власти, которая перестала восприниматься как заступническая, им покровительствующая. И.И. Глебова обращает внимание на разницу в восприятии, понимании и отражении в сознании общества и монарха представления о власти, где «избранность власти есть проекция избранности народа» [7, с. 8], считая, что в слабости власти отсутствовала причина ее кризиса и крушения. В массовом сознании низов российского общества

«павшую власть связали с его «верхами», которые начали восприниматься резко негативно. «Низы» всю накопившуюся ненависть и запас социального недовольства перенесли на власть. Николай II как самодержец стал персонификатором народной ненависти к «верхам» [7, с. 9]. Но монарх не смог понять суть кризиса, размах социального гнева. Он, воспитанный в духе теории официальной народности, был глубоко убежден в генетической связи с русским народом, наивно верил в ее нерушимость и народный монархизм. И эта вера вела его и общество к политическому кризису 1917 г. Дарованные Манифестом 17 октября 1905 г. свободы стали запоздалым актом власти, а события 1905–1907 гг. только ускорили процесс десакрализации власти, с которой связывался ее авторитет. Фактически происходило разрушение архетипов власти, сопровождавшийся потерей идентификации, целостного образа собственного «я», потерей смысла жизни, что негативно сказалось на судьбах как представителей творческой интеллигенции, так и простого мужика.

По нашему мнению, разрушение традиционных архетипов власти было связано в первую очередь с кризисом монархизма, дома Романовых. Более того, можно говорить о том, что традиционализм архетипов власти позволил советскому правительству, обращаясь к рабочим и крестьянам понятным для них языком и символами народной культуры, создать новые образы власти.

Лингвистический поворот в истории революции 1917 г. способствовал изучению вопросов формирования и отражения образов власти в массовом сознании общества на ментальном уровне. Это свидетельствует о том, что анализ образов власти невозможен вне зависимости от исследования исторической психологии как ментальной составляющей российского общества, на которую так активно воздействовала власть посредством культурных кодов и символов.

Развитие истории ментальности как научной проблемы в отечественной историографии проходило под влиянием европейских исследований, в которых особое внимание уделялось анализу общественных мнений и настроений советского общества в сталинскую эпоху, ментальности крестьянства [4, 43].

В исследование ментальности большой вклад внесла С. Дэвис [10], способствуя развитию анализа общественного мнения как научного направления в отечественной историографии, введя в научный оборот термин «народное мнение» как отражение, проявление общественного настроения. С. Дэвис в основу своей работы положила анализ писем крестьян во власть как проявление диалога власти с обществом. Письма были каналом воздействия на сознание общества, посредством которого власть узнавала о настроениях в нем и способствовала властной рефлексии. С. Дэвис обращает внимание на слабость обратной связи, ее ограниченность, что выливалось в слабости и низком уровне воздействия «общественного мнения» на власть и ее политику.

Проблеме ментальности посвящен фундаментальный труд В.С. Жидкова и К.Б. Соколова «Десять веков российской ментальности: картина мира и власть» [11]. В монографии они исследуют генезис и эволюцию ментальности как особой системы мировоззрения человека двух цивилизации – русской и советской, ее проявления в политике государства и культуре, во взаимоотношениях власти и общества.

Проблема общественных настроений крестьянства в условиях социальных конфликтов и трансформаций государственности сегодня одна из активно разрабатываемых в отечественной историографии. Тема крестьянства долгие годы рассматривалась в контексте модернизационных процессов, начатых государством и отражавших интересы городской экономики. Интересы крестьянства фактически были подчинены задачам власти по индустриализации страны. Советская деревня, труд крестьян стали внутренним источником промышленной модернизации в 1930-е гг. и в восстановительный послевоенный период 1945–1950 гг. Крестьянство, оставаясь самым многочисленным социальным слоем страны, вызывало у государственных структур повышенное внимание к репрезентации образа власти, что вело к отслеживанию общественного мнения в деревне. Крестьянство для власти было неустойчивой и ненадежной социальной категорией населения, за поддержку

которой приходилось по-прежнему бороться на протяжении длительного времени.

Рабочий класс, в противовес крестьянству, казался более надежной опорой власти. Но события весны 1921 г. в Кронштадте продемонстрировали власти необходимость анализа общественных настроений не только в армии, но и среди рабочих, что нашло отражение в письмах во власть. Этим проблемам посвящены работы С.В. Ярова [46, 47], в которых он изучает настроения различных слоев городского населения, в частности рабочих, как реакцию на политику советской власти. Характеризуя политическую культуру городского населения, автор выделяет и анализирует круг проблем оппозиционных настроений и политического протеста рабочих.

Большое внимание изучению проблемы массового сознания крестьянства в период революции уделяют О.Г. Буховец, П.П. Марченя и А.А. Лившин. Эта проблема – одна из центральных в ходе работы международного круглого стола «Крестьянство и власть в истории России XX в.» [5, с. 252–419.] По мнению организаторов круглого стола «Крестьянство в российской истории вообще определяло ее важнейшие особенности в целом и оказывало влияние на элиты большее, чем элиты на крестьянство» [21, с. 14]. Изучение крестьянства как крупнейшего социального слоя в России участники круглого стола связали с проблемой власти и борьбы за нее, т.к. от того какие силы поддерживало крестьянство во многом зависел исход политической борьбы. В.В. Кондрашин обратил внимание на то, что в годы революции «не большевики, эсеры или анархисты «вели крестьян». Они лишь придавали их политической активности более организованные формы», считая, что позиция крестьян определила исход гражданской войны [16, с. 25].

А.Я. Лившин рассматривает общественные настроения советской России в 1917–1929 гг. [19] на богатом архивном материале, в основе которого лежит анализ писем во власть, анализирует вопросы легитимации советской власти, образов власти, их отражение в общественном сознании и выражение в настроениях различных социальных слоев населения. А.Я. Лившин поднимает

такие теоретические проблемы, которые были сферой интересов политологии: проблема власти как основополагающей категории государства и вопросы легитимации власти большевиков. Он дает характеристику советской власти, рассматривает ее в динамике, констатируя на основе писем во власть общественные настроения, которые «выстраивались вокруг желания перемен», что определило позитивное отношение к большевикам в 1917 г., которое колебалось в зависимости от мероприятий власти [19, с. 436].

Одна из последних работ, вышедших в России, посвященных вопросам общественного сознания и восприятия власти и написанных на стыке исторической антропологии и социальной истории, – монография В.П. Булдакова, в которой новая экономическая политика исследуется как пролог сталинской эпохи [3]. Автор на примере писем И.В. Сталину рассматривает процесс перерождения «революционной утопии в утопию власти». Историк на основе широкого круга источников воссоздает мрачную картину депрессивного состояния общества, причиной которого стали послереволюционные метания и эксперименты большевиков.

Для интеллектуальной истории характерно рассмотрение истории с позиций нелинейного времени, что потребовало от исследователей обращение к миру человека, культуре. В историографии эти изменения определили отказ в исследованиях от традиционного подхода к работе с источниками, обращенность не только к самому тексту, и его контексту, и подтексту, что позволило расширить исследовательское поле. В рамках «новой культурной истории» историки обратились к изучению человека в его историческом времени и конкретных условиях.

В контексте изучения культурной истории в историографии появились исследования, посвященные вопросам взаимоотношения власти и культуры, репрезентации образа власти. К этим проблемам обращается Б.И. Колоницкий, изучающий политическую культуру революционной России 1917 г. [15]. Он, анализируя символы власти, прослеживает генезис новой государственной символики и атрибуты, выявляет степень и формы влияния культуры на

формирование советского политического сознания. В центре его внимания – политическая борьба политических движений, развернувшаяся, в том числе, и вокруг государственных символов. Б.И. Колоницкий расширяет трактовку символов власти, включая в это понятие не только государственные (герб, гимн, флаг, награды), но и гражданскую и военную одежду, название улиц, песни, плакаты, формы обращения и т.д.

Европейские и американские историки Б. Энкер [45], Н. Тумаркин [38], Э.К. д'Анкосс [9], Ш. Плаггенборг [28] в своих работах проводят анализ проблем взаимоотношения власти и культуры, выделяют новую научную тему – власти–мифа как элемента политического мифотворчества, создаваемая и внедряемая властью в массовое сознание общества средствами художественной культуры. Обращение со стороны власти к политическому мифу было не случайным и связано с ее стремлением сконструировать определенную историческую связь эпох, разрушенную в результате социокультурного раскола, возникшего еще до 1917 г. и углубленного революцией [20, 41]. Перенос революции в сферу мифических образов способствовал моделированию новых связей, трансформируемых благодаря культуре в реальность. Политический миф, которому обращается новая власть – своеобразная поисковая логика, действующая в отсутствие полноты исходных исторических данных. Формирование мифологем строилось на основе системы знаков и символов, героического нарратива [30, с. 162], нашедших выражение в визуальных кодах-символах, создаваемых культурой.

Еще одно направление современной историографии связано со стремлением выявления места и роли политических лидеров в революции 1917 г и последующих событиях в России. Эта тема поднималась как в зарубежной, так и отечественной историографии 1990-2000-х гг. Большое внимание уделялось лидерам политических партий и белого движения [14, 24, 37], публиковались их работы, воспоминания, дневники и автобиографии [12, 13, 29, 33]. Особенность современных исследований заключается в том, что историки стремятся к изучению не столько политической составляющей

лидерства, сколько к ее социокультурному анализу, выявлению связи лидерства с реалиями времени и различными социальными слоями российского общества.

Большое внимание уделяется в историографии В. Ленину. Американская исследовательница Н. Тумаркин в работе «Ленин Жив! Культ Ленина в Советской России» [38], вышедшей еще в конце 1980-х гг., рассматривает становление и развитие политического мифа, связанного с образом вождя и его отражением в массовом сознании. Н. Тумаркин поднимает проблему мифологем советского миропонимания посредством персонификации образа власти. Исследовательница рассматривает политико-пропагандистские механизмы формирования образа власти в сознании советского человека. Н. Тумаркин анализирует процесс формирования культа В.И. Ленина как совокупность различных символов (портреты вождя, его статуи, значки и плакаты, названия улиц и городов) и ритуалов (торжественные заседания в юбилейные даты, праздники), которые призваны были служить внешней формой единства чувств, мыслей и действий власти и общества [38, с. 13]. Она одна из первых поднимает вопросы происхождения культа В.И. Ленина.

В.П. Булдаков [2 с. 6–20] на основе анализа источников личного происхождения провел анализ деятельности и дал характеристики ведущим лидерам революции – П. Милюкову, А. Керенскому, В. Чернову, Л. Троцкому и, конечно, В. Ленину. В.П. Булдаков показывает зависимость политических лидеров от настроений народных масс. И если происходило несовпадение народных настроений и представлений о лидере с поведением, действиями и, что не маловажно, риторикой представителей политической элиты 1917 г., то народ отторгал и ниспровергал таких лидеров.

Революция 1917 г. и последовавшие за ней глубокие преобразования в России обозначили столь резкий поворот в истории, приведший к глубокому социокультурному расколу общества, что даже спустя столетие эти события вызывают различные дискуссии, не позволяющие прийти к научному консенсусу и логичному обоснованию этих событий и требующие дальнейшего глубокого исследования.

Список литературы:

1. Ахиезер А.С. Октябрьский переворот в свете исторического опыта России // Октябрь 1917 г. Взгляд из XXI века. Сб. материалов Всероссийской научной конференции. – М., 2007. С. 13-23
2. Булдаков В.П. 1917 год: лица, личины и лики революции // Россия и современный мир, – 2017. – №1. – С. 6-20.
3. Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени России. 1920–1930 гг. – М., 2012.
4. Буховец О.Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX в.: новые материалы, методы, результаты. – М., 1996;
5. Буховец О.Г. Крестьянский вопрос как альфа и омега отечественной модернизации // Сталинизм и крестьянство. Сборник научных статей и материалов круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории». Сер. «Научный проект «Народ и власть: история России и ее фальсификации» – М., 2014. – С. 266–269.
6. Война и общество в XX веке: в 3 кн. – М., 2008;
7. Глебова И.И. Вопрос о власти в революциях 1917 г.: социокультурный контекст // Полития. – 2010. – № 1. – С. 5–29.
8. Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). – М., 2003,
9. Д’Анкокс Э.К. Ленин. – М., 2008;
10. Davis, S. Popular Opinion in Stalin’s Russia. Terror, Propaganda and Dissent, 1934–1941. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
11. Жидков. В.С. Соколов К.Б. Десять веков российской ментальности: картина мира и власть. – СПб., 2001.
12. Ивнев Рюрик. В вихре революции. События глазами поэта. – М., 2017
13. Изгоев А.С. Рожденное в революционной смуте. – М., 2017.
14. Керенский А. Ф.: Pro et contra: Личность и деятельность А.Ф. Керенского в оценках современников. Антология. – СПб., РХГА – 2016.
15. Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть. – М., 2001.
16. Кондрашин В.В. Крестьянский вопрос как альфа и омега отечественной модернизации // Сталинизм и крестьянство. Сборник научных статей и материалов круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории». Сер. «Научный проект «Народ и власть: история России и ее фальсификации». – Москва, 2014. С. 275-278.
17. Круглый стол «Февральская революция 1917 г. в российской истории» // Отечественная история. – 2007. – № 5. – С.
18. Late Imperial Russia: Problems and prospects. Essays in honor of R.B. McKean. – N.Y., 2005. – 208 p
19. Лившин А.Я. Общественные настроения в Советской России. 1917-1927 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2004.

20. Мифы и мифология современной России. – М., 2000.
21. Марченя П.П. Крестьянский вопрос как альфа и омега отечественной модернизации// Сталинизм и крестьянство. Сборник научных статей и материалов круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории». Сер. «Научный проект «Народ и власть: история России и ее фальсификации» – Москва, – 2014. – С. 264–266.
22. Минц И.И. История Великого Октября. В 3 т. – М., 1967–2973
23. Никонов В. Октябрь 1917. Кто был ничем, тот станет всем. – М., 2017
24. Оберучев К.М. В дни революции: Воспоминания участника великой русской революции 1917 года. – М., 2017.
25. Пайпс Р. Русская революция: В 3 кн. Кн. 2. Большевики в борьбе за власть. 1918-1924. – М., 2005.
26. Петров Ю.А. Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции // Экономическая история. – 2017. – № 2. – С. 9–23.
27. Петров Ю.А. Московская буржуазия в начале XX в.: предпринимательство и политика, – М., 2002;
28. Плаггенборг Ш. Революция и культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. – СПб., 2000.
29. Революция 1917 года глазами современников: в 3 томах: Том 1. Январь – май. – М., 2017
30. Рейли Д. Революционное слово как оружие, или как язык довел саратовских большевиков до власти// Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 14. – М., 2004. – С. 162–172.
31. Российские революции: 90 лет спустя. «Круглые столы» в Институте российской истории РАН // Отечественная история. – 2008. – № 6.
32. The Russian revolution: The Essential readings. – L.; Toronto, 2001. – X, 288 p, с. 1–2
33. «Свет во тьме...». В Борьбе за Россию. 1917-1922. – М., 2017
34. Smith S. Writing the history of the Russian revolution after the fall of communism // The Russian revolution: The Essential readings. – L.; Toronto, 2001. – P. 259–282.,
35. Суханова Н.И. Россия от Февраля к Октябрю 1917 г. // Русская революция и современный мир. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием: в 2-х частях. 2017. –Н. Новгород. – С. 212–218.
36. Суханова Н.И. Северный Кавказ в первой мировой войне // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2014. – № 5. – С. 138-146.
37. Троцкий Л. Д.: pro et contra, антология. – СПб., РХГА. – 2016.
38. Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. – СПб., 1997.
39. Улам А.Б. Большевики. Причины и последствия переворота 1917 г. – М., 2004.

40. Фельдман М.А. Была ли Октябрьская революция 1917 года пролетарской? (Проблемы истории и историографии) // Общественные науки и современность. – 2012. – №5. –С. 112-120.
41. Формирование культа Ленина в Советском Союзе. – М., 2011.
42. Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914-1991). – М., 2004.
43. Шаповалов А.И. Феномен советской политической культуры: ментальные признаки, источники формирования и развития. – М., 1997.
44. Шевырин В.М. Революции 1917 г.: переосмысление в зарубежной историографии // Россия и современный мир – № 1. – 2007. –С. 56
45. Энкер Б. Формирование культа Ленина в Советском Союзе. – М., 2011.
46. Яров С.В. Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. – СПб., 1999.
47. Яров С.В. Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и нэп глазами петроградцев. – СПб., 1999.

Крайнов А.Л.
Саратовский государственный
аграрный университет им. Н.И. Вавилова
(Саратов, Российская Федерация)

ОСМЫСЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

Аннотация: Статья посвящена осмыслению революционных событий 1917 года русскими философами. Большинство из них ждали данных событий с большой надеждой на светлое будущее и радостью, полагаясь на их освободительный дух, способный очистить Россию от самодержавия, как политического режима, ввергнувшего страну в кровавые события Первой мировой войны. Некоторые философы видели в революционном социализме путь к подлинной свободе народа. Тем не менее, после смены власти многие русские философы были сосланы в эмиграцию, а их надежды вовсе не оправдались. В дальнейшем отношение к революционным событиям семнадцатого года среди русских философов резко меняется, вплоть до осуждения и неприятия. Таким образом, автор пытается показать динамику философской мысли касательно революции в России в контексте русской религиозной философии.

Ключевые слова: Февральская революция, Октябрьская революция, русская религиозная философия, русская идея, христианский социализм.

Kraynov A.
Saratov state agrarian University
named after N. I. Vavilov
(Saratov, RF)

REFLECTION OF THE 1917 REVOLUTION IN THE CONTEXT OF RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY

Abstract: The article is devoted to understanding the revolutionary events of the 1917 by Russian philosophers. Most of them waited for them with great hope for a bright future and joy, relying on their liberating spirit, capable of purging Russia of autocracy, as a political regime that plunged the country into the bloody events of the First World War. Some philosophers saw in revolutionary socialism the path to genuine freedom of the people. Nevertheless, after the change of power, many Russian philosophers were exiled to emigration, and their hopes were not justified. In the future, the attitude towards the revolutionary events of the seventeenth year among Russian philosophers changes dramatically, up to condemnation and rejection. Thus, the author tries to show the dynamics of philosophical thought concerning the revolution in Russia in the context of Russian religious philosophy.

Key words: February Revolution, October Revolution, Russian religious philosophy, Russian Idea, Christian socialism.

События 1917 г. в России по сей день продолжают волновать умы всего передового человечества. Особенно остро их переживали представители русской философской мысли. Следует сказать, что для многих из них случившееся оставило двойственное противоречивое впечатление, никак не соотносившееся с их ожиданиями и чаяниями. Большинство русских философов, в итоге, вынуждены были покинуть Россию на «философском пароходе» в 1922 г. Среди них можно отметить Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, И.А. Ильина, Л.П. Карсавина, Н.О. Лосского, П.А. Сорокина, С.Л. Франка.

Февральскую революцию 1917 г, в результате которой было свергнуто самодержавие, многие представители русской интеллигенции ждали с нетерпением, полагая, что именно она даст начало к выбору русским народом своего особого пути, не схожего ни с западным, ни с восточным, даст свободу, гражданские права, огромные возможности для самореализации и процветания, всеобщую Христову любовь. На первый взгляд кажется парадоксальным, что представители русской религиозной философии могли с радостью предвкушать падение православной монархии. Их ожидания основывались на так и не получившей окончательного оформления концепции «Русской идеи» об исключительной исторической роли русского народа. Если в XVI в. в момент своего появления данная концепция видела эту исключительность в православной монархии и самодержавии, то в XIX в. она претерпела существенные изменения. В частности, П.Я. Чаадаев в своих философических письмах, размышляя об исключительном предназначении русского народа, отчасти заложил начало для реакционных мыслей по поводу православия, полагая, что именно оно является причиной всех бед Российского государства. Из-за православия, считал П.Я. Чаадаев, вся история России шла не так, как история западных народов: «В самом начале у нас дикое варварство, потом грубое суеверие, затем жестокое, унижительное владычество завоевателей, дух которого национальная власть впоследствии унаследовала, владычество, следы

которого в нашем образе жизни не изгладились совсем и поныне» [9, с. 404]. Таким образом, благодаря П.Я. Чаадаеву, вектор русской идеи сместился от православного самодержавия к мессианской роли русского народа и России, которой суждено решать мирового социального порядка: «... мы, так сказать, самой природой вещей, предназначены быть настоящим совестным судом по многим тяжбам, которые ведутся пред великими трибуналами человеческого духа и человеческого общества» [4, с. 65].

Согласно Б. Колоницкому, многие современники воспринимали февральскую революцию как победу русского духа над пассивностью и мертвечиной, греховностью самодержавия, не только как политическую, но как религиозную революцию [14]. Они полагали, что с революцией исчезнут ложь и воровство, сквернословие и азартные игры, тюрьмы и заборы, что революция привнесла в общественную жизнь истинное христианство. С.Л. Франк писал, в частности, что февральская революция способствовала пробуждению всеобщей солидарности людей, и они стали внимательнее и вежливее к друг другу [23, с. 28]. О.В. Останина показывает, что в это время в России появлялось множество течений, стремящихся в себе соединить революционное движение и обновление православия, например, – «голгофское христианство», «христианский революционаризм», «религиозная революция» [19].

«Первой реакцией многих сторонников нового строя была организация благодарственного молебна: «первой ласточкой переворота» для митрополита Евлогия, первым известием о революции была телеграмма одного священника: «Рабочие просят отслужить молебен по случаю переворота». Во время торжественных процессий перед иконами несли красные знамена с лозунгом «Да здравствует демократическая республика!...» [15, с. 101].

Татьяна Гиппиус (сестра знаменитой поэтессы), активно участвовавшая в деятельности Петербургского религиозно-философского общества, писала: «Теперь в Казанском соборе у подножия Распятия, где столик панихидный, заупокойный, у ног Христа кто-то приколот красным шелковым платок и цветы. <...> Это то же красное знамя. И это очень мудро. Я только что писала о кресте

и этот платок меня потряс, в редкие минуты такое волнение внутреннее испытываешь и особенно я ноги Христа поцеловала, не так как всегда» [15, с. 101].

Данной атмосферой было пронизано все прогрессивное общество того периода, ожидавшее от февральской революции поистине христианского чуда всеобщей любви, единения и возрождения русского народа. Ярким примером тому является идея христианского социализма С.Н. Булгакова [26] вместе с тезисом, что христиане должны стремиться к усовершенствованию социального строя [5, с. 132]. Идеалом для С.Н. Булгакова была протестантская трудовая этика и, соответственно, западная модель идеи социального христианства, основанной на энциклике «*Rerum Novarum*» папы Льва 13 [6]. Следует отметить, что подобная ориентация философа на запад была навеяна философическими письмами П.Я. Чаадаева и идеей «социального евангелия» В.С. Соловьёва [22].

С.Н. Булгаков предлагает волевой идеализм в качестве философско-этической концепции христианства как глобального социального порядка, чуждый ни материи, ни политики, преследующий цель их преобразования. С.Н. Булгаков называя себя вслед за В.С. Соловьёвым религиозным материалистом: «...христианин не может и не должен быть индифферентен к задачам политики и общественности, выдвигаемым современностью», [7, с. 31].

В этом же духе этического универсализма, в рамках социальной этики, не разделяющей светское от духовного, понимали христианство П.Я. Чаадаев, В.С. Соловьёв, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, Н.А. Бердяев и многие другие представители русской интеллигенции, религиозной и философской мысли. Они смогли совместить в своих философских воззрениях христианскую и социальную парадигмы, предложили концепции христианского гуманизма и социализма вместо старого и бессильного идеализма.

Укоренение идеи мессианства было настолько сильно в сознании русского человека, что низложение монарха – гаранта православия и самодержавия, – на первых порах никак не повлияло на веру в русскую идею,

но напротив, нашло всяческое одобрение и поддержку в среде русских философов. «Великая русская революция», «всемирный порыв», общенациональный сдвиг», – так восхвалял, например, Н.А. Бердяев события февраля-марта 1917 г. [3]. Тем не менее, уже к октябрю семнадцатого года и после него видны кардинальные изменения в общественном сознании в оценке революционных событий [16, с. 33-34], не прошли данные мировоззренческие сдвиги и мимо представителей русской философии, большинство которых, как было замечено выше, оказались в эмиграции.

Позже С.Л. Франк напишет, что революция – это всегда болезнь общества, «само по себе не приводящая к удовлетворению органических потребностей, к чему-то «лучшему». ... В конце всякой революции общество, в результате неисчислимых бедствий и страданий анархии, оказывается в худшем положении, чем до нее...» [24].

Интересным представляется взгляд Л.П. Карсавина на феномен революции, так как в отличие от большинства русских философов-эмигрантов, он воспринимает революционные процессы не как трагедию России и личности, но как возможность для рождения новой жизни. «Революция для него – это некоторое состояние или качественное симфоническое национальное, в ней проявляется таинственная стихия жизни [17, с. 4]. Революция – смерть симфонической личности, но смерти старой личности рождается новая индивидуация высшей личности [12, с. 68].

Теория революции Л.П. Карсавина легла в основу евразийского движения, представители которого считали, что Россия не принадлежит ни к Западу, ни к Востоку, но должна выработать свой особый ни на что не похожий вектор движения. Более того, все беды России евразийцы видели в тотальной европеизации, начавшейся с Петра Первого. Февральская революция 1917 г. стала лишь реакцией народа на ненавистную вакцину европеизации, поэтому в период от февраля к октябрю русский народ уничтожил все европеизированные институты власти и в тоже время не принял буржуазно-демократических программ интеллигенции и идеалов западной демократии. В безудержном

уничтожении старых социальных и политических институтов и неприятии ценностей европейской цивилизации большая часть евразийцев видели позитивное значение русской революции [21]. Слом устаревшей насильно навязанной народу ценностной модели государственности ассоциировался евразийцами с возможностью духовного возрождения России, обретения ею утерянной ранее самобытной культуры.

Будучи одно время сторонником евразийства, Г.В. Флоровский позже стал резко критиковать данное движение за апологию большевизма и революции, возвеличивание государственного принципа, негативное противопоставление Западу, забвение христианских подходов к истории, а также преклонение перед стихией. Если вначале он сравнивал движение евразийства с лигой русской культуры, то позже он характеризует данное движение как историю духовной неудачи [18].

Особенно сильны были разочарования в революции Н.А. Бердяева, некогда видевшего в ней путь к подлинной свободе русского народа. Вначале революционных событий февраля семнадцатого года он называл свершившуюся революцию самой патриотической по своим снованиям и своему характеру, самой национальной и всенародной [3], а после с горечью отмечал, что в процессе революционных событий ему пришлось наблюдать рождение нового антропологического типа, особенностью которого было то, что он воплотил в себе не личностное самосознание, а массовое коллективное начало [20]. Из этого философ свободы делает вывод, что свобода не является атрибутом демократии, но, напротив, всецело принадлежит аристократии. В том, что революция в России всё-таки случилась, Бердяев всячески винит интеллигентщину, которая чужда самой идеи свободы, малограмотна, агрессивна и тупа. Более того, в том, что Царствие Божие, которого так ждали многие представители русской религиозной философской мысли, с приходом революции так и не наступило, Н.А. Бердяев винит русский народ. Вина его заключается в некоей отрешенности и непривязанности к частной собственности и к вещам вообще, в то время как западный человек, чтит

частную собственность и ни в коем случае не допустит, чтобы итог революции отнял у него ее. Именно отрешенное отношение русского человека к частной собственности, по мнению Бердяева, позволило большевикам с легкостью захватить власть в стране [20, с. 32]. Таким образом, в размышлениях философа видно глубокое разочарование революционными процессами 1917 г., так как его чаяния коренились совершенно в другой плоскости и не заключали в себе ни капли подозрения на такой чудовищный поворот событий. Не такая свобода и не такой ценой была ожидаема Н.А. Бердяевым от революций 1917 г. Он критиковал коммунизм, прежде всего, с религиозных позиций, как учение отрицающее личность, но видел в революции историческую неизбежность и отмечал правоту марксизма во многих социально-экономических вопросах.

Отдельного внимания заслуживают метаморфозы восприятия революции 1917 г. И.А. Ильиным. В первое послереволюционное время он весьма положительно отзывался о произошедших событиях, видя в революции основную форму борьбы за справедливый правопорядок и считая ее задачей цивилизованное переформатирование российской политической системы [8, с. 131]. Но позже И.А. Ильин становится наиболее радикальным философом касательно отношения и восприятия произошедших событий, примером чему является его одиозный труд «О сопротивлении злу силою», в котором философ критикует Л.Н. Толстого за его утверждение «Непротивление злу насилием», которое, по мнению И.А. Ильина, способствовало победному шествию революции. И.А. Ильин открыто поддерживал белое движение, выступал против реформы орфографии 1918 г., последовательно критиковал большевистскую власть. Он не принял революции 1917 г., считая, что она разрушила российскую государственность. По его мнению, русская революция была «катастрофой и безумием», не только в истории России, но и в истории всего человечества...» [11, с. 287]. Как считал философ «революция есть катастрофа в истории России, величайшее государственно-политическое и национально-духовное крушение, по сравнению с которым Смута бледнеет и меркнет» [11, с.286].

Рассмотренные метаморфозы воззрений русских религиозных философов о сущности и нужности революции показывают, что все они в той или иной мере пожалели, что постреволюционные последствия складывались вопреки их ожиданиям и убеждениям. Духовные метания, происходящие с русской интеллигенцией особенно с февраля по октябрь 1917 г., подчеркивают то, что феномен русской идеи не был четко определен в сознании русского народа, но совершенно ясно можно констатировать факт, что в основе русской духовности лежали христианские ценности, которые явились определяющей движущей силой революционных событий.

Список литературы:

1. Бердяев Н.А. Кошмар злого добра. (О книге И. Ильина «О сопротивлении злу силою» // Путь. – Июнь-Июль 1926. – №4. – С.176-182.
2. Бердяев Н.А. Духовные основы русской революции // Бердяев Н. Собрание сочинений. Т. 4. – Париж, 1990.
3. Бердяев Н.А. Психология переживаемого момента // Русская свобода. – 1917. – №1. – С.7–8.
4. Богданов А.В. Русская идея в философских воззрениях П.Я. Чаадаева // Власть. – 2011. – №10. – С.61-65.
5. Булгаков С.Н. Христианство и социальный вопрос // Булгаков С.Н. Два града Исследования о природе общественных идеалов. Т.1-2. – СПб., 1997.
6. Булгаков С.Н. Православие и социализм // Труды по социологии и теологии. Т.2. – М., 1997..
7. Булгаков С.Н. Неотложная задача (О союзе христианской политики) // Христианский социализм. – Новосибирск, 1991.
8. Гаман Л.А. Ильин о революции 1917 года в России // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитар. науки (История. Археология. Этнология). – 2007. – Вып. 3 (66). – С. 131–136.
9. Градовский А.Д. Надежды и разочарования / А.Д. Градовский // Сочинения. – СПб., 2001. – С.404-441.
10. Засядь-Волк Е.Я. «Россия, как ты погибла?..» С.Н. Булгаков о революции 1917 года // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – №.35 – С.180-188.
11. Ильин И.А. Русская революция была катастрофой // Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья. Т.2. – М.. 1994. – С.286–297.
12. Карсавин Л.П. Феноменология революции. – СПб., 1993.
13. Ковалев В.А. Теория революции П.А. Сорокина и российский политический процесс // ПолитЭкс. – 2009. – № 2. – С. 35–39.

14. Колоницкий Б. «Русская идея» и идеология февральской революции [Электронный ресурс] // University of Toronto. Academic Electronic Journal in Slavic Studies. – Режим доступа: <http://sites.utoronto.ca/tsq/18/kolonitsky18.shtml>
15. Колоницкий Б.И. Символы власти и борьбы за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. – СПб., 2012.
16. Кошарный В.П. Февральская революция 1917 г. в религиозно-философской публицистике (философско-социологический анализ) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2012. – №1(21). – С.32-39.
17. Кошарный В.П. Л.П. Карсавин: историко-философские предпосылки и метафизические основания трактовки русской революции // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – №1(9). – С.21-33.
18. Кублановский Ю. Георгий Флоровский. Из прошлого русской мысли. Александр Боханов. Николай II // Новый мир. – 1998. – №7.
19. Останина О.В. Обновленчество и реформаторство в Русской православной церкви в начале XX века: Дис. ... канд. филос. наук. – Л., 1991.
20. Стокалич И.С. Н.А. Бердяев о природе русской революции // Вестник славянских культур. Т.1. – 2015 – №35. – С.26-34.
21. Сухорукова О.А. Правда вопросов и неправда ответов: Г. Флоровский и евразийцы о русской революции 1917 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://samlib.ru/s/suhorukowa_o_a/prabdavoprosovinepravdaotvetovgflorovskiiievraasiicioruskoirevolucii1917goda.shtml
22. Толстиков В.А. Теоретическое осмысление идеи христианского социализма в трудах В.С. Соловьёва и С.Н. Булгакова // Успехи современной науки и образования. – 2016. – Т.9. – №12. – С.59-61.
23. Франк С. Л. О благородстве и низости в политике // Русская свобода. – 1917. – № 3. – С.26-31.
24. Франк С.Л. По ту сторону «правого» и «левого» // Новый мир. – 1990. – № 4. – С.226-233.
25. Фролова А.А. Современники событий 1917 года о смысле и значении русской революции в истории российского общества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ist-konkurs.ru/raboty/2008/1058-sovremenniki-sobytij-1917-goda-o-smysle-i-znachenii-russkoj-revoljutsii-v-istorii-rossijskogo-obshchestva>
26. Шерер Ю. В поисках «христианского социализма» в России // Вопросы философии. – 2000. – №12. – С.88–134.
27. Шалаева Н.В. Размышления интеллигенции о себе, революции и власти // Русская революция и современный мир. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием: в 2-х частях. – Нижний Новгород, –2017. –С. 105–111.

РАЗДЕЛ II

РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ И ДУХОВНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Голубович В.И.
Белорусский государственный
экономический университет
(Минск, Беларусь)

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРИЧИНАХ ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ОКТЯБРЕ 1917 г.

Аннотация. Автор на фоне основных событий в экономике России в марте-сентябре 1917 рассматривает особенности экономической политики Временного правительства в области промышленности, сельского хозяйства, денежного обращения, налогового обложения.

Ключевые слова: угроза голода, хозяйственная разруха, инфляция, рост цен.

Golubovich V.
Belarusian state
economic University
(Minsk, Belarus)

TO THE QUESTION OF ECONOMIC REASONS THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION IN OCTOBER 1917

Abstract. Against the background of the main events in the Russian economy in March-September 1917 the author examines the peculiarities of the economic policy of the Provisional Government in the field of industry, agriculture, money circulation, and taxation were examined.

Key words: threat of famine, economic devastation, inflation, rising prices.

Экономические причины Великой русской революции в октябре 1917 г. сложны и многообразны, они проявили себя не вдруг и были вызваны не только разрухой всего народного хозяйства в годы Первой мировой войны. Глубинные истоки Октябрьской революции 1917 г. необходимо искать ещё в эпохе второй половины XIX в., когда просчёты правящих кругов и незаконченность реформационного процесса, особенно в области сельского хозяйства и

создании собственной самостоятельной национальной системы промышленного капитализма, стали первопричиной того, что произошло в России как в феврале, так и в октябре 1917 г.

Немало умных и действительно патриотически настроенных общественных деятелей, понимавших опасность «откатов назад» в проведении как экономических, так и политических реформ, убеждали как Александра III, так и Николая II в опасности революционного взрыва. Но правящая элита оказалась не готова к тому, чтобы проводить последовательную экономическую модернизацию России.

Это привело к тому, что три года начавшейся Первой мировой войны привели народное хозяйство Российской империи в состояние истощения, деградации и падения [3, с.43]. Хаос в организации и управлении военно-промышленным комплексом, постоянные смены правительства, погоня предпринимателей за сверхприбыльными военными заказами, низкий технический уровень промышленности и сельского хозяйства, кризис транспорта и топливно-энергетических отраслей, угроза голода стали основными экономическими причинами падения монархии в феврале 1917 г.

Рассмотреть в одной статье всё многообразие экономических причин Великой русской революции в октябре 1917 г. не представляется возможным. Поэтому основное внимание автора будет обращено на экономическую политику Временного правительства.

2 марта 1917 г. было сформировано Временное правительство России, в котором ключевые посты заняли представители буржуазных партий кадетов и октябристов. В декларации Временного правительства от 2 марта 1917 г. в самых общих чертах говорилось о необходимости созыва Учредительного собрания, о политических свободах, свободе слова, собраний, печати и т.д. Но в декларации ничего не говорилось о решении самых острых экономических проблем – о преодолении хозяйственной разрухи, угрозы голода, росте цен, инфляции, о передаче земли крестьянам, о 8-часовом рабочем дне. А чтобы спасти страну от нависшей угрозы экономической катастрофы, новая

государственная власть должна была предпринять смелые революционные решения. Надо было установить строгий государственный контроль, учёт и регулирование за производством, за сырьевыми, продовольственными, финансовыми и людскими ресурсами страны, не останавливаясь перед «священным» правом на частную собственность. Однако, на такие революционные меры в области экономики Временное правительство оказалось неспособным. Именно экономическая политика Временного правительства в области промышленности, сельского хозяйства, денежного обращения, финансов и кредита, налогового обложения и стала одной из главных экономических причин Великой русской революции в октябре 1917 г.

Вместо смелых решений в области преодоления экономической разрухи Временное правительство, состоявшее из представителей буржуазных и мелкобуржуазных партий, ограничилось бюрократическими мерами. В частности, например, для выработки «общих принципов социальной и экономической политики» при Временном правительстве был создан ряд громоздких и безответственных учреждений, таких как Совещание о развитии производительных сил России, Экономический совет, Главный экономический комитет и др. При них, в свою очередь, созывалось и образовывалось бесконечное количество совещаний, комиссий и подкомиссий, где велись общие рассуждения об общих проблемах капитализма и социализма, о принудительно-государственных объединениях, о принципах номинальной и реальной заработной платы и т.п. За всё время существования эти органы не выработали никаких планов и программ по преодолению хозяйственной разрухи и не предложили правительству никаких решений [1, с. 80–95].

Первостепенное внимание Временное правительство должно было уделять улучшению снабжения городов России, особенно обеих столиц, хлебом, острая нехватка которого стала одним из поводов к началу Февральской революции. Когда министр земледелия кадет А.И. Шингарёв принимал дела, то он убедился, по его словам, что «призрак голода реял над

большим пространством Российской империи, что на фронтах хлеба хватало на пол-дня, а в иных городах хлеба и вовсе не было» [2, с. 674].

9 марта 1917 г. при министерстве земледелия был создан общегосударственный продовольственный комитет, по инициативе которого 25 марта 1917 г. был принят закон о хлебной монополии. По закону все излишки хлеба сверх личных потребностей и хозяйственных нужд подлежали сдаче государственным продовольственным органам по твёрдым ценам. Для осуществления хлебозаготовки на местах была создана широкая, но совершенно бесполезная, сеть уполномоченных, инструкторов, инспекторов и агитаторов.

Угроза голода в Российской империи наступала вовсе не из-за нехватки хлеба в стране. Все излишки хлеба в производящих губерниях составляли в 1917 г. 600 млн. пудов, а потребности хлеба в потребляющих губерниях составляли всего 180 млн. пудов [4, с. 110].

Но эти излишки хлеба лежали мёртвым грузом в амбарах помещиков, зажиточных крестьян, торговцев хлебом, спекулянтов, требовавших свободной торговли и не желавших продавать хлеб по твёрдым ценам, которые были значительно ниже рыночных. А принимать против них решительные меры Временное правительство не хотело.

Как следствие, стали падать хлебозаготовки. Если в марте 1917 г. было заготовлено по всей стране 69 тыс. пудов, то в августе – 19,7 тыс. пудов, что составило менее 17 % плана. Удвоение заготовительных цен в августе 1917 г. не привело к увеличению хлебозаготовок, а лишь способствовало росту цен на хлеб и хлебопродукты в городах и уменьшению норм выдачи хлеба по карточкам. При наличии хлеба в стране начинался голод. Крупные города, фронты, тыловые округа и многие промышленные районы осенью 1917 г. испытывали острейшую нехватку хлеба, а частично и голодали [5, с. 36, 87]. Временное правительство оказалось не в состоянии снабдить население городов страны хлебом, наступал голод, что и стало одной из основных причин его свержения в октябре 1917 г.

Ни на шаг не продвинулось Временное правительство и в решении аграрного вопроса, не смотря на обострение земельных отношений после Февральской 1917 г. Крестьянство требовало конфискации помещичьих земель. их уравнительного распределения. Но Временное правительство своим первым актом по аграрному вопросу от 9 марта 1917 г. распорядилось привлекать к уголовной ответственности крестьян за участие в захватах помещичьих земель. 17 марта 1917 г. Временное правительство опубликовало воззвание к народу с предложением воздержаться от аграрных захватов под угрозой уголовной ответственности, что земельный вопрос будет решён законным путём народным правительством, а Временное правительство может только подготовить материалы для этого решения. Всё же Временное правительство было вынуждено 12 марта 1917 г. передать в казну кабинетские земли, а 16 марта – удельные. Они были переданы в распоряжение Министерства земледелия. Но что касалось помещичьих земель, то в отношении них Временное правительство взяло на себя роль их защиты и охраны.

В конце лета, после уборки урожая начались открытые выступления крестьян, разгром и поджоги помещичьих имений, раздел урожая, скота и инвентаря, изгнание помещиков из усадеб и т.д. Если в апреле 1917 г. таких выступлений насчитывалось около 200, то в августе – более 600, что уже начинало приобретать характер восстания. В ответ Временное правительство усилило карательные экспедиции, посылая войска и казаков для подавления крестьянских выступлений. Неспособность Временного правительства решить аграрный вопрос в интересах крестьянства стал ещё одной важной экономической причиной Октябрьской революции.

Экономическая политика Временного правительства а области промышленности не только не привела к преодолению хозяйственной разрухи, но напротив, обострила и усилила её. Промышленное производство ещё быстрее покатилося вниз. Производство стали за март-октябрь 1917 г. сократилось на 25 %, чугуна – на 20% по сравнению аналогичным периодом 1916 г. Резко упала добыча каменного угля и нефти. Подрывал экономическую

базу и саботаж предпринимателей, которые скрывали запасы, не желали реализовывать топливо и сырьё по твёрдым ценам, требовали повышения цен и т.д. Промышленники требовали от правительства обеспечить «безопасность и порядок» на шахтах, фабриках и заводах, грозили локаутами, массовым закрытием предприятий. Но общее падение промышленного производства не уменьшало прибылей владельцев предприятий.

За время нахождения у власти Временного правительства в стране развернулась бешеная биржевая спекуляция. Если за девять месяцев 1916 г. было организовано 150 акционерных обществ с капиталом в 209,5 млн. рублей, то только в сентябре 1917 г. было создано 303 компании с капиталом в 800 млн. рублей. Если учесть, что основной капитал всех образованных в 1917 г. обществ составлял 469,5 млн. рублей против 1,1 млрд. рублей заявленного капитала, а акций они хотели выпустить на 2 млрд. рублей, то становятся очевидными размеры тех грандиозных спекуляций, сулящих огромные прибыли биржевикам [2, с. 679].

В области финансов и кредита Временное правительство также не избежало провала. Уже в начале марта 1917 г., тотчас по вхождению во власть, оно признало все внешние займы царского правительства и платежи по ним. Столкнувшись с необходимостью покрывать непомерно возросшие военные расходы с 40 млн. рублей в день в 1916 г. до 55,5 млн. рублей в день в первой половине 1917 г., Временное правительство опять-таки не решалось ни на какие радикальные меры. Оно прибегло к испытанным средствам покрытия дефицита – эмиссии бумажных денег, займам, усилению налогового бремени. На 1 марта 1917 г. количество бумажных денежных знаков в обращении составляло 9,5 млрд. рублей, а 1 ноября 1917 г. – 22,4 млрд. рублей, т.е. увеличилось за время нахождения у власти Временного правительства более чем в 2 раза. Бумажные деньги, знаменитые «керенки» 20-ти и 40-ка рублёвого достоинства, выпускались без всякого учёта их эмиссии, без номеров и настолько наводнили страну и обесценились, что расчёты производились не на рубли, а на фунты бумаги, на которой были напечатаны «керенки».

Следствием непомерной эмиссии бумажных денег для покрытия расходов на войну стало беспрецедентное обесценение рубля и рост цен. Только за второе полугодие 1917 г. цены на товары первой необходимости выросли почти втрое, что легло тяжким бременем на трудящиеся массы.

Ещё одним источником пополнения бюджета стало налоговое обложение, но при этом Временное правительство главное внимание уделяло повышению косвенных налогов и цен на товары массового потребления. Чисто демонстративное значение и небольшой финансовый результат имели законы об установлении лимита для прибылей предпринимателей во время войны, об удвоении подоходного налога зажиточных слоёв населения, единовременный добавочный налог с них, налог на сверхприбыли владельцев предприятий.

В конце марта Временное правительство в поисках денежных средств выпустило военный заём под громким названием «Заём свободы». Однако, никто не хотел подписываться на него: имущие классы не верили в прочность государственной власти, а трудящиеся не хотели давать средства на ведение опостылевшей войны.

Неудачей закончились и попытки Временного правительства получить займы у своих союзников – Англии, Франции и особенно у США. Но, союзники, утрачивая веру в способность Временного правительства восстановить «порядок» и успешно продолжать войну, отказались давать новые кредиты и сокращали размеры финансовой помощи.

В связи с усиленной эмиссией бумажных денег и дефицитом товаров первой необходимости реальная зарплата рабочих и служащих в 1917 г. упала более чем вдвое по сравнению с уровнем 1913 г.

Стала расти безработица. В результате массовых локаутов только в сентябре 1917 г. было закрыто 231 предприятие и уволено 67 тыс. рабочих, что вызвало у них крайнее озлобление и неприятие буржуазному Временному правительству.

Развал экономики, угроза наступления голода, упорное нежелание правительства передать землю крестьянам, кризис денежного хозяйства и

финансово-кредитной системы, обесценивание денег, рост дороговизны и острый дефицит товаров первой необходимости неудержимо толкали страну к экономической катастрофе. Временное правительство к осени 1917 г. окончательно теряет все нити управления и свой авторитет среди самых различных слоёв населения. В правительстве и поддерживающих его политических партиях началось полное разложение. Безднадёжность положения признавалась даже самими членами Временного правительства. Его свержение, отстранение от власти относительно слабых, плохо организованных, политически мало опытных буржуазных и мелкобуржуазных партий, установление единовластия Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и приход к власти партии большевиков, как оказалось, было неизбежным.

Список литературы:

1. История СССР с древнейших времён до наших дней. В 12-ти томах. Т. VI. – М., 1968.
2. Лященко, П.И. История народного хозяйства СССР. Т. II. Капитализм. – М., 1948.
3. Сидоров, А. Влияние империалистической войны на экономику России: Очерки по истории Октябрьской революции. Сб. ст. Т. I. – М., 1927.
4. Статистический сборник ЦСУ за 1913-1917 гг. – М., 1922.
5. Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Ч. II – М., 1957.

Суханова Н.И.
Московский Государственный
Областной Университет
(Москва, Российская Федерация)

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ВЛАСТИ И ПРАКТИКА БОЛЬШЕВИКОВ (1917-1918 ГГ.)

Аннотация. Автор анализирует эволюцию взглядов лидеров большевиков на форму устройства государственной власти в советской России в 1917-1918 гг. Выявлено влияние местного опыта Советов и объективных исторических условий на перемену подходов к организации советской власти.

Ключевые слова: большевики, Советы, государство-коммуна, диктатура пролетариата.

Sukhanova N.
Moscow State Regional Universitet
(Moscow, Russia)

FORMATION OF THE IMAGE AND PRACTICE OF THE POWER OF THE BOLSHEVIKS (1917-1918)

Abstract. The author analyzes the evolution of the views of the Bolshevik leaders on the form of state power in Soviet Russia in 1917-1918. The influence of local experience of the Soviets and objective historical conditions on the change in approaches to the organization of Soviet power was revealed.

Key words: the Bolsheviks, the Soviets, the commune state, the dictatorship of the proletariat.

Зарождение и формирование российской социал-демократии связано с потребностью определенных категорий населения в организации свержения самодержавия. В первой программе партии была поставлена задача свершения «социальной революции пролетариата», необходимым условием которой являлась диктатура пролетариата, «т.е. завоевание пролетариатом такой политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплуататоров» [6, с. 61]. Основывалась эта идея на марксовой теории. В.И. Ленин был вполне согласен с Марксом в том, что «рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей» [8, с. 129]. Революция должна разбить ее и заменить новой. Однако продиктованная временем и соответствующими условиями

антибуржуазная сущность марксовой теории была положена в основу политической борьбы в некапиталистической России. Использование идеи диктатуры пролетариата К. Маркса не подкреплялось у В.И. Ленина разработкой ее концепции применительно к России. Здесь принципиальным оставался вопрос революции и взятия власти.

Известно, что на II съезде партии имела место дискуссия о соотношении революции и диктатуры пролетариата с «демократическими принципами». Ее итогом стал вывод Г.В. Плеханова о том, что ради успеха революции «можно и должно идти на ограничение и нарушение демократических норм» [11, с. 57].

На съезде не рассматривались вопросы замены государственной системы прямым народовластием после победы социальной революции. В.И. Ленин при разработке первой программы считал, что «связывать победу социализма с заменой парламентаризма прямым народным законодательством нельзя» [10, с. 223]. В этой мысли просматривается тенденция абсолютизации централизма, что являлось одной из особенностей российской цивилизации. Н.А. Бердяев называл Россию самой государственной и самой бюрократической страной в мире [1, с.7]. Основой бюрократичности мышления является отсутствие критичности по отношению к собственной власти или представлений о ней. В концепции формирования политической партии по ленинскому типу изначально была заложена высокая степень централизации и иерархичности. Это отражало присутствие бюрократического подхода лидеров большевизма к любой организации. Позже, в 1917 г. В.И. Ленин критиковал бюрократизм самодержавной и буржуазной России, от которого он считал нужным отказаться при формировании государства рабочих и крестьян.

Практика реальной жизни принесла достаточно органичную для русского национального сознания идею Советов. Зародилась она в рабочей среде. При этом до февраля 1917 г. Советы не были формой активной политической организации масс. Текст «Апрельских тезисов» В.И. Ленина дает основание считать, что он вполне понимал растущий авторитет этой организации и видел возможность через Советы, чей классовый состав исключал наличие «верхов»,

сформировать реальную социальную базу предстоящей революции. К тому же Советы, как организационная форма представлялась В.И. Ленину образцом социалистической власти благодаря принципам сменяемости и отсутствия привилегий. Уже в сентябре 1917 г. идея Советов стала более радикальным рецептом власти, нежели идея однородного социалистического правительства. Это стало базой для усиления противоречий между большевиками, с одной стороны, и меньшевиками, и эсерами – с другой в вопросах формирования однородного демократического правительства. Более того, такая ситуация усиливала раскол общества и толкала его к гражданскому противостоянию. Известно, что даже внутри ЦК партии большевиков были сторонники создания однородного социалистического правительства, но Ленин сумел утвердить идею власти Советов, как тактическую и стратегическую задачу партии.

В 1917 г. В.И. Ленин видел механизм реализации власти Советов в опоре на энтузиазм, новый патриотизм, сознательность трудящихся. Он предлагал использовать опыт представителей «старого» чиновничества, оплачивая его труд, как труд среднего рабочего. При этом среди необходимых механизмов реализации власти он выделял насилие, как один из рычагов формирования новой общности [7, с.22]. В остальном детальной разработки механизмов реализации власти Советов В.И. Ленин не осуществил. Более того, по воспоминаниям Н.Н. Суханова и утверждению А.Ф. Иоффе, отсутствие четких представлений о структуре, методах, формах работы первого советского правительства сказывалось на нежелании многих членов ЦК, в том числе и самого В.И. Ленина, войти в правительство [11, с. 111]. Опираясь на идею власти Советов, в конце лета 1917 г. В.И. Ленин обратился к опыту Парижской коммуны и взглядам представителей немецкой социал-демократии на проблему государства. Итогом размышлений стала работа «Государство и революция», написанная в августе-сентябре 1917 г., изданная весной 1918 г. Началом разработки идеи государства-коммуны нередко называли «Апрельские тезисы». В работе «Государство и революция» В.И. Ленин подводил читателя к выводу о ненужности государственной машины в привычном смысле и неизбежности

народного самоуправления, которое как бы автоматически должно привести страну к социализму и коммунизму. Пролетарски-крестьянская республика должна функционировать без постоянной армии, полиции, бюрократии. В работе не рассматривалась детально система взаимоотношений самоуправления народа с партией большевиков. Только короткая ремарка «выдает» взгляд автора на систему этих взаимоотношений, смысл которой перечеркивает всю идею народного самоуправления: партия «должна взять власть и вести весь народ к социализму, направлять и организовывать новый строй, быть учителем, руководителем, вождем всех трудящихся» [7, с. 330].

Марксова модель государства-коммуны предполагала совмещение законодательной, исполнительной и судебной властей. В разработке проекта не уточнялись и не разграничивались полномочия и функции многочисленных институтов управления и их взаимоотношений. Это означало неограниченность этих полномочий и вторичность закона. Такая ситуация рождала множество проблем и конфликтов. Отсутствие системы сдерживания и противовесов могло привести к полной бесконтрольности управленческого аппарата, неограниченной власти государства, что было не новым для России.

В.И. Ленин считал главным принципом государства-коммуны отсутствие бюрократии, имея в виду вариант, когда реальная власть принадлежит аппарату управления, имеющему привилегии, вот она бюрократична. Гарантией настоящего народовластия он считал устранение армии и полиции. Реализация идей государства-коммуны через форму Советов на местах началась вскоре после октябрьских событий. Нередко местные Советы сами определяли структуру и направления деятельности своих исполнительных органов – отделов, подотделов, секций, комиссий и т.д., наделяя их разными функциями и компетенцией. Свою работу депутаты строили сообразно собственным представлениям и сиюминутным задачам региона. Такая инициативность поддерживалась ЦК партии большевиков. В.И. Ленин писал: «Помните, что вы сами теперь управляете государством. Никто вам не поможет, если вы сами не объединитесь и не возьмете все дела государства в свои руки. Ваши Советы –

отныне органы государственной власти, полномочные, решающие органы. Сплотитесь вокруг своих Советов. Укрепите их. Беритесь сами за дело, снизу, никого не дожидаясь» [5, с. 2]. Практика выявила мощную инициативную волну по созданию советских органов управления. Примером может служить брошюра-инструкция, написанная председателем Совета Народных Комиссаров Ставропольской губернии А. Пономаревым «Основы Советской власти». Написанная грамотным и доходчивым языком, она подробно описывала функции, задачи, систему соподчинения, кадровую работу уездных, волостных и губернского советов. В ней утверждалось, что правительство подчиняется общественному контролю; органы народной власти «должны быть близки к выделившему их из себя народу» [3, л. 1–14]. Такая инициатива поначалу приветствовалась центром. Необходим был местный опыт для учета возможных вариантов построения системы советской власти. В ответ на запрос военкома Ставропольской губернии Н. Анисимова в Секретариат ЦК РСДРП(б) о том, как нужно строить новую власть, последовал ответ: «Вы просите указаний, товарищ. Вся суть в этих словах «Вся власть Советам». Советы отныне должны быть хозяевами всех сторон жизни, они должны вести и муниципальные дела, и земство, и продовольствие, и транспорт, и производство, и распределение. Подходите ко всем этим вопросам с точки зрения нашей программы-максимум – и решение у Вас в руках» [2, л. 23].

Воплощение идеи государства рабочих и крестьян происходило следующим образом. В экономике – в деревне началась национализация земли, передача ее крестьянам на основе социализации, в соответствии с чем, ни человек, ни государство не могли быть собственниками. Переход на такую позицию дал большевикам политический выигрыш в общественном крестьянском сознании. Крестьянство было нейтрализовано, пока еще не выступало против большевиков, активизировало процессы социализации и борьбы с помещиками. Их «руками» осуществлялся процесс борьбы за «классовую справедливость».

В отношении промышленности был принят декрет «О рабочем контроле», в соответствии с которым решения рабочего контроля становились обязательными для руководства. Его появление трактовали как рабочее управление промышленностью и реализацию диктатуры пролетариата в экономике. На местах нередко так и происходило. Рабочий контроль сопровождался стихийной национализацией, она, в свою очередь, органично переплеталась с утверждением рабочего контроля, а нередко и рабочего самоуправления. Известно, что сразу после октября 1917 г. рабочий контроль функционировал на 20 процентах ценовых предприятий, к середине 1918 г. – уже на 70 процентах предприятий. Так, на Путиловском заводе директором стал председатель фабзавкома, рабочий Васильев. Этот пример воплощал идею диктатуры пролетариата. При этом на предприятиях вводили выборность, сменяемость, коллегиальность управления, но все в рамках классовой диктатуры. Профсоюзы и фабзавкомы брали на себя управление промышленностью, утверждая этим свои государственные функции. Это явление было очевидным проявлением детской болезни левизны, командование производством осуществлялось в рамках красногвардейской атаки на капитал. Профсоюзы свели к уровню фабзавкомов, которые обладали управленческими функциями. Шел процесс сращивания государства и профсоюзов. Л.Д. Троцкий просто пытался его узаконить. Известно, что к 1921 г. профсоюзы были отстранены от управления. А весной 1918 г. ситуация с самоуправлением начала меняться. 26 марта 1918 г. вышел в свет декрет «О централизации управления железными дорогами». Его появление можно связать с началом формирования командно-административной системы. Развал на железных дорогах, падение производительности труда в итоге «красногвардейской атаки на капитал» подвели большевистское руководство к тому, что управленцев теперь назначали сверху без участия профсоюзов.

В.И. Ленин откликнулся на ситуацию сначала тезисами «Об очередных задачах Советской власти», а затем и большой работой с этим же названием [9, с. 165–208]. Главной идеей работы является задача перехода от

коллегиальности к единоначалию, обязательность назначения должностных лиц. Задача утверждения диктаторского управления государственными органами тоже объявлялась в качестве важнейшей. Всё это подрывало основы ленинской идеи государства-коммуны. Поэтому возникает очевидный вопрос о реальности этой идеи. Отнести ее к заблуждению вождя или к тактической целесообразности – этот вопрос заслуживает отдельного исследования.

Известно, что левые коммунисты были против отказа от рабочего самоуправления, предлагая модифицировать его. В ряде профсоюзов роль самоуправления оставалась достаточно сильной, из этого родилась «рабочая оппозиция». Но условия гражданской войны, да и очевидная непродуктивность идеи государства-коммуны подвели большевиков к необходимости централизации. Идеи Ленина о самоуправлении трудящихся, подтолкнувшие стихийный всплеск народной инициативы снизу оказались не приемлемыми для России этого времени. В условиях нарастания дефицита альтернативы централизации не было. Ее усиление началось не только в хозяйственной сфере. Без централизации политического руководства централизация в экономике была невозможна. Более того, от этого зависело сохранение власти в руках большевиков.

Авторитарный опыт прошлого не позволял надеяться на возможность подлинного процесса выборности. В 1917–1918 гг. выборность в России скорее декларировалась, нежели реализовывалась. Весь руководящий аппарат власти и управления хозяйством не строился на принципе выборности. Было принято формировать аппарат руководства по рекомендациям от сотрудников своего ведомства или партийных, профсоюзных, военных организаций. Бойкот большевикам за непарламентские методы взятия власти стал причиной отсутствия специалистов и формирования рекомендательной практики в подборе кадров. При этом более значимую роль играли не столько профессиональные качества, сколько политическая и классовая лояльность. В начале 1918 г. саботаж чиновников был сломлен. Голод, необходимость деятельности и понимание того, что большевики не собираются уступать

власть, заставили прежнюю бюрократию перейти к конформизму. При этом выборность тем более не оправдывала себя. Более того, за вновь пришедшими специалистами нужен был надзор. Централизация получала еще больше оправдания в глазах общества.

Опасность отхода от первоначально заявленной системы самоуправления трудящихся должна была нейтрализовать работа законодательных органов, но начался процесс свертывания социалистической демократии. Это происходило вследствие отсутствия поддержки большевиков широкими массами. Ведь они взяли власть, опираясь только на радикально настроенную часть промышленного пролетариата. Это подтверждалось результатами выборов в Учредительное собрание.

В крестьянской среде ситуация была еще более сложной. В январе 1918 г. в значительной части русской деревни не было советской власти. Из 1429 Советов в деревне действовало 455. Крестьянство зачастую связывало лучшее будущее с ликвидацией городов, которые считало «дармоедами» и эксплуататорами. Роль большевиков в начале 1918 г. в деревне была незначительной.

Демократическая интеллигенция в большинстве своем была настроена проэсеровски. Нередко в условиях централизуемой власти местное самоуправление было построено на сотрудничестве разных политических сил. К августу 1918 г. в Терской области, в городах Владикавказ и Кисловодск сохранялись городские Думы, и одновременно функционировала советская власть [4, л. 1]. Такие факты были подтверждением демократического сознания у определенной части населения страны. Эта среда воспринималась большевиками негативно, поскольку мешала формированию однопартийной системы власти и политической жизни страны. Наличие демократических тенденций тоже содействовало ужесточению политического устройства власти.

Непопулярность мер новой власти отдаляла ее от общества. Большевики должны были взять на себя ответственность за них – Брест, перераспределение власти от Советов к исполнительным органам, продовольственная диктатура.

Все это привело к падению рейтинга Советов, что повлекло за собой необходимость свертывания советской демократии и исключения из Советов представителей всех партий, кроме большевиков и эсеров. А после 6 июля 1918 г. Советы стали органами однопартийной диктатуры.

Внешняя демократичность советской власти вскоре обнаружила непрактичность, неконкретность, слабость с точки зрения контроля принятых решений. Весной 1918 г. реальная власть начала переходить к исполнительным органам. Но и тогда непрофессионализм кадров, сложность хозяйственных задач, многопартийный состав местных Советов подводили их работников к бюрократизации, усилению командных методов управления. Идея государства-коммуны не оправдывала себя в реальной жизни.

В основе управления страной стал Совнарком, соединяющий все управленческие функции, а также функции ЦК партии большевиков. Он сочетал хозяйственные и идеологические функции. Во главе всего государственного аппарата стала большевистская элита. Это содействовало тому, что основой государственности стала партия большевиков, а не Советы. Это вело к такому типу политической системы, которая была призвана сформировать новое сильное централизованное государство.

Для поиска путей формирования власти большевиками характерна одномоментная попытка сочетать архаичные нормы с желанием опираться на современные, модернизационные структуры. Усложнение мира, новые вызовы истории не совместимы с тенденцией к упрощенчеству, что было характерно для идеи государства-коммуны. Архаика не может быть ответом на эти вызовы. Стремление сформировать государство рабочих и крестьян в условиях диктатуры пролетариата было уходом от меняющейся реальности в известную архаику. Несмотря на амбиции большевиков в создании нового типа государственности, они не смогли преодолеть особенностей цивилизационного развития России. Приоритет государственных ценностей они восстановили. Причем именно эта черта советской государственности была наиболее яркой и мощной. Можно предположить, что Ленин, достаточно хорошо разбиравшийся

в общественном сознании русских людей, не мог быть столь наивен, чтобы допускать мысль о действительно подлинном народовластии в конкретных исторических условиях России того времени.

Список литературы:

1. Бердяев Н. Душа России. – Ленинград, 1990.
2. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 1919. Оп. 1. Д. 14.
3. ГАСК. Ф. 2618. Оп. 1. Д. 2.
4. ГАСК. Ф.р. 2567. Оп. 1. Д. 1.
5. Известия Пятигорского Совета рабочих, солдатских и горских депутатов. 1918. 18 апреля.
6. Второй съезд РСДРП // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898 – 1986). Т. 1. 1898 – 1917. – М., 1983.
7. Ленин В.И. Государство и революция // Полн. собр. соч. в 55 т. Т. 33. – М., 1969. – С. 1–120.
8. Ленин В.И. Марксизм о государстве // Полн. собр. соч. в 55 т. Т. 33. – М., 1969. – С. 123–307.
9. Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти // Полн. собр. соч. в 55 т. Т. 36. – М., 1969. – С. 165–208.
10. Ленин В.И. Проект программы нашей партии // Полн. собр. соч. в 55 т. Т. 4. – М., 1967. – С. 211–239.
11. Леонов С.В. Рождение советской империи: государство и идеология 1917–1922 гг. – М., 1997.

Наумов О.Н.
Московский государственный
областной университет
(Москва, Российская Федерация)

ОКТАБРЬ 1917 Г. И РУССКОЕ ДВОРЯНСТВО: ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация. Автор анализирует последствия, которые имел Октябрьский переворот 1917 г. для русского дворянства: формирование новых ветвей, пресечение родов вследствие репрессий, изменение характера браков, кризис родовой культуры и др. Отмечено, что изучение генеалогии элиты в XX в. затруднено прекращением официального учета дворянства. Сопоставляются процессы, происходившие в СССР и в эмиграции.

Ключевые слова: дворянство, генеалогия, репрессии в СССР, генеалогическая культура, эмиграция.

Naumov O.
Moscow State Regional University
(Moscow, Russia)

OCTOBER 1917 AND THE RUSSIAN NOBILITY: THE GENEALOGICAL CONSEQUENCES

Abstract. The author analyzes the consequences that had the October revolution in 1917 to the Russian nobility: the formation of new branches, curb childbirth as a result of repression, the changing nature of marriage, the crisis of tribal culture and others. Noted that the study of the genealogy of the elite in the twentieth century was hampered by the termination of official accounting of the nobility. Compares the processes taking place in the USSR and in exile.

Key words: nobility, genealogy, repression in the Soviet Union, genealogical culture, emigration.

Политические потрясения октября 1917 г. имели множество последствий для русского дворянства. Новая власть повела себя в отношении бывшей элиты крайне агрессивно и жестоко. Была официально объявлена политика физического уничтожения сословия, вытеснения его из всех сфер общественной жизни, армии и органов управления, создавались препятствия для получения работы и высшего образования. Дворяне дискриминировались политически и социально вне зависимости от возраста, пола, места жительства

и прошлых заслуг. Все это позволяет назвать действия, проводимые в СССР, социоцидом, то есть истреблением людей из-за их принадлежности к определенной социальной группе, происхождения.

Советской власти приходилось использовать профессиональный опыт и знания дворян, которым дали оскорбительное определение «бывшие». Однако положение даже тех, кто привлекался на службу, было крайне нестабильным. При первой возможности их заменяли «идейно преданными пролетариату» людьми, а сотрудничество с властью не избавляло дворян от дискриминации и преследований. Бывшая элита стремилась адаптироваться к новым условиям: некоторые выбрали путь эмиграции, другие стремились предложить большевикам свои навыки в обмен на возможность спокойно жить и работать.

Следует подчеркнуть, что репрессии в отношении дворянства начались сразу же после октября 1917 г. и продолжались с разной степенью интенсивности фактически до середины 1950-х гг., до периода «оттепели». За это время успело вступить в жизнь два поколения (родившиеся в 1910–1920-е гг. и их дети).

После 1917 г. кардинальным образом изменился генеалогический статус элиты. Из открытого сословия, которое пополнялось представителями других социальных групп, достигавшими определенного чина или ордена, оно стало замкнутой историко-культурной общностью. Новых родов появиться не могло, поскольку некому было санкционировать дворянское достоинство.

Значительная часть элиты эмигрировала. Процесс этот в различных слоях сословия происходил неравномерно. В наибольшей степени он коснулся аристократии, по отношению к которой советская власть вела себя особенно враждебно. Многие из них покинули историческую родину в полном составе. Перед дворянами более низкого социогенеалогического статуса также возникла проблема выбора: остаться при советской власти или эмигрировать. По замечанию С.И. Чуйкиной, последний вариант определялся несколькими факторами: близостью к границе, наличием необходимого минимума ресурсов

(визы, денежные средства, связи, родственники за границей), личным опытом преследований и репрессий со стороны новой власти [14, с. 19].

В генеалогическом отношении эмиграция способствовала формированию новых ветвей, которые выделились по месту жительства в других странах (например, австралийская ветвь князей Ухтомских, американская ветвь Бибиковых и др.). В императорский период иностранные ветви в русском дворянстве были редкостью и формировались только в связи с чрезвычайными обстоятельствами (отказом от российского подданства, переходом в католическую веру и др.). После 1917 г. это явление стало массовым, а из-за целенаправленных репрессий, которым подвергалось дворянство на исторической родине, к настоящему времени оказалось, что многие древние роды пресеклись в России и существуют только за рубежом.

В СССР происходила внутренняя миграция. После изгнания из усадеб дворяне селились в городах, а из небольших городов стремились перебраться в крупные, прежде всего, в Москву и Ленинград, где было легче затеряться и не привлекать внимания карающих органов. Например, все представители костромской ветви Пушкиных оказались в Ленинграде. Несмотря на изменение локализации многих ветвей, их продолжали и часто до сих пор продолжают называть по месту нахождения бывших имений. Данное обстоятельство делает обозначение ветвей по территориальному критерию (месту жительства или владению недвижимой собственностью) не более чем условностью, данью историографической традиции.

Длительные репрессии по социальному признаку привели к пресечению многих родов или возникновению такой демографической ситуации, при которой оно становится вероятным в течение непродолжительного времени. Причем следует говорить не о естественном процессе угасания семей, который происходит перманентно, а об искусственной его стимуляции.

В первой половине XX в. резко снизилось количество людей в дворянских родах. Гражданская война и репрессии способствовали гибели мужчин, тяжелые условия жизни, голод, холод, отсутствие медицинской

помощи приводили к смерти лиц преклонного возраста и детей. Конкретные родословия дают обширную информацию об этом. Например, в роде князей Черкасских в 1917 г. было 9 мужчин, из них в годы Гражданской войны погибло, умерло или пропало без вести 6, а оставшиеся 3 эмигрировали, в России род продолжился от князя Бориса Михайловича, родившегося в 1918 г. [7]. Показательна история рода Пушкиных: в 1919 г. из-за недоедания умерла дочь поэта Мария Александровна Гартунг и на Кубани погиб его внучатый племянник Александр Анатольевич Пушкин, сражавшийся в рядах Белой армии, в 1920 г. скончались другой внучатый племянник Лев Анатольевич Пушкина и правнук Сергей Григорьевич Пушкин, которому было 7 лет [9].

Сокращению числа дворян прямо способствовали репрессии. Арестовывали целые семьи, и даже если кто-то избегал физического уничтожения, то длительное пребывание в местах лишения свободы препятствовало возможности завести семью и потомство. Так, в 1919 г. был арестован брат бывшего премьер-министра Временного правительства князь Сергей Евгеньевич Львов вместе с двумя дочерьми и четырьмя сыновьями Евгением, Владимиром, Сергеем и Юрием, которые были расстреляны в конце 1930-х – начале 1940-х гг. [1, т. 2, с. 12]. В 1938 г. князь Юрий Дмитриевич Урусов был репрессирован вместе с женой, двумя дочерьми Еленой и Евдокией и их мужьями. Возвратились в Москву в 1950-е гг. только Евдокия (в замужестве Унковская, впоследствии народная артистка РСФСР) и муж Елены Сергей Петрович Раевский [5]. О масштабах уничтожения дворянства можно судить на примере рода князей Гантимуровых. В двенадцатом поколении их родословной перечислено 77 мужчин, из них расстреляно 14, арестовано, сослано или умерло во время следствия 17, эмигрировало 7, судьбы многих других неизвестны [подсчеты наши по: 12, с. 83–103].

Уничтожение дворян-мужчин привело к резкому сокращению лиц в первом поколении, родившемся после 1917 г. Так, у Аксаковых в семнадцатом поколении было 16 человек, в следующем – 5 [8, с. 465]; в тридцатом поколении князей Хилковых насчитывалось 12 человек, в следующем – 5 [10,

с. 19], в двенадцатом поколении Чагиных – 28 человек, в следующем – 8 [13]. В восемнадцатом поколении всегда многочисленных Нарышкиных было 19 человек, в девятнадцатом – 10, в двадцатом – 1 [6, с. 630–632].

В настоящее время существует угроза пресечения подавляющего большинства дворянских родов, поскольку в их последних поколениях от 1 до 3 мужчин, которые могут иметь потомство. В числе прочих не избежал подобной участи род Романовых. В ХХI в. пресеклись по мужской линии ветви Константиновичей и Николаевичей, осталась только младшая ветвь Михайловичей, идущая от великого князя Михаил Николаевича (1832–1909 гг.), но и в ней всего 5 мужчин, родившихся после 1970 г. Относительно благополучная демографическая ситуация в тех семьях, которые изначально были и по настоящее время остаются многочисленными (князья Голицыны, князья Трубецкие, князья Оболенские).

Искусственное и случайное разделение русской элиты на тех, кто эмигрировал, и тех, кто остался в СССР, также негативно повлияло на ситуацию в сфере генеалогии. Как устанавливается при анализе конкретных родословий, вне пределов России оказались преимущественно трудоспособные мужчины, а в СССР – женщины, пожилые люди и дети, для которых отъезд был затруднителен. Мужчины же часто оставались в силу случайного стечения обстоятельств (болезнь, работа). О гендерном и демографическом составе эмигрантов можно судить, например, по уже упомянутому роду Аксаковых. К 1921 г. их было 25 человек, 12 остались в России, 13 эмигрировали; уехали 8 мужчин и 4 женщины, на родине продолжали жить 9 женщин и 4 мужчины (в том числе один ребенок, а отъезду Б.С. Аксакова за границу воспрепятствовала неожиданная болезнь).

В эмиграции и в СССР стремительно деградировала сословная генеалогическая культура. У «советских дворян» сокрытие своего происхождения, минимизация общения между членами семьи, уничтожение архивов как «компромата» были обусловлены стремлением выжить физически, избежать репрессий, адаптироваться к новой обстановке, продемонстрировать

лояльность к власти. Родство перестало восприниматься молодежью как ценность, достоверные сведения о происхождении и родственниках утрачивались и мистифицировались, границы родовой памяти сокращались, терминология упрощалась, антропонимия менялась, механизмы трансляция информации нарушались, а сама генеалогия перемещалась из сферы документированного, точного знания в область легенд и семейных преданий. Родственные связи утрачивали одно из приоритетных мест в системе межличностных отношений элиты. Аналогичные процессы происходили в эмиграции, хотя и вследствие других причин. Дворянская диаспора не подвергалась преследованиям из-за происхождения, но жизнь в ино-этнической и инокультурной среде привела к быстрой, в течение всего 1–2 поколений, ассимиляции потомков эмигрантов первой волны. Старшим не удалось передать генеалогическую культуру молодежи в полном объеме. Если в СССР новые поколения дворян, скорее, не могли знать все о своем происхождении, то в эмиграции в большей степени не хотели, считая такие сведения ненужными для жизни. Утрачивался язык, в том числе русские имена и фамилии, стали доминировать браки с иностранцами; менялась этническая самоидентификация молодых дворян, многие ощущали себя французами или американцами, а не русскими. Генеалогическая культура элиты, существовавшая в Российской империи, к настоящему времени утрачена полностью.

После октября 1917 г. кардинальным образом изменилась ситуация с браками. Исчезли все существовавшие ранее сословные ограничения. Однако в 1920–30-е гг. дворянская молодежь находилась еще под сильным влиянием родителей с соответствующими взглядами на жизнь, и прежние традиции супружества в некоторых родах старались соблюдать. Например, в семье князей Львовых всячески препятствовали браку князя Владимира Сергеевича и Татьяны Александровны Аксаковой, поскольку она была разведена [1, т. 2, с. 26]. В первые постреволюционные десятилетия процент браков между дворянами и в СССР, и в эмиграции был относительно велик, но затем происхождение перестало играть в матримониальных связях какую-либо роль,

изменились представления об успешности браке. Традиция заключать союзы между лицами равного социального статуса была исчерпана. В целом, это логически завершало тенденцию, которая наметилась еще во второй половине XIX в., когда браки с представителями других сословий стали восприниматься сообществом с изрядной долей спокойствия.

Большие трудности для социогенеалогического анализа элиты и реконструкции родословий возникают из-за прекращения официального учета дворянства после 1917 г. Попытки общественных организаций как в эмиграции, так и в современной России вести списки благородного сословия компенсировать родословных книг Российской империи не могут, поскольку лишены какой-либо юридической основы. В результате даже при самом тщательном, монографическом изучении конкретного рода остаются информационные лакуны, в родословных пропускаются отдельные лица и даже целые семьи. Например, после публикации обстоятельной монографии о Лопухиных обнаружили две не упомянутые в ней, но существующие ветви, представители которых сами связались с автором [3, 4]. Изучение генеалогии дворянства в XX в. фактически обречено на фрагментарность, и полнота исследования часто обусловлена субъективными факторами личных связей, знакомства, родства или общественной активностью членов изучаемого рода.

Другая трудность при генеалогическом изучении элиты XX в. заключается в том, что некоторые роды утратили антропонимическую идентичность. Желая отмежеваться от опасного родства, оставшиеся в СССР дворяне меняли фамилии или модифицировали их. Так, князь Кирилл Юрьевич Урусов (1910–1976 гг.) взял фамилию жены и стал Волковым [5, с. 37]. Обладатели двойных фамилий, часто указывавших на благородное происхождение, убрали одну из частей. Например, Николай Иванович Стеблин-Каменский (1893–1981 гг.) после революции сменил фамилию на просто Каменский [2, с. 155]. В эмиграции фамилии трансформировались по другим причинам, в основном из-за сложного для иностранцев произношения или желания быстрее адаптироваться в иную социокультурную среду

(известный во Франции режиссер и актер Роже Вадим по рождению был Вадимом Игоревичем Племянниковым).

Законодательная отмена сословий привела в конце XX в. к появлению неожиданной проблемы теоретического характера – считать ли дворянами тех, кто родился после 1917 г. Особенно актуальна она по отношению к титулованным семьям, для которых модифицируется в вопрос об именовании таких лиц и их супруг с княжеским, графским или баронским титулами. Для генеалогии единство рода представляет непреложную и неоспариваемую данность, определяемую не конкретной исторической ситуацией, а последовательностью рождений, то есть фактором биологическим и, следовательно, индифферентным к цивилизационным особенностям эпохи. Исходя из данного тезиса, лиц, родившихся после 1917 г., необходимо безоговорочно признавать принадлежащими к дворянским родам, вкладывая в это не правовой, а исключительно генеалогический смысл. Ситуация с титулами сложнее, поскольку они сами являются социальным атрибутом. По нашему мнению, лиц, рожденных после 1917 г., именовать с титулами нужно. Этому есть две причины: во-первых, необходимо сохранять единство рода, не разделяя его на тех, кто пользуется титулом, и кто им не пользуется; во-вторых, дифференциация в именовании членов одной семьи вносит большую путаницу в генеалогическую информацию. Дело в том, что большинство титулованной знати имело однофамильцев, как среди дворянства, так и среди лиц иного происхождения. Именование только по фамилии осложняет генеалогическую идентификацию конкретного человека, может привести к ошибкам при определении границ рода и фактически означает лишение его титула.

Пресечение многих дворянских родов и отсутствие правовой основы для бытования сословия повысили в течение XX в. значения родства по женской линии. В настоящее время такие потомки носят старинные фамилии – по матери или даже бабке, пользуются гербами и считают себя полноправными дворянами, что, разумеется, категорически было запрещено законами

Российской империи. Подобная ситуация является одним из косвенных последствий 1917 г.

Октябрьский переворот и детерминированная им политика социоида имели системные, крайне негативные последствия и для родословного пространства русского дворянства, и для генеалогии как научного знания. Благородное сословие постигла социогенеалогическая катастрофа. Она была спровоцирована советской властью, которая несет за истребление элиты Российской империи полную историческую ответственность.

Список литературы:

1. Аксакова (Сиверс) Т.А. Семейная хроника. – М., 2005. – Кн. 1–2.
2. Коротенко В.В., Стеблин-Каменский И.М., Шумков А.А. Стеблин-Каменские (Стеблинские, Стеблин-Каминские). – СПб., 2005.
3. Краевский Б.П. Лопухины в истории Отечества. – М., 2001.
4. Краевский Б.П. Лопухины (дополнения к поколенной росписи) // Летопись Историко-родословного общества в Москве. – 2004. – Вып. 8/9. – С. 62–67.
5. Нарбут А.Н. Князья Урусовы. – М., 1994.
6. Нарышкин А.К. В родстве с Петром Великим: Нарышкины в истории России. – М., 2005.
7. Наумов О.Н. Князья Черкасские // Дворянский календарь. – Тетр. 16. – М., 2011. – С. 250–259.
8. Наумов О.Н. Очерки по русской генеалогии. – М., 2012.
9. Наумов О.Н. Пушкины и советская власть: (опыт социогенеалогического дискурса) // Клио. – 2017. – № 5. – С. 105–114.
10. Наумов О.Н., Хилков Б.М. История рода князей Хилковых. – Екатеринбург, 2008.
11. Обречены по рождению... По документам фондов: Политического Красного Креста. 1918–1922. Помощь политзаключенным. 1922–1937. – СПб., 2004.
12. Соломин А.В. Князья Гантимуровы. – М., 2013.
13. Чагин Г.В., Кубарев А.Г. Чагины. 600 лет на службе России. – М., 2015.
14. Чуйкина С.А. Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920 – 30-е годы). – СПб., 2006. – 259 с.

Аксютин Ю.В.
Московский государственный
областной университет
(Москва, Российская Федерация)

ВЫБОРНЫЕ ИНСТИТУТЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1917-1991 гг.)

Аннотация. В тексте рассматривается история возникновения и развития выборных институтов советской власти, первоначально мыслившихся как представительства рабочих и солдат, имевшие своей целью установить контроль над буржуазным Временным правительством, но со временем, после того как они стали единственной властью в стране, превратившиеся в своеобразную «диктатуру пролетариата», на деле являвшуюся диктатурой большевистской партии, очень скоро выкорчевавшей весь их демократизм и превратившей советские выборы в сугубую формальность. На примерах того, как проводились эти выборы, показано неистребимое стремление советских граждан расширить свои избирательные права, вернуть выборам былую демократичность. Сделан вывод о том, что предпринятая в годы «перестройки» попытка демократизировать советскую систему закончилась её крахом.

Ключевые слова: советы рабочих и солдатских депутатов, избирательное право и избирательные процедуры, «лишенцы», тайное и открытое голосование, возможность выбора из нескольких кандидатов, редкие, но ценные свидетельства о подлинных настроениях советских избирателей.

Aksyutin Yu.
Moscow State Regional University
(Moscow, Russia)

SELECTED INSTITUTIONS OF SOVIET POWER (1917-1991)

Abstract. This text examines the history of the emergence and development of elective institutions of Soviet power, originally conceived as representations of workers and soldiers, whose aim was to establish control over the bourgeois Provisional Government, but eventually, after they became the sole authority in the country, which turned into a kind of «dictatorship of the proletariat», which in fact was the dictatorship of the Bolshevik party, very soon you-wrestled all their democracy and turned the Soviet elections into a special form ity. On examples of how these elections were conducted, the indiscriminate striving of Soviet citizens to expand their electoral rights is shown, to return to the elections the former democracy. And it was concluded that the attempt to democratize the Soviet system, undertaken during the years of «perestroika», ended with her collapse.

Key words: soviets of Workers 'and Soldiers' Deputies, electoral law and election procedures, «disenfranchised», secret and open voting, the possibility of

choosing from several candidates, rare but valuable testimonies about the true mood of Soviet voters.

Советы рабочих депутатов (другое их название – собрания уполномоченных от фабрик и заводов, рабочие конференции) возникли в ходе первой русской революции 1905–1907 гг. Изначальной их функцией была координация действий забастовочных комитетов в пределах города. Кое-где они вынуждены были брать на себя и властные функции, готовить вооружённые выступления против царизма.

Февральский переворот 1917 г., завершившийся отречением Николая II от престола, начался с всеобщей забастовки рабочих Петрограда, к которым через несколько дней присоединились солдаты размещённых в столице запасных гвардейских полков. Делегаты и тех и других, собравшись 28 февраля в Таврическом дворце, объявили себя Советом рабочих и солдатских депутатов. Избирались же они в те дни, как правило, на случайных митингах. И хотя среди них преобладали люди, проявившие себя в те революционные дни своими призывами к прекращению работы и занятий, к выходу на улицу, своей безоглядной решительностью в столкновениях с начальством и полицией, их политические симпатии тогда отдавались преимущественно умеренным социалистам – меньшевикам и эсерам. Одну из главных своих задач они видели в контроле над действиями Временного правительства.

Вернувшийся в апреле 1917 г. из эмиграции В.И. Ленин мыслил себе задачу советов в ином: они должны были взять власть в свои руки для превращения буржуазно-демократической революции в социалистическую. Он отмечал преимущества советской избирательной системы в такое беспокойное, переходное время по сравнению с обычной, парламентской: она охватывает самые активные слои (рабочих и солдат) и в каждый данный момент отвечает их политическим симпатиям и антипатиям; сегодня эти симпатии на стороне умеренных социалистов, поддерживающих Временное правительство, а завтра наверняка изменятся, повернутся к большевикам. Вслед за рабочими и

солдатами начали организовываться и крестьяне, избирая своих делегатов на уездные и губернские съезды.

Приблизительно тогда же стали разрабатываться инструкции, определявшие порядок проведения выборов в советы, важнейшими элементами которого были определение фабрик, заводов и мастерских – вернее их рабочих коллективов – в качестве избирательных округов, непременно участие в выборах не менее половины избирателей данного округа и голосование путём подачи записок (то есть тайное). Была определена и норма представительства и на Всероссийском съезде советов рабочих и солдатских депутатов: 1 делегат от 25.000 избирателей (на фронте их выборы должны проходить на армейских съездах) [2, с. 1]. Съезд этот 17 июня объявил себя высшим органом советов, «направляющим всю их общественно-политическую и организационную работу и руководящим ею». Созываться он должен каждые три месяца. Между съездами эти функции, а также контакт с министрами-социалистами, контроль за их действиями, содействие их работе возлагался на Центральный исполнительный комитет (ЦИК) советов [8, с. 265].

Однако проведённые летом 1917 г. выборы в органы местного самоуправления (на основе «четырёххвостки»: всеобщие, с участием женщин, равные, прямые, при тайном голосовании) ставили под вопрос будущее советов. Точку под их историей, по логике, должно было поставить Всероссийское Учредительное Собрание, выборы в которое были назначены на 12 ноября 1917 г. И все же советы оставались весьма популярными в рабочей и солдатской массе и постоянно левели. Начиная с сентября 1917 г. вслед за Петроградским и Московским советами большинство в них стало переходить от меньшевиков и эсеров к большевикам, которые 25 октября арестовали Временное правительство, а II Всероссийский съезд СРиСД провозгласил переход всей власти к советам и утвердил новое Временное (до созыва Учредительного Собрания), рабоче-крестьянское правительство – Совет народных комиссаров.

Учредительное Собрание проработало всего несколько часов и было распущено, так как вовсе не собиралось оставлять власть в руках народных комиссаров. Ещё до этого большевики приступили к ликвидации только что выбранных органов местного самоуправления. Подобные шаги не нашли поддержки у части рабочих и солдат, для которых демократические ценности значили больше узко классовых. Сепаратный мир с Германией и её союзниками, заключённый в Бресте 3 марта 1918 г. был признан В.И. Лениным признававшийся тяжёлым и позорным. Он оттолкнул значительную часть патриотически настроенных советских избирателей от большевиков и разрушил их коалицию с левыми эсерами. Экономические последствия этого мира, а также неумение новых правителей наладить снабжение и производство, усилили разруху и голод в городах. Рабочие всё громче и громче высказывали своё недовольства.

Началась обратная волна дебольшевизации советов. Чтобы остановить её, пришлось прибегать к разного рода ухищрениям и даже репрессиям. Во время кампании по перевыборам Московского совета в апреле 1918 г. их кандидаты и агитаторы активно использовали такое средство передвижения с фабрики на завод, как автомобили, а меньшевиков и эсеров, добравшихся туда на трамвае или пешком, часто не пускали внутрь или выпроваживали оттуда красногвардейцы, жаловались они и на то, что почти повсюду голосование проходило не путём подачи записок, а поднятием рук, то есть открыто. Но не всюду это помогало. Тогда прибегали к таким чрезвычайным мерам, как отказ в признании законными те перевыборы, которые заканчивались поражением большевиков (Ярославль), исключение из советов оппозиционных социалистических партий (Тула). 14 июня 1918 г. ВЦИК постановил изгнать из советов всех меньшевиков и правых эсеров.

За четыре дня до этого был принят декрет «Об организации и снабжении деревенской бедноты». Региональные (губернские и уездные) власти в тех волостях и селениях, где местные советы отказывались идти на поводу у центральной власти и организовывать хлебозаготовки по ценам и размерам, ею

установленным, уполномочивались создавать «комитеты бедноты». Первой их обязанностью было изъятие «хлебных излишков». Но помимо этого они имели право контролировать местные советы, распускать их, назначать пере выборы или даже просто брать всю власть на себя [13, с. 126].

Это окончательно испортило отношения большевиков с левыми эсерами. Не способные решать спорные вопросы мирным демократическим путём внутри советской демократии, не склонные к компромиссам, большевики предпочли выяснять свои отношения нажимом, насилием. 6 июля 1918 г. во время V Всероссийского съезда советов между ними возник вооружённый конфликт, закончившийся арестом последних (а они составляли добрую треть на этом съезде). В результате у большевиков не осталось никаких политических конкурентов на советском политическом поле.

В отсутствии оппозиции отпала надобность в регулярном созыве пленарных заседаний депутатов, так что постепенно властные функции из советов как-то сами собой перемещались в исполкомы и ещё более узкие президиумы, а сами советы превращались в некое подобие институтированных митингов, время от времени собираемых для выслушивания речей своих руководителей и принятия уже готовых резолюций.

Конституция РСФСР, принятая 10 июля 1918 г. на V Всероссийском съезде советов рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов, подтверждала, что Всероссийский съезд советов «является высшей властью». Составляется он из представителей городских советов (1 делегат от 25.000 избирателей) и губернских съездов советов (1 делегат от 125.000 избирателей, причём губернский съезд советов состоял не только из деревенских делегатов - 1 от 10.000, но и городских - 1 от 2.000) [4, с. 24–25]. На нём избирается ВЦИК, который и является высшей властью между одним съездом и другим [4, 28]. Срок полномочий советов рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов определён в 3 месяца [4, с. 153].

Право избирать и быть избранными предоставлялось, вроде бы, всем гражданам с 18 лет. Правда, с оговоркой: если только они принадлежат к следующим трём категориям:

а) все добывающие средства к жизни производительным и общественным трудом (рабочие и служащие, занятые в промышленности, торговле, сельском хозяйстве);

б) крестьяне и казаки-земледельцы, не пользующиеся наёмным трудом с целью извлечения прибыли;

в) солдаты советской армии и флота [4, с. 154]. Однако, и некоторые люди, входящие в одну из вышеперечисленных категорий, лишались избирательного права.

Среди них:

а) лица, прибегающие к наёмному труду с целью извлечения прибыли;

б) лица, живущие на нетрудовой доход (проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества);

в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники;

г) монахи и духовные служители церквей и религиозных культов;

д) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома [4, с. 155].

В эти категории лишенцев попали, по некоторым подсчётам, 5 миллионов человек [13, с. 125].

Таким образом, советское избирательное право было не всеобщим, не равным и многоступенчатым. Никаких указаний на технику выборов в конституции не содержалось. На практике это было открытое голосование.

Точно также формально депутаты выбирали своих руководителей, утверждая те кандидатуры, которые предлагались им партийными комитетами большевиков. А те, в свою очередь, следовали указаниям и рекомендациям, исходящим из ЦК большевиков.

VI Всероссийский съезд советов принял 9 ноября 1918 г. постановление о строительстве советской власти в центре, комитетах бедноты и советах на

местах. Всякая самостоятельность региональных советов отныне отменялась. Все они жёстко подчинялись центру и им финансировались. Что же касается комбедов (в 33 губерниях Европейской России их к этому времени насчитывалось 122.000 [6, с. 515]), то они свою роль выполнили: помогли изъять у крестьян так необходимый большевикам хлеб, навели террор на деревню и стали базой, на которой стали образовываться ячейки РКП(б). Правда, напоследок на них было возложено проведение выборов в сельские и волостные советы [4, с. 166].

В эйфории от побед на фронтах гражданской войны и успехов революционного движения в Европе, Ленин в конце 1918 – начале 1919 гг. пошел на то, чтобы разрешить политическую деятельность тех меньшевиков и эсеров, которые заявили о признании ими советской власти. Но начавшаяся вскоре предвыборная кампания в Москве показала такую их активность и напористость, а главное то, что уставшие от всевозможных бед рабочие не без интереса слушают их, пытаясь разобраться в исконно русских вопросах («кто виноват?» и «что делать?»), что большевики предпочли не рисковать, выборы не проводить, а своих оппонентов лишить легальности и отправить в тюрьму.

Несоблюдение сроков перевыборов давно уже стало практикой большевистских вождей. VIII Всероссийский съезд Советов 29 декабря 1920 г. в своей резолюции о советском строительстве признал необходимым всё же вернуться к регулярным перевыборам советов в установленные (6 месяцев) сроки [4, с. 203]. На деле же ничего этого не было. Наконец, IX Всероссийский съезд советов в декабре 1921 г. (сами эти съезды уже давно собирались не два, а один раз в год) во изменение конституции разрешил проводить перевыборы советов и созывать съезды советов разных уровней раз в год [4, с. 316].

Основной закон (конституция) Союза ССР, принятый 31 января 1924 г. на II Съезде советов СССР, не содержал ни слова об избирательном праве, предполагая, очевидно, что оно по-прежнему определяется республиканскими конституциями, скопированными с конституции РСФСР.

Отсутствие возможности выбора, конечно, сказывалось на активности избирателей. Наибольшей она была в самый разгар НЭПа, в избирательной кампании 1925/26 гг., когда в выборах участвовало 57 % рабочих, 47 % крестьян и до 70 % служащих в РККА. В РСФСР общее количество участвовавших в выборах достигло 19,5 миллионов человек, то есть на 2,5 миллиона больше чем год назад [4, с. 559–560]. И теми не менее, несмотря на столь, казалось бы, впечатляющие успехи, ЦК и ЦКК ВКП(б), обсуждавшие 20 июля 1926 г. их итоги, посчитали необходимым напомнить партийным организациям о бдительности в отношении контрреволюционной агитации за необходимость создания особых крестьянских союзов, «неизбежно противопоставляемых пролетариату и коммунистической партии» [4, с. 561].

Так что при подготовке следующих выборов не обошлось без введения новых ограничений. Это касалось, прежде всего, расширения списка «лишенцев». Их число резко возросло. Например, в городах Самарской губернии с 2,3 % до 6,8 %, а в Ростове-на-Дону с 1,7 % до 10 % [7, с. 30, 61]. В два и более раза увеличилось число лишенцев в деревне. По 8 уездам Воронежской губернии их число возросло с 11.644 до 34.247 человек. По Северо-Кавказскому краю процент лишенных избирательных прав местами доходил до 22-24 % (Кущевский район Донского округа). В некоторых волостях Архангельской губернии он доходило до 40–50 % избирателей. Так в рабоче-крестьянском государстве относились к крестьянам [7, с. 68]. А что уж говорить об интеллигентах? В Самарском уезде лишили прав 36 агрономов-общественников за то, что 8 лет тому назад они пребывали в Народной армии. В Раненбургском уезде Рязанской губернии член избиркома издал «практическое руководство сельуполномоченным» по применению инструкции, в котором указывает, что «учителей – детей попов надо лишать избирательных прав» (местные власти, правда, исправили эту линию). Подобные факты отмечались и по другим губерниям и округам [7, с. 33, 73].

Тут сказались и неумение разобраться в новой инструкции, и стремление во что бы то ни стало увеличить число «лишенцев» против прошлого года. В

селе Спиридоновка Самарской губернии сельзбирком составил список на 400 человек, включив в него крестьян, не имеющих никаких признаков нетрудовых хозяйств, но зато «политически неблагонадежных»; волизбирком сократил этот список до 150 человек [7, с. 68].

Посещаемость выборных собраний в крупнейших промышленных районах в среднем составила лишь 30–40 % (максимум – 60 %). В ряде случаев собрания срывались из-за незначительной явки. Так, на одной только Красноволжской мануфактуре в Кинешме на перевыборное собрание 14 января из 1180 рабочих явилось 130, на вторичное собрание – еще меньше, а на третье никто не явился. На Писцовской фабрике с 2.034 рабочими собрание удалось созвать только в 6-й раз 4 января, соблазнив объявлением, что ему будет предшествовать спектакль, а затем продемонстрирована кинокартина. Однако, открывая собрание, председатель фабкома, призвал, прежде чем посмотреть спектакль, заслушать доклад поселкового совета, а потом произвести выборы, присутствующие закричали:

– Долой, долой! Мы пришли на спектакль, а не на собрание!

Доклад был сорван.

Некоторые фабкомы прибегали к насильственному привлечению рабочих на собрания, закрыв ворота. Поэтому, например, на Кохомской льноткацкой фабрике во время голосования раздавались крики:

– Выпустите, нам нужно идти в деревню.

Не удивительно, что кандидатуры не обсуждались и собрание было закончено в 15 минут [7, с. 73].

Ещё пассивнее было отношение к предвыборной кампании служащих государственных учреждений, равно как и безработных.

Пассивно вела себя и деревенская беднота. Процент посещаемости ею собраний падал до 30 и даже 10 %. Нередко и на самих собраниях даже бедняки держались безучастно.

А если и брали слово, то говорили совсем не то, чего от них ожидали.

– Вы брешете только на ветер. Что нам ваша организация: от того, что мы собирались не будем сыты, нам зажиточный даст без всяких слов, а власть обещает, да не дает (Орловская губерния) [7, с. 35, 85].

Нечто подобное можно было услышать иногда и в рабочей среде. На заводе «Красный путиловец» по докладу председателя Ленсовета Комарова записался 21 оратор. Отмечая недочеты, выступавшие указывали на бюрократизм, на жилищный кризис и высокую квартплату. А в одной из поданных записок докладчику был задан вопрос: «Почему у нас нет тайного голосования, а вы говорите, что у нас свободная страна». Ответ докладчика был таков:

– Так говорят наши враги, а не рабочие «Красного путиловца» [7, с. 61].

Кандидатуры, выдвигаемые на перевыборах профактивом или ячейками в члены горсоветов, а также бедняками в члены сельсоветов в большинстве своем принимались. Но не обходилось и без исключений. На фабрике «Красный Профинтерн» в Гусь-Хрустальном на собрании рабочих подготовительного отдела 17 января депутатом в горсовет была избрана бывшая эсерка Богданова. 18 января на перевыборном собрании рабочих и служащих службы тяги и движения при станции Александрово Северной железной дороги в новый состав горсовета была выдвинута кандидатура бывшего меньшевика машиниста Гапалова, правда тот, взяв себе слово, попросил его кандидатуру снять:

– Я своими взглядами с советской власти не схожусь. Моя идея – равное и тайное голосование, свобода слова и печати.

Однако, несмотря на это, он прошел в члены горсовета [7, с. 30, 61].

В деревне рекомендация чисто бедняцких списков часто приводила к провалу их и оценивалась середняком, как «навязывание», «диктаторство».

– Мы сами знаем кого избирать, – такое можно было услышать в Московской губернии [7, с. 95].

«Комбедовский» натиск заставлял часть середняков блокироваться с кулаками, хотя их активность и была снижена более широким лишением

избирательных прав. Чаще всего середняки шли за кулаками под лозунгом выбора в Совет «хозяйственных», «самостоятельных» крестьян, противопоставляемых обычно беднякам и комсомольцам [7, с. 95].

В Московской губернии зафиксирован 51 случай выдвижения на выборных собраниях вопроса о крестьянском союзе, причём за его создание высказались 65 кулаков и зажиточных, 89 середняков, 17 бедняков и 11 антисоветских элементов. В селе Загшавном Сталинградской губернии, целая группа подала заявление на допущение ее на перевыборы, как самостоятельной организации — крестьянский союз, который «фракционно» мог бы выдвигать свои требования и предложения. Резолюции с требованием организации крестьянского союза были вынесены на предвыборных собраниях в двух селах Владимирской губернии [7, с. 73].

Результаты выборов в сельские советы дали «в общем благоприятную картину». Но чекисты отмечали, что в ряде случаев кулакам и антисоветским элементам, благодаря своей организованности, все же удалось проводить своих ставленников. В некоторых селах Московской губернии, Северного Кавказа и Дальнего Востока списки ячеек были кулацкими группировками провалены. Во Владивостокском округе отмечено 30 таких фактов по двум районам, в 34 сельсовета прошли зажиточные и кулаки [7, с. 73].

В 1927 г. внешне- и внутривнутриполитическая ситуация в СССР сильно ухудшилась, и, может быть, поэтому выборов в советы не было, вопреки Конституции, требовавшей ежегодных выборов. В начале 1928 г., в разгар избирательной кампании, когда газеты запрудили свои полотноща отчётами о большой активности избирателей, внезапно был отложен до осени созыв Съезда советов СССР [9, с. 445].

Но год прошёл, и надо было проводить новые выборы. И им предшествовали новые ограничения.

На расширенном пленуме Пахомовского райисполкома (Тульская губерния) один зажиточный говорил по поводу речей о лишении избирательных прав 46 кулаков:

– Опасность для советской власти представляют не эти 46 кулаков, а крестьянство в целом. Вот почему и урезают так резко его избирательные права. Вывеска «Совет рабочих и крестьянских депутатов» только для отвода глаз. Фактически же 80 % крестьян к власти не подпускаются [14, л. 7–8].

А в селе Македоновка Сыртанского района Мариупольского округа (УСССР) можно было услышать такие речи лишенцев:

– Несмотря на то, что на всех углах распространяются о советской демократии, в действительности при царском правительстве было больше свободных выборов и демократии, чем при советской власти. Сейчас избирают по рекомендации коммунистов на открытом голосовании. А ведь в старое-то время голосовали тайно, каждый мог отдать свой голос за любого кандидата, никого не боясь. Зато теперь, когда голосование открытое, кто попробует быть против, того берут на заметку. Фактически теперь не выборы, а назначение. Пусть попробуют провести тайное голосование, и вы увидите, что ни один коммунист не пройдет» [14, л. 7].

Не всегда проявляла лояльность и беднота. «Сплочённой и подготовленной» вступила она в избирательную кампанию далеко не везде. Власть не без зависти наблюдала за тем, как кулак Закусин (Угличский уезд, деревня Труханово) бесплатно даёт молоко беднячке, бесплатно же даёт рядовую сеялку машинному товариществу, а в своей избе выделил красный уголок для молодёжи. А что она могла ему противопоставить? Разве только утверждение, что делает он это ради того, чтобы заполучить членскую кооперативную книжку [14, л. 22]

1 января 1929 г. опубликовано инструктивное письмо ЦК ВКП(б) «О перевыборах советов». Всем местным партийным органам в связи с избирательной кампанией предлагалось «мобилизовать пролетарские и крестьянские массы вокруг основных задач политики партии и советской власти:

- 1) обеспечение мира и укрепление безопасности СССР;
- 2) обеспечение принятого темпа индустриализации страны;

3) поднятие урожайности и социалистическая реконструкция сельского хозяйства;

4) дальнейшая борьба с бюрократизмом при улучшении и упрощении государственного аппарата» [12, с. 1].

Военно-мобилизационная система, ядром которой была ВКП(б) и тут в основном справилась с поставленной перед ней задачей, успешно проведя выборы. Но на них, как и на предыдущих проявились и слабые стороны этой системы: её недемократичность, наличие недовольных, их стремление как-то выразить своё настроение и, мало того, каким-то образом повлиять на исход, казалось бы, предрешённого голосования.

В селе Вохново Череповецкого округа была обнаружена «оформившаяся группа в 5 человек антисоветски настроенных людей, бывших в партии и зажиточных, которые ставят своей целью протаскивание своих кандидатов в новый состав совета – они подговаривают некоторых комсомольцев встать на их сторону» [14, л. 25]. В Гайворонском районе Белгородского округа кулаки организовались в сельскохозяйственное товарищество «Красный Луч» и «под видом артели устраивали контрреволюционные собрания». Всего таких собраний под разными предлогами проведено 17 [14, л. 26].

В деревне Молотово Беженицкого района Псковского округа один член сельсовета написал статью для стенгазеты с призывом активно участвовать в пере выборах: «Товарищи, если мы дружно, как один, выступим, то и коммунисты будут бессильны и ничего сделать не смогут». В селе Успенка Владимирского района Астраханской губернии выпустили стенгазету «Свой труд», разрисованную «хулиганскими карикатурами», а в селе Старица листовка была явно контрреволюционного содержания: «Компартия загнила, раньше она боролась с буржуазией, а теперь собирается наступать на трудовое крестьянство. Коммунизм придёт только добровольно и через гильдейскую систему и высшую культуру, а не через палочную диктатуру» [14, л. 26]. «Долой коммунистов-самозванцев!», – шла антисоветская агитация в группе крестьян села Троицкое Комаровского района Тульской губернии [14, л. 7].

На отчётном собрании в деревне Зелёновка (Тетюшская волость, Вуинский кантон, Татария) явилась группа кулаков и стала кричать:

– Соввласть скоро лопнет! Мы с часу на час ждём переворота!

И, мешая таким образом вести обсуждение, сорвали собрание [14, л. 28].

По разным районам Центрально-Чернозёмной области кулаки (главным образом «через подкупленных бедняков и местных хулиганов») сорвали 13 собраний [14, л. 27].

Дополнительную остроту избирательной кампании придавали слухи о причинах продовольственных затруднений.

– Голод, который мы имеем сейчас, будет продолжаться ещё 5 лет, – предрекали зажиточные крестьяне в деревне Огороково Одоевского района Тульской губернии. – Наше правительство заключило 5-летний договор с иностранными государствами о поставке им хлеба. И весь хлеб теперь соввластью отправляется за границу.

– В Сибири весь хлеб забрало государство, – вторили им зажиточные в Заборовской волости Нижегородской губернии. – Причём лучшее зерно отправляется за границу, а второй и третий сорт оставляют на ссыпках. Населению же оставляют только норму.

– Хлеб отправляется коммунистами за границу, – утверждал и кулак в селе Худчанец Качкаровского района Херсонского округа. – Скоро придут поляки [14, л. 27].

– Рабочим электрификация, а нам голод, – говорили при перевыборах Мостичевского сельсовета в Великолукском округе. – Кожу всю пошили на портфели. Говорят о войне; пусть коммунисты и воюют, а мы не пойдём, середняка государство заедает [14, л. 8].

Не меньше беспокоил крестьян и курс ВКП(б) на модернизацию сельского хозяйства путём его коллективизации.

– Коммунисты взяли в руки рупор и кричат, чтобы шли в авраамовскую шарлатанскую коммуну – коллективы, – говорил в своём выступлении один

зажиточный ярославский крестьянин, кстати, бывший коммунист. – А ведь эти коллективы, колхозы – ни что иное как рабство.

Выступавший за ним другой крестьянин добавил:

– Вы сидите на возу, который может опрокинуться. Вас 35 %, но вы хотите покорить остальные 65 %, но те ещё поговорят с вами. Коллектив, в который нас загоняют, – это отпрыск крепостного права [14, л. 16-17].

– Зачем это партии понадобилось проводить расслоение в деревне? – спрашивали в Чароевской волости Гусевского уезда – Поссорили только нас всех, вот мы и грызёмся [14, л. 24]

Случалось, что эта грызня не обходилась и без крови. Только в одной Смоленской губернии с 20 по 25 декабря 1928 г. зарегистрировано 12 случаев кулацкого террора, из них 1 убийство, 5 покушений на убийство, 2 избиения, 1 угроза избиения, 4 поджога [14, л. 28].

Всё это порою сказывалось на результатах голосования.

В Петрищевском районе Ленинградской области работа одного сельского совета после его отчётного доклада признана неудовлетворительной, так как он проводил классовую линию [14, л. 8].

В Ново-Георгиевский сельсовет Житнинского района Сретенского округа (Дальне-Восточный край) прошли зажиточные и крепкие середняки. Удалось зажиточным провести 4-х своих кандидатов и в Ключи-Уровский сельсовет, после того как они выступили с «ложными компрометирующими сведениями на коммунистов» [14, л. 17].

В деревне Марфовка Керченского района выдвигалось требование увеличить число делегатов на съезде советов и что собрание на это требование никак не реагировало [14, 8].

В двух избирательных участках села Каменского Псковского района выдвигалось требование организовать крестьянский союз, пытались внести его в наказ, мотивируя следующим образом:

– Рабочие и служащие имеют союз, и нам надо организовать, чтобы лучше защищать свои интересы.

Оба раза эти предложения (одно – сына мельника, другое – зажиточного крестьянина) были отклонены [14, л. 10].

Ликвидация НЭПа сопровождалась возвращением к методам, охотно применявшимся коммунистами в ходе гражданской войны. 25 января 1930 г. президиум ЦИК СССР в своем постановлении о новых задачах советов указал, что «сельсовет, не вставший во главе колхозного движения, отстающий от темпов социалистического преобразования деревни, не умеющий организовать бедняцко-батрацкие массы, – такой совет подлежит немедленному переизбранию». Во исполнение этой директивы особой инструкцией от 31 января районным исполнительным комитетам было разрешено произвести досрочные перевыборы сельсоветов, «состав которых засорён чуждыми элементами и которые не смогли... стать во главе социалистического преобразования деревни». В районах же сплошной коллективизации перевыборам подлежали все сельсоветы «под углом зрения усиления их руководящего влияния в социалистическом переустройстве деревни и большего вовлечения в них бедняцко-батрацких слоёв и актива колхозников». Заодно разрешено было досрочно переизбирать и райисполкомы, «не обеспечивших достаточного руководства сельсоветами и не развернувших работы по коллективизации сельского хозяйства» [4, с. 617]. Естественно, вопрос этот решался не сами советами и их исполкомами, а вышестоящими инстанциями.

«Мерзавцы, до чего довели страну с вашим сволочным политиканством, с вашим властолюбием!» – говорилось в одном из анонимных посланий, полученных в ЦК ВКП(б) в октябре 1930 г. – «Те идеалы, ради которых народ пошёл за вами, оказались призраком<...>Свобода выборов в советы оказалась дополнением общего издевательства над народом<...> Вот спросим мы вас: как вы думаете, кого народ выберет в советы в условиях равного, тайного голосования? Можете на 100% быть уверены, что он выберет, но только во всяком случае уж не Сталина, не Молотова, не Кагановича и не Калинина – этого ничтожнейшего попугая. Всю эту сволочь народ в два счета сметет» [3, с. 73].

Инструкция ЦИК о выборах в советы от 2 октября 1934 г. при определении круга лиц, лишенных избирательных прав, включала в него тех, кто находился в административной высылке; арендовал сад, виноградник или огород с целью торговой и промышленной эксплуатации; систематически сдает в наем отдельные постройки. И впервые за 16 лет прямо указывалось, что «выборы производятся открытым голосованием» [4, с. 689].

Зачем это было сделано? Может быть для того, чтобы оттенить предложение, с которым уже 1 февраля 1935 г. пленум ЦК ВКП(б) заявил о необходимости некоторых изменений в конституции в направлении «дальнейшей демократизации избирательной системы, заменив не вполне равные выборы равными, многостепенные – прямыми, открытые – закрытыми» [4, с. 695].

Конституция, одобренная 5 декабря 1936 г. чрезвычайным VIII Съездом советов СССР, провозглашала (глава XI, статья 134-я), что «выборы депутатов во все советы производятся избирателями на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании» [4, с. 726]. Это значило, избирательным правом пользуются все граждане, начиная с 18 лет за исключением умалишённых и лиц, осуждённым судом. Никаких «лишенцев» больше не должно было быть. И горожане, и сельские жители имели теперь одинаковое представительство в советах. Выбирали сразу же депутатов разных уровней. Наконец, как ещё раз подчёркивалось в статье 140-й, «голосование является тайным» [4, с. 740]. Кандидаты в депутаты выставляются по избирательным округам. «Право выставления обеспечивается за общественными организациями и обществами трудящихся: коммунистическими партийными организациями, профессиональными союзами, кооперативами, организациями молодёжи, культурными обществами» [4, с. 745]. В статье 126 глава X говорилось об обеспечении граждан права объединяться в общественные организации, среди последних названа и ВКП(б), являющаяся «передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя» и представляющая «руководящее ядро всех

организаций трудящихся, как общественных, так и государственных» [4, с. 744]. Это могло означать только одно: какой-нибудь профсоюз мог выдвинуть своего кандидата, но только если он одобрен партией.

Так что разрыв между зовущим к светлому будущему словом и действительным положением народа теперь может быть и стал не настолько наглядным, как ранее, но он не перестал существовать, обнаруживаясь каждый раз в очередной избирательной кампании, в инструкциях, определявших технику выдвижения и регистрации кандидатов, в подборе избирательных комиссий, в том, на какой предмет и как они инструктировались.

9 июля 1937 г. было принято положение о выборах в Верховный Совет СССР. Статья 60-я его обязывала окружные избирательные комиссии зарегистрировать «всех кандидатов» на основании:

- а) протокола собрания или заседания, где происходило выдвижение;
- б) заявления самого кандидата о его согласии баллотироваться [4, с. 782].

Значит, этих кандидатов в одном избирательном округе может быть сколько угодно? Статья 80-я разъясняла: «Избиратель в комнате, отведённой для заполнения избирательных бюллетеней, оставляет в каждом избирательном бюллетене фамилию того кандидата, за которого он голосует, вычеркнув остальных» [4, с. 784].

Вся хитрость, однако, заключалась в том, что во всех без исключения избирательных округах к моменту выборов оставалось только по одному кандидату. Разобравшись в обширных списках уже зарегистрированных кандидатов, партийные руководители останавливали свой выбор на ком-нибудь из них, а остальные послушно писали заявления о выходе из борьбы за голоса избирателей.

Фактически выборы в Верховный Совет СССР, первые из которых были проведены 12 декабря 1937 г., были больше похожи на референдум. В соответствии с официальным сообщением Центральной избирательной комиссии, в них участвовало 91.113.153 человек, или 96,8 % избирателей. Из них за кандидатов в депутаты Совета Союза (одной из двух палат Верховного

Совета) проголосовал 89.844.271 человек, или 98,6 % от общего числа принявших участие в выборах. Против было подано 632.074 голоса. Недействительными оказались 636.808 бюллетеней [12, с. 1]. В закрытых ранее правительственных сборниках приводятся несколько иные цифры: против проголосовало 1.268.882 человека, или 1,39 %, причём по РСФСР этот процент составил 1,60% (935.580 голосов) [1, с. 5]. И всё равно эти результаты были поразительными.

Правда достигнута она была усилиями не только агитационно-пропагандистского, но и репрессивного аппарата. Многие из «бывших», восстановленные теперь во всех гражданских правах, на основании спущенных сверху разнарядок арестовывались и чрезвычайными тройками приговаривались как «враги народа» к высшей мере наказания (только 3 декабря 1937 г., по данным самих чекистов, в Москве расстреляли 400 человек [5, с. 14]) или к многолетнему лишению свободы. Их, естественно, вычёркивали из избирательных списков. То же самое повторилось и во время подготовки к выборам в республиканские верховные советы летом 1938 г. По одной из версий, в эти два года было арестовано свыше полутора миллиона человек, из них 681.692 расстреляны [10, с. 41]. Страх гнал многих на избирательные участки, чтобы продемонстрировать власти свою лояльность. «Формально при Сталине у нас все пошли за Сталиным, – признавал позже В.М. Молотов. – А окажись возможным проявить свою натуру, большинство оказалось бы против» [15, с. 360].

Ничего не меняла в избирательной системе конституция СССР 1977 г. Только «депутаты трудящихся» стали именоваться «народными депутатами». В июне 1988 г. XIX Всесоюзная конференция КПСС, делегаты которой не назначались региональными комитетами, а выбирались, причём на альтернативной основе, после острых дебатов одобрила предложение М.С. Горбачёва о реформе советской политической системы и приняла проект конституционной реформы, передачу реальной власти от партии к советам, причём избираемым на альтернативной основе.

Но это уже совсем другая история. В прежде монолитной советской политической системе появились первые трещины. А ещё через полтора с небольшим года она прекратила своё существование, не выдержав испытания демократией.

Список литературы

1. Выборы в Верховный Совет СССР и в Верховные Советы союзных и автономных республик 1937 – 1938 гг. (Цифровой сборник). – М.: изд. «Ведомостей Верховного Совета», 1939.
2. Извещение Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов о созыве Всероссийского съезда советов. // Известия Петроградского СРиСД. 9.05.17.
3. Из анонимного письма, полученного ЦК ВКП(б) в октябре 1930 года. // Коммерсантъ-Власть. – 2005. – № 43'31.10.05. – С. 73.
4. История советской конституции (в документах) 1917 – 1956. – М., 1957.
5. Коммерсантъ. – 1990. – № 22. – С. 14
6. Комитеты бедноты. // Большая советская энциклопедия. Изд. 3-е. Т. 12. – М., 1972.
7. Обзор политического состояния СССР за январь 1927 года. // «Совершенно Секретно»: Лубянка Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 5. / Отв.ред. Ю.Д. Дьяков. – М., 2003.
8. Организация и строительство советов рабочих депутатов в 1917 году. Сб.док. / Под ред. и с предисл. П.О.Горина. – М., 1928.
9. Павлюченков С.А. «Орден меченосцев». Партия и власть после революции. 1917 – 1929 гг. – М., 2008.
10. Последняя «антипартийная» группа: Стенографический отчёт июньского (1957 г.) пленума ЦК КПСС. // Исторический архив. – 1994. – № 2. – С. 3–88.
11. Постановление Президиума ЦИК об устранении нарушений избирательного законодательства Союза ССР от 22.03.1930. // Известия ВЦИК. 23.03.1930; Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР.– 1930. –С. 360-361.
12. Правда. 17.12.37. .
13. Романов П. Нерушимый блок коммунистов с... коммунистами. // Русские выборы. – М., 1999.
14. Сводки региональных органов ВКП(б) и ОГПУ о перевыборах советов от 2-26.01.1929. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 32. Д. 176.
15. Чуев Ф. 140 бесед с Молотовым. – М., 1991.

Назаров В.В.
Балашовский институт (филиал)
Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского
(Балашов, Российская Федерация)

РОКОВОЙ РАСКОЛ: ПРАВЫЕ И ЛЕВЫЕ ЭСЕРЫ В 1917 ГОДУ

Аннотация. В тексте речь идет о причинах и последствиях раскола партии социалистов-революционеров и образования самостоятельной партии левых социалистов-революционеров в ноябре-декабре 1917 г. Раскол сильно ослабил партию и способствовал ее дальнейшему уходу с политической сцены России.

Ключевые слова: политические партии, революция, большевики, эсеры, политический раскол.

Nazarov V.
Balashov Institute (branch)
Saratov State National Research
University named after N. G. Chernyshevsky
(Balashov, Russia)

THE FATEFUL SPLIT: RIGHT AND LEFT SOCIALISTS-REVOLUTIONARIES IN 1917

Abstract. In the text deals with the causes and consequences of the split of the party of socialists-revolutionaries and the formation of an independent party of left socialist-revolutionaries in November-December 1917 the Split has severely weakened the party and contributed to its further departure from the political scene of Russia.

Key words: political parties, revolution, bolsheviks, social-revolutionaries, a political split.

События 1917 г. на несколько десятилетий предопределили последующее развитие нашей страны. Произошел слом политической системы, социальных отношений, началось формирование новой системы ценностей. Немалую роль в этом сыграла партия социалистов-революционеров, для которой революционные события стали испытанием на прочность.

Февральская революция очень сильно увеличила политический вес эсеров. За короткий промежуток времени они превратились в самую массовую

политическую партию страны, ее представители стали частью политической элиты. Но, к сожалению, количество не всегда переходит в качество. Получило развитие явление известное как «мартовские эсеры», когда в партию вступило большое количество людей с весьма поверхностными представлениями о ее идеологии и программе. Некоторые из них рассматривали членство в партии социалистов-революционеров как трамплин для дальнейшей политической карьеры. Недостаток идейного и тактического единства, разногласия по ряду организационных моментов не способствовали сплочению партии [7, с. 203].

Окончательное оформление партии социалистов-революционеров завершилось на Третьем съезде 25 мая – 4 июня 1917 г., проходившем в Москве. Был избран ЦК, выработана официальная позиция партии по отношению к Временному правительству, войне и миру, аграрному, рабочему и другим вопросам. По сути это был компромисс между различными течениями внутри партии [6, с. 140–595].

Борьба между правым и левым флангом эсеров, компромиссы между ними во многом определяют содержание деятельности социалистов-революционеров в 1917 г. Центристы определяли официальный курс партии, но и среди них тоже не было единства. Наиболее последовательную политику проводил секретарь ЦК В.М. Зензинов. Лидер и ведущий идеолог партии В.М. Чернов, при всей своей дипломатичности, нередко скатывался на позиции левоцентризма. Такие влиятельные члены ЦК, как А.Р. Гоц и Н.Д. Авксентьев, были правоцентристами. Лидерами правого крыла в партии были А.А. Аргунов, Е.К. Брешко-Брешковская, А.Ф. Керенский, Б.В. Савинков. Их позиция находила отражение в газете «Воля народа». Левое крыло партии было представлено М.А. Натансоном, Б.Д. Камковым, М.А. Спиридоновой. Их трибуной были газеты «Земля и воля» и «Знамя труда» [4, с. 67–68].

Основную часть делегатов съезда представляли члены левоэсеровской фракции ВЦИК и делегаты Чрезвычайного крестьянского съезда. Заметную роль играли участники конференции военных организаций левых эсеров. Остро ощущалась нехватка времени, борьба за власть на местах, неопределенность

позиции многих комитетов ПСР. Отсутствовал единый центр, способный объединить новую партию. Вновь образованной партии приходилось решать множество важнейших вопросов, в том числе принятие Организационного устава. В условиях политических разногласий, отсутствия тесной и постоянной связи между центральными и местными партийными организациями большое значение приобретала роль и личные качества руководства. В ПЛСР, как и в целом в ПСР, сохранялся феномен «коллективного лидерства». В качестве таких лидеров выступали П. Прошьян, А. Биценко, И. Каховская и М. Спиридонова [7, с. 367].

Серьезные разногласия внутри партии социалистов-революционеров, положившие начало расколу, возникли за несколько лет до появления ПЛСР, в связи с событиями Первой мировой войны. Эсеры не смогли выработать общую платформу по отношению к войне, разделившись на «интернационалистов» во главе с М.А. Натансоном и В.М. Черновым, и «оборонцев» с лидерами Н.Д. Авксентьевым, А.А. Аргуновым и И.И. Фондаминским.

В.М. Чернов, рассматривая войну как столкновение двух империалистических блоков, выход из нее видел в объединении социалистов всех стран в единую силу, которая заставила бы правительства воюющих держав прекратить боевые действия и заключить справедливый мир без аннексий и контрибуций.

Оборонцы придерживались мнения, что мир может быть достигнут только благодаря победе Антанты над германским милитаризмом. Сам же факт участия России в войне в союзе со странами западной демократии рассматривался как гарантия ее демократизации после победоносного завершения войны.

«Интернационалисты» раньше «оборонцев» начали пропаганду своих взглядов на страницах газет «Мысль» и «Жизнь». В.М. Чернов и М.А. Натансон участвовали в международных конференциях социалистов-интернационалистов – Циммервальдской (сентябрь 1915 г.) и Кинтальской (апрель 1916 г.). Однако под манифестом первой конференции поставил свою

подпись только М.А. Натансон. В.М. Чернов отказался подписать этот документ из-за того, что были отклонены предложенные им поправки. Эсеры-оборонцы издавали свои газеты «За рубежом» и «Новости» [7, с. 200–201].

Новым явлением в освободительном движении России стал блок эсеров-оборонцев с оборонцами-социал-демократами. Одновременно с Циммервальдской конференцией в Женеве состоялось их совместное совещание, принявшее «Манифест», суть которого выражалась в том, что к свободе «нельзя прийти иначе, как, идя по пути национальной самообороны» [2, с. 41–68]. Оборонцы также заявили, что победа Германии превратит Россию в колонию, затруднит ее политическое и экономическое развитие, рост социалистического сознания трудящихся, и таким образом перспектива свержения царизма отодвинется на неопределенный срок. Поражение в войне нежелательно еще и потому, что оно тяжелее всего скажется на положении трудящихся, так как необходимость уплаты контрибуции усилит налоговый гнет. В итоге делался вывод, что жизненные интересы народа требуют от социалистов деятельного участия в сохранении независимости страны. Оборонцы вместе с тем заверяли, что их позиция не означает внутреннего мира, полного примирения на время войны с правительством и буржуазией. Не исключался при этом вариант, что условием победы станет необходимость свержения самодержавия, одновременно подчеркивалось, что не следует чрезмерно поддаваться благородному чувству негодования против угнетателей, постоянно помнить, что всякие революционные выступления в тылу армии равносильны измене. Лучшим приложением сил для социалиста признавалось его активное участие во всех общественных организациях, работающих на нужды войны: военно-промышленных комитетах, земских и городских учреждениях, кооперации и т.п. Чем прочнее социалисты утвердятся в таких организациях, говорилось в «Манифесте», тем легче им будет вести борьбу за избавление России от ее внутреннего врага. Сторонники «Манифеста» в России призывались к сближению между собой «для дружного служения народу в час переживаемой им смертельной опасности». Оборонческий блок эсеров и

социал-демократов пропагандировал свои идеи на страницах еженедельной газеты «Призыв», издававшейся в Париже с октября 1915 г. по март 1917 г.

Разногласия между эсерами возникли также из-за различных оценок характера и последствий революционных событий 1917 г. и роли партии в них. Правые эсеры считали, что социалистическое переустройство общества еще слишком преждевременно. Задача революции, по их мнению, заключалась, в первую очередь, в демократизации политической системы, в развитии различных форм собственности. Правые эсеры обобществление основных отраслей промышленного производства воспринимали как утопию, как попытку обойти естественные законы экономического развития. Они считали, что бороться нужно не с капитализмом как таковым, а с наиболее негативными его проявлениями, характерными для России. Правые эсеры выступали за союз с кадетами, за создание коалиционного правительства, что, по их мнению, позволило бы преодолеть экономическую разруху, избежать гражданской войны и организовать эффективную работу Учредительного собрания [7, с. 204]. Правые эсеры негативно относились к большевикам, выступали против курса на социалистическую революцию и перехода власти к советам. В вопросе о войне и мире они занимали оборонческую позицию. Правые эсеры были против сепаратного мира с Германией, выступали за войну до победного конца в союзе с Антантой. Своей целью они ставили достижение справедливого мира, спасение молодой российской демократии.

Левые эсеры придерживались иных взглядов. По их мнению, только мировая революция могла привести Россию к социализму. Они выступали против коалиции с кадетами, за однородное социалистическое правительство. Левые эсеры считали, что всю помещичью землю необходимо передать в распоряжение земельных комитетов до окончательного решения этого вопроса Учредительным собранием. Они полагали, что после свержения самодержавия сохранился империалистический характер войны, покончить с которой сможет только мировая революция. С исчезновением буржуазного общества, по их мнению, должны прекратиться империалистические войны [5, с. 9].

Усиление левацких настроений в партии эсеров сближало их с большевиками. Сотрудничество между партиями осуществлялось в Демократическом совещании, Предпарламенте, Военно-революционных комитетах. Фракция ПЛСР на II Всероссийском съезде Советов была организована спонтанно, в спешке.

Они оказались в двойственной ситуации. С одной стороны, левые эсеры опасались попасть в полную зависимость от большевиков, с другой призывали к созданию правительства, состоящего из представителей всех социалистических партий. Левые эсеры приняли участие во ВЦИК, возглавив несколько отделов, и поддержали программу большевистского Совета народных комиссаров (СНК) по вопросам мира, земли, рабочего контроля.

Следует отметить, что большевики пошли на частичные уступки левым эсерам: был принят закон о социализации земли, в основу которого была положена эсеровская аграрная программа. В состав советского правительства вошли в качестве наркомов несколько левых эсеров: имуществ Российской республики (В.А. Карелин), земледелия (А.Л. Колегаев), почт и телеграфа (П.П. Прошьян), местного самоуправления (В.Е. Трутовский), юстиции (И.З. Штейнберг); В.А. Алгасов и А.И. Бриллиантов получили статус «наркомов без портфеля», но с правом решающего голоса на заседаниях СНК. Многие из левоэсеровских наркомов являлись высококвалифицированными специалистами в своей сфере [7, с. 369].

Относительно мирное сотрудничество двух революционных партий продолжалось до левоэсеровского мятежа 6 июля 1918 г. В дальнейшем накопившиеся противоречия и стремление большевиков к неограниченной власти привели к вытеснению левых эсеров из государственных органов и местного самоуправления, а позднее и к открытой борьбе с ними.

Таким образом, раскол партии социалистов-революционеров на правое и левое крыло явился результатом изначальной неопределенности политической платформы партии. В этой связи тактическая близость правого крыла эсеров к меньшевикам и левого – к большевикам была не случайностью, а следствием

противоречивости теоретических установок партии. Раскол ПСР ускорил ее уход с исторической сцены и лишил возможности стать альтернативой большевикам.

Список литературы:

1. Гинев, В. Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г.: К истории банкротства неонародничества – Ленинград, 1977.
2. Леонтьев, Я. В. «Скифы» русской революции: партия левых эсеров и ее литературные попутчики. – М., 2007.
3. Литвин, А. Л. Левые эсеры: программа и тактика: (некоторые вопросы).– Казань, 1992.
4. Овруцкий Л.,Разгон А. Пасынки революции // Родина. – 1990. – № 3. – С. 67–73.
5. Партия левых социалистов-революционеров: документы и материалы, 1917–1925 гг.: в 3 т. Политические партии России. Конец XIX–первая треть XX века : документальное наследие.Т. 1: Июль 1917 г.– май 1918 г.– М.: РОССПЭН, 2000.
6. Партия социалистов-революционеров: документы и материалы, 1900-1922 гг.: в 3 т. Политические партии России. Конец XIX - первая треть XX века. Документальное наследие. Т. 3, ч. 1: Февраль-октябрь 1917 г. – М., 2001.
7. Политические партии России: история и современность– М., 2000.

Гижов В.А.

Поздникин А.А.

Саратовский государственный
аграрный университет им. Н.И. Вавилова
(Саратов, Российская Федерация)

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ КИНЕМАТОГРАФ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. Авторы рассматривают развитие отечественного киноискусства в первые годы советской власти. В работе нашли отражения разнообразные сюжеты темы: первые попытки новой власти поставить под контроль кино, использование кинематографа как средства агитации и пропаганды, первые съемки-хроники и т.д. Делается вывод о том, что в рамках данного хронологического периода было только положено начало политики подчинения сферы кино государству.

Ключевые слова: кинематограф, советская власть, национализация, хроника, цензура.

Gizhov V.

Pozdnikin A.

Saratov state agrarian University
named after N. Vavilov
(Saratov, Russia)

DOMESTIC CINEMA IN THE EARLY YEARS OF SOVIET POWER

Abstract. The authors consider discusses the development of Russian cinema in the first years of Soviet power. In this work reflected a variety of stories topic: the first attempts of the new government to control the cinema, using cinema as a means of agitation and propaganda, the first shooting Chronicles, etc. it. It is concluded that in the framework of this chronological period was only the beginning of a policy of subordination of the film industry to the state.

Key words: the cinema, the Soviet government, the chronicle, nationalization, censorship.

Революция 1917 г. привела к коренным изменениям всех сторон жизни общества. Большевики уделяли большое внимание вопросам культуры не только как средству пропаганды и агитации, но и как способу эмоционально-психологического воздействия на общество [7]. Не стал исключением и такой жанр культуры, как кино. В данной статье, авторы, попытаются

сконцентрировать свое внимание на развитие отечественного кинематографа в первые годы советской власти.

Кинематограф как одно из направлений культуры стал формироваться в России с конца XIX в. и стремительно набрал популярность среди населения. К началу XX в. в кино переплелись элементы экономического, правового, культурно-досугового, общественного явлений. Еще до 1917 г. киноэкран начинает попадать под законодательство, как объект хозяйственной деятельности. Все участники кинопроцесса вынуждены были считаться с нормативными актами, регулирующими коммерческую деятельность, вопросы пожарной безопасности, аренды помещений и т.д. [1, с. 323].

С точки зрения восприятия обществом кинематографа, как вида досуга, кино, в отличие от театра рассматривается, как развлечение, зачастую далекое от высоких эстетических образцов. Этому есть объяснение, учитывая огромное количество неграмотных людей в России. Кино для подавляющего большинства россиян становилось одной из возможностей получения информации, знакомства через «картинку» с лучшими образцами русской литературы.

В конце 1917– начале 1918 гг. в прокате по-прежнему демонстрировались фильмы дореволюционного периода, без налета какой-либо идеологии. Названия их показательны: «В ее красе был яд», «Ее влекло бушующее море», «Люди знойных страстей», «Распятая любовь». [3, с. 49].

В первые месяцы после прихода к власти кинематограф эпизодически попадал в поле зрения большевиков. Главным образом, это были съемки с целью запечатлеть «яркие моменты революции», различных деятелей большевистской партии. Роль организатора выпуска подобной кинопродукции взял на себя Скобелевский комитет, работники которого имели опыт производства фильмов агитационного характера и военной хроники первой мировой войны. К работе комитета были привлечены видные театральные деятели того времени: А. Бенуа, Н. Евреинов, В. Мейерхольд, В. Юренева и др. В издательском отделе работали писатели Е. Зозуля, М. Кольцов [2].

Комитет выпустил постановочно-агитационная лента «К народной власти», где разъяснялся механизм проведения выборов в Учредительное собрание, что делало картину наглядной инструкцией для избирателя. Также работниками комитета было отснято несколько хроникальных фильмов, посвященных созыву и роспуску Учредительного собрания.

В отрывке фильма «К открытию и роспуску Учредительного собрания» нашла отражение организованная меньшевиками и эсерами манифестация в поддержку Учредительного собрания. О политической направленности картины, классовом составе манифестантов, их поведении и свидетельствуют надписи на транспарантах, которые несли участники манифестации, их одежда. Большую часть участников составляют зажиточные слои городского населения и офицерства. Надписи на транспарантах содержат ярко выраженный меньшевистский и эсеровский характер с требованием поддержки Учредительного собрания, передачи ему власти и т.п. [2].

Фильм был подвергнут критике со стороны революционно настроенной публики. Аудитория особенно отрицательно отнеслась к кинокадрам, где с антисоветских позиций трактовались события времени. Так, показанная в январе 1918 г. в кинотеатре «Форум» хроника «К открытию и роспуску Учредительного собрания» вызвала, по отзывам очевидцев, грандиозный скандал, закончившийся дракой [2]. Многие кинотеатры из-за возможных беспорядков отказались демонстрировать эту картину широкой публике.

В конце ноября – начале декабря 1917 г. на основе кадров хроникальных съемок Октябрьской революции в Петрограде, Гатчине и Москве, снятых операторами Скобелевского комитета, Г.М. Болтянский смонтировал фильм «Октябрьский переворот. Вторая революция», явившийся, по сути дела, первым советским кинодокументом, отразившим события Октябрьской революции. Фильм полностью не сохранился, только в виде небольших отрывков.

Из сохранившихся петроградских киносъемок наибольший интерес для историков представляют кинокадры, запечатлевшие панораму Дворцовой площади до и после Октябрьского восстания, вид следов обстрела Зимнего

дворца, разрушений Владимирского юнкерского училища. Особое значение имеют кинодокументы, зафиксировавшие штаб революции Смольный (красногвардейцы на ступеньках, проверка пропусков) броневик «Лейтенант Шмидт», орудия, проходы красногвардейцев и солдат и др. [2].

В конце ноября 1917 г. в Петрограде был создан киноотдел во главе с Н.К. Крупской, а затем и комиссия по проверке характера деятельности и личного состава кинопредприятий. Но это принципиально не изменило ситуацию на тот момент – судьбой производства и прокатом картин распоряжались, в основном, частные предприниматели или их объединения. Попытка создания государственного кинематографа, стремившегося подчинить себе кинопроцесс путем реквизиций частных киноателье и электротeatров будет продолжаться и в 1920-е гг.

В начале марта 1918 г. проходила эвакуация имущества Петроградского отделения Скобелевского комитета в Москву. 19 марта 1918 г. на заседании Государственной комиссии по просвещению, проходившем под председательством Н.К. Крупской, было принято решение о передаче его Народному комиссариату просвещения (НКП) и о национализации киноотдела Скобелевского комитета [3, с. 49].

А.В. Луначарский в своих выступлениях того времени говорил, что у власти нет задачи национализировать киносферу, но как оказалось впоследствии, первый нарком просвещения РСФСР все же лукавил.

25 апреля 1918 г. появляется постановление о фактическом запрете киносъемок без разрешения Моссовета. В июне вводится жесткая предварительная цензура кинопродукции. Отныне авторы и режиссеры были обязаны предоставлять развернутое обоснование полезности их будущей картины. Осенью при Кинокомитете Наркомпроса образовывается постоянная цензурная коллегия. Цензурировали не только новую продукцию, но и ленты так называемого повторного показа, в которых искали антихудожественные, контрреволюционные элементы [4, с. 49]. Однако киноцензура первых лет советской власти не отличалась последовательностью и системностью. Многие,

попросту оказалось, вне поля зрения немногочисленных цензоров. Так, например, по данным Ф.И. Раззакова, из 150 фильмов, выпущенных частными фирмами в 1918 г., не оказалось ни одного, в котором упоминался октябрьский переворот 1917 г. На кинофабрике «Русь» в 1919 г. был экранизирован даже роман эмигранта Д. Мережковского «Петр и Алексей», в котором петровские реформы были изображены в целом «противными» богу, как и Октябрьская революция. [4, с. 7].

Зимой 1919 г. государственные меры в области кино сделало заметный шаг вперед. Местные кинокомитеты (Московский, Петроградский), уже ранее подчиненные Наркомпросу, до сих пор оспаривали друг у друга роль единого всероссийского центра. Отныне, с февраля 1919 года, кинематограф обретает единый для всей Советской России центр — Фото-Кино Отдел Наркомпроса в Москве, позднее получивший название Всероссийского (ВФКО) [1, с. 326].

После введения идеологической цензуры начался отток частных киноателье, главным образом в Крым, Одессу, Кавказ. Вместе с известными деятелями дореволюционного кино, такими как А. Ханжонков, И. Ермольев, А. Дранков, С. Френкель, И. Козловский, С. Юрьев вывозилось все кинооборудование и киноплёнка. В условиях, охватившей всю страну, гражданской войны, пресечь эти процессы оказалось проблематичным [3, с. 50].

Помимо запретительных и цензурных мероприятий советские кинокомитеты пытались организовать съемки собственных фильмов. Так, например, в мае 1918 г. были продемонстрированы две документально-хроникальные киноленты – «Пролетарский праздник в Москве», «Разоружение московских анархистов» [3, с. 49], первый фильм для детей «Сигнал» [5], первый советский художественный фильм «Уплотнение» (был снят по сценарию А.В. Луначарского) [6].

С мая 1918 г. Московский кинокомитет начал выпускать экранный журнал «Кинонеделя», выходивший чуть меньше года и не претендовал на киноноваторство и «гонку за сенсациями», по причине естественного отставания от газетных средств массовой информации того времени.

Киножурнал в сопровождении информационных титров демонстрировал официальные съемки высших органов власти, эпизоды гражданской войны, митинги и демонстрации. Считается, что «Кино-неделя» являлась адаптацией известных французских киножурналов «Гомон» и «Патэ», только на русском языке и материале.

Аналогичные задачи выполнял питерский экранный журнал «Хроника», который выпускался под руководством известного кинодеятеля Г.М. Болтянского [1, с. 325]. Многие из киноматериалов журнала, к сожалению, утрачено. Коллективу журнала были созданы необходимые условия: предоставлено отдельное помещение, кинотехника, разрешение на съемку в любых точках города и т.д. Задачей коллектива являлось показ официальных мероприятий в городе, быта Петрограда, съемка военных действий и т.д.

Еще одним киножурналом, недолго выходившим в 1919 г. был «Живой журнал» в Киеве. Он выходил всего несколько месяцев 1919 года и прекратил свое существование после занятия города войсками А.И. Деникина. Ни один сюжет «Живого журнала» не сохранился, но скорее всего это были типичные хроники того времени, по аналогии с московским и питерским киножурналами.

Распространенной формой развития кинематографа в тот период стали инструкторско-агитационные поезда и пароходы ВЦИК. Маршруты этих поездов и пароходов проходили, главным образом, по вновь отвоеванным территориям, где происходило становление советской власти. В годы гражданской войны в составе этих агитбригад ездили известные деятели кинематографа дореволюционной России: Э.К. Тиссэ, А.Г. Лемберг, Д.А. Вертов, П.В. Ермолов, С.П. Забазлаев, А.А. Левицкий и др. За два года деятельности подобного агиттранспорта было показано около 2 тысячи фильмов агитационного, пропагандистского характера. [3, с. 51].

Уже в 1919 г. основой кинорепертуара стал цикл фильмов-агиток, заказанный в ВФКО частным фирмам к первой годовщине создания Красной Армии. В этой акции участвовали фирмы Ханжонкова, Ермольева, «Нептун», «Русь» и др. Каждый фильм был иллюстрацией к какому-нибудь советскому

лозунгу; вряд ли эти ленты можно считать существенными шагами в становлении экранного искусства. Но они все же явились заметными для своего времени вехами творчества таких мастеров как И. Перестиани, А. Разумный, В. Гардин, З. Баранцевич, Н. Туркин, Ч. Сабинский, Г. Хмара, Л. Кулешов, Ю. Желябужский и др. [1, с. 327].

27 августа 1919 г. был подписан декрет о национализации кинематографа. Однако, в условиях продолжавшейся гражданской войны, говорить, о том, что государство этим законодательным актом полностью поставило под контроль сферу киноискусства было бы явным преувеличением. Большие территории находились под контролем белогвардейцев. К тому же существовали и более приоритетные задачи, на решение которых были брошены все силы и ресурсы большевиков и их сторонников.

Кинематограф первых лет советской власти – это первые попытки новой власти поставить под контроль сферу киноискусства, использование его в качестве идеологической и пропагандистской составляющей, введение первой киноцензуры, существование множества кустарных киноателье с неопределенным статусом, проблема с производством необходимых компонентов для киносъемок и отсюда нехватка пленки, оптики, киноаппаратов.

Дальнейшее развитие кинематографа приходится уже на 1920-е гг., когда советская власть будет проводить системную и последовательную политику, которая приведет к полному контролю государства над сферой кинематографа.

Список литературы:

1. Евтушенко А.М. «Великий немой» на советской почве. Первые шаги государственного кино в большевистской России 1917-1921 гг. // Векторы науки Тольяттинского государственного университета. – 2013. – № 3. – С.323–328.

2. Магидов В.М. Источники о деятельности Скобелевского комитета и его роли в отечественном кинопроцессе накануне и в ходе первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций 1917 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vestarchive.ru/2013-1/2586-istochniki-o-deiatelnosti-skobelevskogo-komiteta-i-ego-roli-v-otechestvennom-kinoprocesse-nakanyne-i.pdf>

3. Пархоменко Я.А. Советская власть и кино (1917-1919) // Гуманитарные науки в Сибири.- 2009.- № 2.- С. 48-52.
4. Раззаков Ф. И. Гибель советского кино Интриги и споры. 1918-1972. – М., 2008.- 704с.
5. Рождение фильма для детей. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.http://pandia.ru/text/77/287/40930.php>
6. Уплотнение. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Уплотнение_\(фильм\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Уплотнение_(фильм))
7. Шалаева Н.В., Зорина М.А. Советский кинематограф как носитель пролетарской идеологии в 1920-е гг. // Кубанские исторические чтения Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. – Краснодар, 2012. – С. 231–238.

Армен А. С.
Донецкий национальный
технический университет
(Донецк, ДНР)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ ХАРАКТЕРА И СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ В РЕВОЛЮЦИОННУЮ ЭПОХУ

Аннотация. Прослежена трансформация традиционного образа русской женщины в контексте социальных, культурных, политических преобразований 1917 года. Проанализированы черты и характеристики, приобретенные женщиной вследствие крушения ценностей патриархальной семьи, новой половой морали, в контексте становления советского государства.

Ключевые слова: женщина, женская ипостась, трансформация, русская культура, революция.

Armen A.
Donetsk National Technical University
(Donetsk, DPR)

THE PERCEPTION'S TRANSFORMATION OF THE CHARACTER AND THE SOCIAL STATUS OF THE RUSSIAN WOMAN IN THE REVOLUTIONARY PERIOD

Abstract. The paper is devoted for transformation of the traditional image of a Russian woman in the context of social, cultural, political reformations of 1917. The features and characteristics acquired by a woman due to the collapse of the values of the traditional family, new sexual morality, in the context of the formation of the Soviet state are analyzed.

Key words: woman, female hypostasis, transformation, Russian culture, revolution.

Революционные события в России в 1917–1918 гг. являются, безусловно, судьбоносными для отечественной истории, так как они детерминировали многие явления и процессы, свойственные российскому обществу сегодня. Исследователи политических, экономических, социальных последствий революции и гражданской войны в России указывают на ее неизбежность и закономерность. Однако, все указывают на масштабность кризиса духовного, трагичность трансформации общественного сознания, называя революцию отправной точкой национальной трагедии, возникновения ценностного вакуума

и нравственного упадка. В частности, мы связываем это сексуальной революцией «по-русски» в 20-х гг. XX в., крушением традиционного института семьи и ошеломляющей по своей скорости и глубине женской эмансипации, достаточно радикальной и нехарактерной для русской православной культуры. Таким образом, данная работа призвана акцентировать внимание на духовных последствиях революционных событий в России, социокультурном климате, которые предопределили и обусловили трансформацию традиционного женского образа в культуре как воплощения спасительного светлого и созидательного начала.

Понятие «русский» и «православный» на Руси до XX в. были неразделимы и означали принадлежность к русской православной культуре. Православие как духовная основа русской культуры, духовно-нравственный стержень общества, выступает значимым регулятором взаимоотношений людей в семье, на производстве и определяет отношение к государству, людям, природе и т.д. И хотя помимо религиозного фактора, на формирование ментальности русского народа достаточно сильное влияние оказывал фактор геополитический, среди основных характеристик носителя русской культуры в научной литературе чаще всего выделяют традиционные христианские добродетели: высокую нравственность и ревностное отношение к правде и справедливости, нестяжательство, так называемую, душевность, терпимость, смирение и жертвенность [11, с. 136].

На русской почве добродетели долготерпения и смирения приобрели особые черты, прежде всего в характере женщины, т. к. терпение и смирение воспринимались как однонаправленные, ориентированные на подчинение всякой «власти», будь то государственная или семейная в лице мужа – главы семьи. Таким образом, безропотное подчинение всякой «власти», в данном случае мужу; добровольно принимаемое на себя незаслуженное страдание – физическое или моральное; готовность «пострадать» – все это воспринималось как единственно верный и правильный способ жизни женщины.

Канонизированная русской православной церковью в 2000 г. вместе со своей семьей в лике страстотерпцев царица Александра Федоровна писала в своем дневнике: *«Женщина должна быть великодушной и добросердечной. Женщина, чье сердце не трогает вид горя, которая не стремится помочь, когда это в ее силах, лишена одного из главных женских качеств, которые составляют основу женского естества»* [1]. Отметим, что чин страстотерпцев на Руси прилагается к тем, кто принял мученическую кончину от своих близких и единоверцев – в силу их злобы, корыстолюбия, коварства, заговора. Так, царственная страстотерпица предстает идеалом смирения, беззлобия, будто воплощая дух добровольного страдания.

В течение достаточно длительного периода истории, на Руси за женщиной закреплялся определенный стереотип поведения и мышления, предполагающий в качестве стержня вышеупомянутые черты. Этот факт также находит свое отражение в таком известном литературном памятнике как «Домострой». *«Жена добрая, трудолюбивая, молчаливая – венец своему мужу»*, – говорится в постулате «Похвала мужьям» – *«...повиноваться своему мужу, как раб повинуетя господину»* [9, с.47].

Вместе с тем, уже в XIX в. в русской философской мысли звучит тезис о сотериологической миссии женщины. Качества, которые были раскрыты в образе русской женщины, устойчиво маркируются как феминные и атрибутируются России, становятся основой национального самосознания, включаясь в русскую идею. Русский мессианизм оказывается связанным с феминными ценностями, а женщина объявляется спасительницей России. XIX в. – это время создания мифа о русской женщине, занявшего исключительно важное место в национальной идентичности русских: *«... и если мы, русские, чем и можем хвалиться в нашей убогой жизненной среде, то только образом русской женщины <...> Нигде никогда не бывало, да нигде и не может быть женского образа чище, проще, задушевнее, величавее и прекраснее»* [2, с. 71].

Тенденции интеллектуального и психологического раскрепощения женщин, безусловно, имели место в истории и культуре российского государства. Однако, это были героические образы и судьбы, субъективность которых была обусловлена все тем же специфическим «женским» набором качеств, проявлявшихся во времена социальных потрясений, войн, исторических событий.

Формирование нового образа женщины, обретение ею радикально иных характеристик и потенций, безусловно, предопределили революционные события в России 1917–1918 гг. и сформировавшийся в последствие социально-политический климат.

Безусловно, процесс женской эмансипации, становление женщиной субъектом экономической, политической, культурно-исторической деятельности есть естественное мерило степени развития социума. Однако, революция, (многими философами воспринимавшаяся как проявление женской ипостаси: баба вздорная, крикливая, глупая) принесла новые вызовы и риски молодому пролетарскому обществу. Трансформации подверглись традиционные ориентиры и стереотипы взаимоотношения полов, «новая» половая мораль спровоцировала крушение традиционного института семьи и брака, изменение женского образа как такового. Очевидно, что в постреволюционных реалиях претерпел существенные изменения тот набор личностных качеств, наличие которых позволяли исследователям различных эпох говорить о том, что именно женское начало является духовным столпом российского государства.

Подобное «обновление» проистекало из так называемой «теории стакана воды» – широко распространенному взгляду на любовь, брак и семью в первые годы советской власти, важному инструменту революционной пропаганды. Согласно ей сексуальные взаимоотношения уподоблялись любой другой физиологической потребности, к примеру, утолению жажды.

На протяжении всего постреволюционного периода большевики гарантировали широкое и свободное обсуждение сексуальности – это было

радикальным новшеством. Александра Коллонтай защищала радикальные перемены. «Старая семья, в которой мужчина был всем, а женщина ничем, типичная семья, в которой женщина не имела ни своей воли, ни личного времени, ни собственных денег, меняется прямо на наших глазах» [5, с. 127]. Ей вторил Л.Д. Троцкий: «Революция сделала героическую попытку разрушить так называемый «семейный очаг», т.е. то архаическое, затхлое и косное учреждение, в котором женщина трудящихся классов отбывает каторжные работы с детских лет и до смерти. Полное поглощение хозяйственных функций семьи учреждениями социалистического общества, связывающего солидарностью и взаимной заботой все поколения, должно было принести женщин, и тем самым – любящей чете, действительное освобождение от тысячелетних оков» [8, с. 209]. Происходило поглощение функций семьи учреждениями социалистического общества в извращенной форме: создавались квазисемейные модели семьи, в первую очередь, общественные организации, на которые возлагалась задача воспитания «новых людей». Укрепление традиционных форм семейной организации (супружество, родительство) рассматривалось как консервация развития форм коллективности.

Сама идея сосредоточить воспитание новых поколений в руках государства не предполагала поддержания родительского авторитета, напротив, стремилась как можно больше отделить детей от семьи, чтобы оградить их от традиционного косного быта. Любопытно, что подобный механизм описывал в 20-х гг. XX в. в романе-антиутопии «Мы» Е. Замятин, где биологические родители были вынуждены разлучаться со своими детьми, которые по замыслу государства должны воспитываться в, так называемом, «детско-воспитательном заводе». Семьи не существует, проявление чувств преследуется, любовь и привязанность наказуемы, а людей отличают только «нумера», среди которых каждый «имеет право на каждого как на сексуальный продукт». Не таким ли образом и трактовалась новая половая мораль?

Сексуальные дебаты, исследования и эксперименты распространились по всей стране. Молодёжь, в особенности, стремилась исследовать свою

сексуальность: «Золушки исчезли. Наши девушки знают, чего они хотят от мужчин, без каких-либо волнений многие спят с мужчинами из-за здорового влечения. Мы не объекты или простутки, за которыми должны ухаживать мужчины, девушки знают, кого они выбирают и с кем спят» [6, с. 211]. Н.К. Крупская требовала предоставить женщинам возможность «отказаться от материнства с наименьшим ущербом для ее здоровья и душевных сил» [7, с. 20]. Примечательно, что это происходило в стране, в которой только 10 лет назад аборт, развод и сексуальные отношения были незаконными.

Так называемая «свободная любовь» оказалась колоссальным бедствием, а проще говоря – свободным развратом. Близкая смысловая категория, введенная в 1919 г. А.М. Коллонтай, половой коммунизм. Его раскрепощенная советская общественность также трактовала весьма вольно, беря во внимание лозунги подобного толка: «Жены! Дружите с возлюбленными своих мужей!», «Хорошая жена сама подбирает мужу возлюбленную, а муж рекомендует ей своих товарищей». Таким образом, уничтожая ненавистный дореволюционный патриархальный быт, новые идеалы взаимоотношения полов не могли быть достигнуты. Демографические последствия подобного разгула новой пролетарской морали – рост количества абортов, беспризорников, изнасилований, распространение венерических заболеваний. Очевидно, что говорить об идеалах и ценностях, цементирующих общество, каких-либо нравственных маяках не приходится. Ведь даже категория любви наделялась новыми смыслами, заменялась на товарищество, совместную борьбу за идеи коммунизма. Происходит банальное обесценивание чувств: привязанность, любовь, сострадание вытесняются из повседневной экзистенции как мужчин, так и женщин. Отсутствие обязательств как с одной, так и с другой стороны, особенности производства в постреволюционную эпоху нивелируют гендерные отличия. Эмансипация лишает женщину не только традиционного лика, она лишает ее какой бы то ни было идентичности. Так, образ полумужчины-полуженщины, навязанный, во многом, коммунистической идеологией, иронично обыгрывает М.А. Булгаков в повести «Собачье сердце». В диалоге

между представителями домоуправления и профессором-интеллигентом звучит вопрос последнего: «Вы, собственно, кто: мужчина или женщина?». Ответ был получен вполне в духе времени: «Какая разница?» О «стирании» граней между полами свидетельствовала, в частности, такая, казалось бы, мелочь, как форма обращения к другому. Нормой языка стало обращение «товарищ». Оно не предполагало различий по признаку пола, как не предполагал их и сам жизненный уклад.

Следует отметить, что уже в конце 20-х гг. XX в. «теория стакана воды» подвергается критике со стороны советской власти. Идеал советской женщины, сложившийся в 1930-е гг., существенно отходит от модели, сложившейся в «теории стакана воды». Имели место и попытки реформировать, упорядочить интимную сферу советских людей, усмирить волну сексуальной свободы на законодательном уровне. Однако даже в работе А.Б. Залкинда «12 половых заповедей революционного пролетариата» транслировался образ лишенный традиционных феминных характеристик: «Бессильная же хрупкость женщины... вообще ни к чему: экономически и политически, т.е. и физиологически, женщина современного пролетариата должна приближаться и все более приближаться к мужчине... "Женственность", являющаяся порождением тысячелетнего рабского положения женщины... в минимальной степени соответствует надобностям революции и революционного полового подбора» [3,с.250].

Однако, на смену разрушительному стихийному революционному началу пришел созидательный компонент – построение коммунизма, сопровождающееся интенсивной индустриализацией в масштабах всей страны. Так, задачи созидания требовали и нового идеала женщины – работницы, общественницы, матери. Образ пламенной революционерки в кожаной куртке и красной косынке вытесняет физически выносливая, здоровая (по-прежнему, асексуальная) труженица, героиня скульптур В.И. Мухиной, поэзии М.А. Светлова, полотен А.Н. Самохвалова.

Советская женщина должна была теперь сочетать трудовые обязанности как в семье, так и во внешней сфере. Однако, в первую очередь, «раскрепощенная советская женщина» призвана была строить социализм, а посему, идеология предписывала ей ведущую роль на производстве и в партии, а никак не в семье. Материнство и семья становятся лишь дополнительной сферой самореализации для женщины, исключая из ее образа такие традиционные черты как мягкость, жертвенность, сострадание, любовь и верность долгу. Последние две характеристики могли быть направлены лишь на Родину, партию, советскую власть, что демонстрируют строки песен советских авторов: *«Забота у нас простая, забота наша такая, жила бы страна родная, и нет других забот...»*; *«Сегодня не личное главное, а сводки рабочего дня...»*.

Очевидно, что идеал того времени – это прежде всего работница, призванная жертвовать своей личной жизнью и женским естеством ради создания нового общества. Основной женской ценностью на протяжении многих десятилетий была возможность побеждать в социалистических соревнованиях, быть ударником коммунистического труда. Приближая светлое будущее для своих детей, она приобретает традиционно маскулинные черты: гиперактивность, агрессивность, бескомпромиссность и жесткость.

Такой тип женщины мы встречаем в повести Б.Л. Васильева «Завтра была война» – нестигаемая женщина-комиссар, мать Искры Поляковой, которой неведомы ни любовь, ни сострадание, только гражданский долг.

Естественно, что с течением и изменением времени ценностные ориентации не могут сохранить свою устойчивость. В ходе социального переустройства общества стереотипы и ориентации женского поведения претерпевают изменения, преобразуются и оценки реальности, восприятия окружающего, что ведёт и к эволюции самой женщины. Именно на волне революционных преобразований и в долгие послевоенные годы женщина приобрела самостоятельность, способность влиять на общественные и политические процессы, обрела свою субъектность. Несмотря на очевидное

крушение традиционных духовных ценностей (женской специфической экзистенции, родительского авторитета, религиозности) российского общества, почти, 70-летний опыт активной профессиональной и общественной деятельности сформировал осознание и уверенность женской части населения своих потенций и уверенность в них. Нельзя утверждать, что щедрый на войны и потрясения XX в. исключает из системы ценностных женских ориентаций сострадание, смирение, мягкость. Но интенсификация социальных и культурных процессов, исторические и политические события, без сомнения, формируют специфическое уникальное пространство для зарождения, проявления и доминирования тех или иных качеств и характеристик.

Список литературы:

1. Александра Федоровна (жена Николая II). Викицитатник. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.wikiquote.org/wiki/>.
2. Бакунин, П. Запоздалый голос сороковых годов (По поводу женского вопроса). – СПб, 1881.
3. Залкинд, А. Двенадцать половых заповедей революционного пролетариата // Философия любви. В 2-х т. Т. 2. – М., 1990.
4. Кардапольцева В. Женские лики России. – Екатеринбург, 2000.
5. Коллонтай, А. Коммунизм и семья / Избранные речи и статьи. – М., 1972.
6. Котовская, М. Гендерные очерки: история, современность, факты. – М., 2004.
7. Крупская, Н. Война и деторождение // Коммунистка. – №1–2. – 1920. – С.17–20.
8. Пушкарева А., Пушкарев Н. Ранняя советская идеология 1918–1928 годов и «половой вопрос» (о попытках регулирования социальной политики в области сексуальности) // Советская социальная политики 1920-1930-х годов: идеология и повседневность: сборник статей. – М., 2007.
9. Сильвестр. Домострой. – М., 2014.
10. Рябов О. Русская философия женственности (XI–XX века). – Иваново, 1999.
11. Флоренский, П. История и философия искусства. Статьи и исследования по истории и философии, искусства и археологии –М., 2000.

**Волкова М.Б.
Ножкина И.А.
Шалаева С.С.**

Саратовский государственный
аграрный университет им. Н.И. Вавилова
(Саратов, Российская Федерация)

ВОСПРИЯТИЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В КОНТЕКСТЕ СТОЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ

Аннотация. Авторы рассматривают процесс радикализации оппозиции царскому режиму, даны современные трактовки событий октября 1917 года. Подчеркивается опасность современных форм радикализма, дестабилизирующих общественный порядок, достигнутый уровень общественного согласия, действующих в стране политических сил.

Ключевые слова: революция, радикальные силы, революционный процесс, массовое сознание, социальное согласие, национальное примирение.

**Volkova M.
Nozhkina I.A.
Shalaeva S.**

Saratov state agrarian University
named after N. Vavilov
(Saratov, Russia)

PERCEPTION OF THE OCTOBER REVOLUTION OF 1917 IN THE CONTEXT OF ITS CENTURY JUBILEE

Abstract. The authors consider the process of radicalization of the opposition to the tsarist regime, given modern interpretations of the events of October 1917. The danger of modern forms of radicalism destabilizing the social order, the reached level of public consent, the political forces operating in the country are underlined.

Key words: revolution, radical forces, the revolutionary process, mass consciousness, social harmony, national reconciliation

День Октябрьской революции 1917 г. – 7 ноября, ныне наделенный статусом памятной даты, в советский период истории нашей страны был чуть ли ни основным государственным праздником. К юбилеям Октября страна рапортовала об успехах, к этой дате приурочивался пуск социально значимых объектов. Ныне этой круглой дате уже не готовятся победные реляции. Однако юбилейный для революционных событий год вызывает желание оглянуться

назад с целью выявления не только причин радикализации напряжения в обществе, но и извлечения не утративших актуальности уроков.

На современном этапе в восприятии событий Октября 1917 г. обозначился уход от полярных его оценок. Большинство исследователей согласны в том, что эта революция стала значительным фактором в истории нашей страны и мира в целом [5, с. 72]. Революционный процесс затронул все стороны жизнедеятельности страны, стал своеобразным ответом на вызовы индустриальной модернизации [1, с. 57].

Расширению восприятия революционных изменений в стране способствуют современные их интерпретации. Так, в публикациях, анализирующих октябрьские события, обращается внимание на взаимосвязь первой Мировой войны и революции 1917 г. Предлагается период 1914–1920 гг. рассматривать как единый целостный процесс, в рамках которого армия стала весомым элементом в политической системе страны [5]. Именно отчуждение армии от царя предрешило судьбу страны. Считается, что на станции Дно упала не только корона империи, но была ликвидирована сама государственность, выступающая объединяющим началом для всего населения страны [4, с. 83].

Не успевал проявить свою общественную полезность и укрепляющийся в стране капиталистический уклад. В массовом сознании сохранялось восприятие буржуазии только как эксплуататора, а образ ее в качестве капитана индустрии не активировался, это предопределило судьбу русского капитализма [2, с. 141]. По мнению исследователей, «добывает» традиционные империи угасание теоцентрического сознания. Секуляризация, начавшаяся с XVIII в., постепенно лишала империю религиозного (идейного) стержня [7, с. 125].

Утрата консолидирующих общество скреп вызвала эффект Вавилонского столпотворения, когда активизировавшиеся в стране политические партии оказались не способными к совместной коммуникации, к сплочению в условиях кризисного развития страны. Февральская революция привела к власти силы, далекие от нужд большинства народа. Не решив всех животрепещущих

вопросов (земельного, национального, мира), данная революция продолжилась в более радикальной форме еще большей непримиримости с существующими реалиями того времени. Нарастание революционного протеста выступило своеобразным механизмом саморегуляции общества, в этом была объективная необходимость. Следовательно, Октябрьская революция становилась неизбежной, причем не только в силу экономических, социальных противоречивых отношений в обществе, но и психологических факторов, составляющих «горючую основу» революционного взрыва [3, с. 21]. Успешной революционной борьбе радикальных сил способствовало и то, что низы их поддерживавшие, будучи призванными на войну, были вооружены.

Октябрьская революция 1917 г. не смогла обеспечить социального согласия в российском обществе. Большевики, установив власть Советов, объединяющих рабоче-крестьянскую массу населения, не оставили шанса на существование других слоев. Компромисс вновь стал невозможным, достичь национального примирения не удалось, следствием чего стала братоубийственная Гражданская война. И только восстановление в иной форме централизованной государственности, веры в идеологической оболочке марксизма, позволило большевикам ускорить модернизационное движение к обществу индустриального типа.

Сегодня вновь высоко внимание к феномену радикализма, который на очередном витке отечественной истории привел к утрате советской власти и сформировавшейся в ее рамках государственности. Желание в очередной раз ускорить ход истории, без учета объективных возможностей страны реализовывать новый радикальный проект, не способствовало укреплению созидательного потенциала общества. Скачок к иной модели жизнедеятельности не привел к социальному прогрессу. Как отмечают исследователи, ныне нарастает спрос на реальные преобразования, а не на реформы «без логики и смысла» [6, с. 9]. Обострившиеся в ходе радикальных перемен социальные контрасты становятся неприемлемыми для большинства населения. На первый план вновь выходят проблемы социальной

справедливости причем не только в их правовой форме, но и этической. В условиях усложнения социальных взаимодействий важным становится снятие радикального напряжения в обществе, которое может пресечь шанс на эволюционное развитие страны, стать разрушительным для национальной государственности. Ныне усложняются социальные связи, расширяется в условиях плюрализма хождение различных идей и формируемых на их основе социальных практик. В таких условиях актуализируется значение культуры диалога, способствующей достижению общественного мира, согласия, преодолению конфликтных ситуаций и разногласий. Массовую поддержку нынешнего реформационного процесса может обеспечить его социальная направленность и социальная результативность.

На ход современной модернизации в России негативно воздействуют внешние риски. В условиях глобализации активнее проявляется тенденция к миру без границ, в контексте которой национальные государства выступают тормозящим фактором общемирового социально-экономического развития. Однако национальные государства не исчерпали пока своей цивилизационной объективной значимости в деле обеспечения интегрированности, консолидации и защиты населения, проживающего в его территориальных рамках. В этой связи празднование Дня национального единения выступает и формой осознания негативных последствий любых проявлений радикальных мер.

Список литературы:

1. Зарубина Н.Н. Историческая память как источник знаний о цивилизационной специфике России // *Общественные науки и современность*. – 2017. – № 2. – С. 52–63.

2. Ножкина И.А., Шалаева С.С. Современная историография о состоянии отечественного историописания в контексте развития советского общества 1920-1930-х годов // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. – 2014. – №6 –1(44). – С. 139–143.

3. Романченко В.Я. К вопросу о методологии исследования революционных процессов (на примере Великой русской революции) // *Современное гуманитарное знание: проблемы методологии и историографии*. Межвузовский сборник научных трудов. – Саратов, 2007.

4. Симуш П.И. Движитель всероссийский революции 1917-го: что он требует от нас сегодня? //Власть. – 2017. – № 5. – С. 83–90.

5. Фельдман М.А. В преддверии столетия Октябрьской революции. Некоторые итоги исторических исследований. //Общественные науки и современность. – 2017. – № 2. – С. 64–75.

6. Чернышов А.Г. Революция и государства в XXI веке: борьба за нравственный императив в политической и общественной жизни // Власть. – 2017. – № 2. – С. 6–15.

7. Яковенко И.Г. От империи к национальному государству. (Попытка концептуализации процесса) // Полис. – 1996. – № 6. – С. 117–128.

Булгаков С.В.

Саратовский государственный
аграрный университет им. Н.И. Вавилова
(Саратов, Российская Федерация)

**ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ
ГЛАЗАМИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ
(НА ПРИМЕРЕ СГАУ ИМ. Н.И. ВАВИЛОВА)**

Аннотация: Автор рассматривает отношение студенческой молодежи к гражданской войне в России. На основе авторского опроса дается социологическая оценка событий постреволюционного периода.

Ключевые слова: революция, гражданская война, историческая память, историческая оценка, студенческая молодежь.

Bulgakov S.

Saratov state agrarian University
named after N. Vavilov
(Saratov, Russia)

**THE CIVIL WAR IN RUSSIA THE EYES OF THE STUDENT YOUTH
(ON THE EXAMPLE OF SARATOV STATE AGRARIAN UNIVERSITY
NAMED AFTER N. VAVILOV)**

Abstract. The author considers the attitude of students to the civil war in Russia. Based on the author's survey is given of the sociological evaluation of the events of the post-revolutionary period.

Key words: revolution, civil war, historical memory and historical assessment, students

В массовом восприятии гражданская война 1918–1922 гг. представляется как военное противостояние «красных» и «белых». Переоценка этих событий является не только естественным следствием перемен, произошедших в нашем обществе, но и результатом сложной геополитической ситуации, в которой сегодня оказалась наша страна. Особое место, в системе построения гражданского сознания на основе исторической ретроспективы, занимает историческая память современной молодежи. Знакомство с новыми интерпретациями прошлого способствует формированию у нее противоречивой

позиции, что особенно ярко проявляется в контексте исторической полемики с представителями поколения «советской молодежи».

До сих пор, современное российское общество так и не пришло к авторитетной позиции и содержательной оценке советского периода нашей истории. Масштабы социально-экономических, демографических, геополитических достижений и потерь постреволюционного переворота так до конца и не осознаны, так не стали предметом общенациональной дискуссии. Не выработана и универсальная методика социологической диагностики состояния общественного мнения (оценочных суждений) относительно судьбоносных процессов эпохи коммунизма. Безусловно, это отражается на системе образования и, соответственно, на социализации молодых поколений.

Недавно проведенные опросы молодых россиян фиксируют серьезные пробелы в знании этого периода отечественной истории. В ходе сентябрьского опроса ВЦИОМ доля россиян, назвавших годы Гражданской войны, была равна 7 %; еще 11 % смогли правильно назвать правительство (Временное), свергнутое большевиками в октябре 1917 г. [8]. В то же время Октябрьская революция 1917 г. (40 % ассоциаций) входит в первый ряд символов (наиболее важных исторических вех) исторического развития России в XX в. наряду с Победой в Великой Отечественной войне (85–83 %), полетом Ю.А. Гагарина 54–55 %; распадом СССР (42 %) и практически не меняется по частоте упоминаний – за 10 лет (с 1999 по 2008 гг.) [5].

Проведенный в сентябре 2017 года пилотажный опрос студентов¹ в СГАУ им. Н.И. Вавилова (г. Саратов) подтвердил пробелы в знаниях студенческой молодежи этого исторического периода развития нашей страны, что, в последствии, повлияло на оценку студентами этих событий, сместив акцент в сторону конформного восприятия. Так, на открытый вопрос относительно определения хронологического периода Гражданской войны (1918–1922 гг.),

¹N= 300 студентов очной формы обучения, 1-4 курсов, 9 направлений подготовки. Опрос проводился методом раздаточного анкетирования с учетом равнопропорционального отбора респондентов по полу, курсу и направлению подготовки относительно генерального распределения.

правильный ответ дал только каждый четвертый опрошенный студент (24,6 %)², 42,7% – затруднились с этим ответом. Определение причин ее начала вызвало трудности у 36,0 % участников опроса. Среди же валидного распределения ответов на этот вопрос были указаны следующие причины³:

- расслоение российского общества на ряд враждующих политических движений (41,4 %);
- спланированная провокация недружелюбных России стран (39,2 %);
- экономическая политика советской власти в деревне (продразверстка)– (34,1 %);
- политическая дезадаптация (неспособность конструктивного применения власти) Временного правительства (30,5 %);
- недемократические меры большевиков: диктатура, разгон Учредительного собрания и т.д.(21,2 %);
- европейское влияние революционных перемен (14,7 %).

Спектр узнаваемости основных представителей враждующих сторон, с исключением затруднившихся ответить (39,3 %) ограничился упоминанием: В.И. Ленина (41,6 %), В.И. Чапаева (31,6 %), И.В. Сталина (31,3 %), Л.Д. Троцкого (12,1 %) и Ф. Дзержинского (5,1 %) – у «красных»⁴; А.В. Колчака (18,4 %), А.И. Деникина (11,1 %) и А.Ф. Керенского (7,2 %) – у «белых»⁵. Примечательно, но студенты младших курсов оказались незначительно, но менее осведомленными при определении основных персоналий Гражданской войны и более сдержанными при оценке ее итогов. Как историческую необходимость Октябрьскую революцию рассматривает

² Что в 3 раза больше, чем по отношению ко всем возрастным группам (по вышеприведенным данным ВЦИОМа) – что указывает на остаточность знаний, полученных в школьный (в текущий) период.

³ Множественный вопрос: «Определите основные причины начала Гражданской войны» (укажите не более 3-х вариантов ответа)

⁴ От 4 –х до 1 раза упоминались: Г.И. Котовский, П. Морозов, Н.А. Щорс, С.Г. Лазо, М.В. Фрунзе и др., не относящиеся к этим событиям, люди – прим. Авт.

⁵ От 3-х до 1 раза упоминались: Л.Г. Корнилов, П.Н. Врангель, Н.Н. Юденич, М.В Фрунзе и др.

четверть опрошенных (24,8 %). Ее положительную сторону отметили 14,3 %, отрицательную – 31,3 %.

Более 27,3 % студентов затруднились с оценкой последствий постреволюционных событий, которые были разбиты по двум равно представленным группам: на положительные и отрицательные. Как следует из Таблицы 1, неоднозначно оценивая итоги Гражданской войны, молодые люди больше склоняются к их осуждению. Несмотря, на признание факта создания сильного государства (СССР) и Красной армии, в качестве определяющего итога событий 1918–1922 гг. – они отмечают «уничтожение демократической альтернативы и правовой свободы» (34 %). Сюда можно отнести и процессы раскулачивания зажиточных крестьян (12,3 %) и религиозной опалы (20,3 %), которые также оказались в ряду основных негативных последствий Гражданского противостояния. Примечательно, что девушки обращали большее внимание на негативных аспектах, связанных с социальными переменами и трансформацией общественного сознания – они чаще в 2,7–3,2 раза обращали внимание на такие негативные последствия, как низвержение религии, расслоение русского общества и деклассирование русской интеллигенции. Юноши, наоборот, гораздо чаще (в среднем – в 2,9–4,1 раза) отмечали историческую перспективу, выразившуюся в создании сильного советского государства и Красной Армии, а также выход из 1-й мировой войны и национализацию иностранной собственности.

Таблица 1

n/p	Итоги гражданской войны	Ед.	%
1	Уничтожение демократической альтернативы и правовой свободы	102	34,0
2	Создание сильного государства, определяющего мировую политику	82	27,3
3	Низвержение религии (культ атеизма) и исключение церкви из общественной жизнедеятельности	61	20,3

4	Создание сильной, обороноспособной Красной Армии (РККА)	57	19,0
5	Раскулачивание и коллективизация привели к исключению частной собственности, что определило долгий экономический кризис	37	12,3
6	Расслоение русского общества, историческая травма	30	10,0
7	Деклассирование русской интеллигенции, «утечка мозгов»	25	8,3
8	Голодомор, установление жестокой продовольственной диктатуры	23	7,6
9	Выход России из 1-й Мировой войны (Брестское соглашение)	20	6,6
10	Возникновение социалистического романтизма, послужившего основой для формирования национальной идеи (рост патриотизма в целом)	16	5,3
11	Долговременная потеря русских традиций, связанных с преобразованием общественной структуры (например, купеческих клубов, ресторанной этики и т.д.)	15	5,0
12	Консолидация (объединение) русского общества на принципах коммуны – равенства и справедливости	11	3,6
12	Обеспечение всеобщего образования («Образование – в массы!»)	11	3,6
13	Рост тяжелой промышленности и развитие индустрии в целом	10	3,3
14	Национализация иностранной собственности, возникновение собственных геополитических и экономических интересов	7	2,3
15	Обострение отношений с Западом – военно-экономическая блокада советского государства	6	2,0
16	Другое_____ (укажите)	6	2,0
17	Затрудняюсь ответить	82	27,3 %

А- положительные

А - отрицательные

Полученные данные в чем-то симметричны результатам опроса Левада-центра, посвященного роли Октябрьской революции в российской истории, но проводимого среди всех возрастных групп российского населения. Большинство опрошенных отметили, что Октябрьская революция открыла новую эру в истории народов России (25 %) и дала толчок их социальному и экономическому развитию (36 %). Половина респондентов (50 %) высказали точку зрения, что после революции 1917 г. Россия продолжала развиваться, следуя своим традициям и национальным особенностям, однако 35 % были убеждены, что страна повернула на чуждый ей путь. При этом Октябрьская революция нанесла серьезный урон религии и Церкви (69 %), а также русскому крестьянству (48 %) и русской культуре (49 %) [9].

Особенности молодежного исторического сознания в известной мере обусловлены способами и источниками получения исторических знаний. Очень важно понимать, какие информационные каналы оказывают наибольшее влияние на оценочные позиции молодежи относительно событий прошлого. Насколько историческое сознание молодежи поливариантно в смысле получения исторических сведений из альтернативных источников и самостоятельно. Этот аспект тем более актуален в контексте диагностируемого социологами подъема интереса учащейся молодежи к Отечественной истории. Так, например, по результатам панельного опроса, проводимого в нескольких вузах Нижнего Новгорода, в период с 1997 по 2007 гг., отечественная история привлекала девять из десяти студентов младших курсов [1, с. 71–77]. Устойчивый интерес студентов к прошлому своего Отечества демонстрируют и данные другого социологического мониторинга, проводимого на базе технического вуза Санкт-Петербурга (2006 г. – 83 %; 2010 г. – 91 % респондентов, заинтересованных в расширении знаний по отечественной истории) [7, с. 95–106].

По результатам нашего опроса самым популярным источником формирования представления о Гражданской войне стали школьные и

вузовские лекции по истории Отечества (93,6 %), художественные фильмы (62,7 %), художественная литература (51,5 %), документальные исторические передачи (34,0 %), историческая литература (14,0 %), тематические исторические сайты (11,9 %) и научные публикации (4,3 %). Полученные результаты соразмерны результатам ряду аналогичных социологических опросов [2, с. 42–48], где в качестве самого распространенного источника исторических знаний также выступает учебный процесс. В общении же со сверстниками и родителями эта тема практически не поднимается. Данное распределение четко указывает на то, что системы школьного и высшего образования становятся основными проводниками воспроизводства общих ценностных принципов понимания национальной истории, особо не требуя от молодежи хронологического знания и самостоятельной оценки произошедшего.

В заключение опроса была смоделирована ситуация, где студентам предлагалось окунуться в атмосферу тех событий. Им был задан вопрос: «Если бы Вы жили в период гражданской войны, то на чьей стороне Вы бы сражались?». Эта проективная ситуация выбора, заимствованная из аналогичных опросов [1, с. 71–77; 9; 11, с. 119–122], выступает ярким индикатором латентных симпатий, распространенных в молодежной среде к общественной деформации (в качестве следствия) и социальному неравенству (в качестве первопричины). Выяснилось, что большинство респондентов постарались бы эмигрировать из страны (33,9 %!) или занять нейтральную позицию, не участвуя в этих событиях (24,5 %). Еще 9,5 % затруднились ответить. Среди остальных участников опроса мнения разделились следующим образом: 23,0 % – пошли бы воевать на стороне красных, 9,1 % – приняли бы участие в белом движении.

Таким образом, видно, что среди молодежи доминируют установки невмешательства, выраженные в стремлении избежать любого участия в случае возникновения Гражданского противостояния: каждый третий опрошенный постарался бы сразу уехать из страны, а каждый четвертый переждал бы эти события, не вмешиваясь в них. При этом среди тех, кто видит себя в качестве

участника подобных событий, более чем в два раза больше сторонников революционных идей. С одной стороны, это можно объяснить ментальными свойствами молодежи (максимализмом, антисистемностью, склонностью к переменам, жадой действия, категоричностью, выраженной экспрессией и т.д.), с другой – допустить, что это является указателем на рост протестных настроений, связанных с недовольством, что становится следствием социального расслоения внутри молодежной когорты⁶. Нельзя не обратить внимание на ряд выводов специалистов в этой сфере, которые определяют инерционность школьной и вузовской систем образования, где большинство преподавателей являются выпускниками советских вузов или первого постсоветского десятилетия, когда оценочные суждения периода Гражданской войны и Октябрьской революции в определенной степени навязывались системой пропаганды коммунистической идеологии [4, с. 33–36; 10, с. 25–51].

В любом случае, результаты социологических опросов (в том числе и проведенного на базе СГАУ им. Н.И. Вавилова) фиксируют размытость исторического сознания студенческой молодежи, их неспособность выражать четкую позицию относительно периода столетней давности. Как справедливо отмечает Л.Д. Гудков: «Сегодняшнее массовое историческое сознание представляет собой множество отдельных сведений и символов, стереотипов, шаблонов истолкования. Фактически это россыпь отдельных событий и интерпретаций, мифов и стереотипов прошлого без какой-либо связной их интерпретации и изложения, поскольку прежняя единая система пропаганды или тоталитарных институтов, навязывающих грамотному населению единство понимания и оценки событий прошлого, распалась или ослабла, а другой, способной ставить такие амбициозные задачи, не возникло» [4, с. 32]. Этот тезис подтверждается достаточной устойчивостью данных социологических замеров, фиксируемых дезориентированность многих педагогов в связанном понимании событий тех лет. Между тем сегодня, в свете последних событий на

⁶ Например, отмечаемый негативный фон в блогосфере по отношению к публично демонстрируемым выходкам т.н. «золотой молодежи», чье общественное поведение выглядит резонансно вызывающим.

Украине, Сирии, Египте, Ливии и других странах, как никогда возрастает социальная потребность роста уровня антимилитаристской гражданской позиции, в том числе сформированной на основе всестороннего анализа жестоких примеров из прошлого.

Список литературы:

1. Балабанов С.С., Куконков П.И. Октябрь 1917 в сознании учащейся молодежи// Социс. – 2007. – №8. – С. 71–77.
2. Балабанов С.С., Колобов О.А. История Октября глазами учащейся молодежи// Социс. – 1997. – № 11. – С. 42–47.
3. Бутенко А.П. Правда и ложь о революциях 1917 года // Социс. – 1997. – № 2. – С. 30–47.
4. Гудков Л.Д. Время и история в сознании россиян (часть II) // Вестник общественного мнения. – 2010. – №2(апрель – июнь). – С. 13–61.
5. Гудков Л.Д. «Советский человек» в социологии Юрия Левады// Общественные науки и современность. – 2007. – №6. – 16–30.
6. Касамара В.А., Сорокина А.А. Образ СССР и современной России в представлениях студенческой молодежи// Общественные науки и современность. – 2014. – №1. – С. 166–176
7. Кутыкова И.В. История Отечества в сознании учащейся молодежи: итоги постсоветского двадцатилетия// Историческая психология и социология истории. – №2. – 2013. – С. 95–106.
8. Опрос: годы Гражданской войны смогли назвать 7% россиян. // Новостной портал СарБК. [Электронный ресурс]. URL:<https://news.sarbc.ru/public/2017/09/14/205275.html><https://news.sarbc.ru/public/2017/09/14/205275.html>
9. Почти половина россиян уверены в неизбежности революции 1917 года – «Левада – центр». // Информационный портал «Ведомости». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2017/04/05/684315-neizbezhnosti-revolyutsii>
10. Рябов В.В., Хаванов Е.И. Студенчество на рубеже веков: историческое сознание и гражданское становление. – М., 2005.
11. Утенков В.М., Закалин А.С. Об историческом сознании студенческой молодежи// Социс. – №6. – 2000. – С. 119–122.

РАЗДЕЛ III

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА РЕВОЛЮЦИИ

Колозина И.М.

Саратовский областной
институт развития образования
(Саратов, Российская Федерация)

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА НА ПРИМЕРЕ САРАТОВА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РАЗВИТИЯ (1920-Е ГГ.).

Аннотация: Автор анализирует категорию «культурное пространство», проводит сопоставительный анализ функций культурного пространства в определенной исторической реальности. Рассматривается процесс формирования культурного пространства г. Саратова в 1918–1920-е гг., показывается специфика его развития.

Ключевые слова: культурное пространство, 1917–1920-е гг., провинциальный город, Саратов, монументальная пропаганда, зрелищные предприятия, культурно-просветительная и агитационно-пропагандистская деятельность, репрезентация власти, идеология.

Kolozina I.

Saratov regional Institute
of education development
(Saratov, Russia)

THE CULTURAL SPACE OF A PROVINCIAL TOWN ON THE EXAMPLE OF SARATOV: THEORY AND PRACTICE OF DEVELOPMENT (1920s.).

Abstract: The author examines the category of «cultural space» and gives its definition, conducts a comparative analysis of the theoretical functions of cultural space with the functions of cultural space in a certain historical reality. In article process of formation of cultural space of Saratov is considered, the specifics of his postrevolutionary development are shown.

Key words: cultural space, 1917-1920, provincial city, Saratov, monumental propaganda, spectacular enterprises, cultural-educational and agitation-propaganda activities, representation of power, ideology.

В отечественной историографии в рамках локальной истории изучается городская среда, социокультурное развитие малых (провинциальных) городов России в революционный период [6; 20; 22; 33; 34]. Авторы проводят анализ

отдельных аспектов социальной и культурной жизни революционного общества, формирование и развитие городского пространства.

Изучение развития города тесно связано с его социокультурным пространством, так как город наполнен предметно-материальным, художественно-духовным смыслом, благодаря которым визуализируется его содержательная сторона и социокультурная значимость. Обозначение пространства как самостоятельной проблемы исследования, по словам И.И. Свириды, позволяет «ощутить само культурное пространство как некую материализованную и духовную реальность...и выявить новые стороны культурного процесса, остававшиеся вне поля зрения при других подходах, иначе взглянуть на уже известные явления» [40, с. 7].

В социальной истории происходит активное обращение к категории «пространство» в работах А.А. Бахтина [3], Ф. Броделя [4], Ю.М. Лотмана [26], П.А. Сорокина [42]. «Культурологический поворот» 1990-х гг. в отечественной историографии способствовал выделению культурного пространства как самостоятельной категории и предмета исследования. В монографии «Феномен культурного пространства» понятие «культурное пространство» стало заменять собой словосочетание «в контексте культуры» [15, с. 8]. По мнению И.М. Гуткиной, одной из первых начавшей разрабатывать теорию культурного пространства, появление понятия заключалось в необходимости «обобщающей категории, вбирающей в себя целый ряд явлений социальной жизни и определяющей тенденции реального бытия культуры» и «подразумевает некое духовное образование, имеет эмоционально-интеллектуальное наполнение, умонастроение, мирозерцание, менталитет» [16, с. 79]. С.Н. Иконникова и В.П. Большакова определил культурное пространство как поле (по аналогии с физическим), порождаемое взаимодействиями и воздействиями ценностей культуры и их систем [44, с. 246].

А.В. и В.А. Любичанковские выделили как фактор развития культурного пространства человека, благодаря социальной практике которого

«разрозненные исторические эпохи связываются в единый исторический пространственно-временной поток» [28, с. 124].

А.С. Кармин [21] и А.Н. Быстрова [5] говорят о трехмерности культурного пространства. А.С. Кармин определяет три взаимодействующие области: духовную, социальную и техническую, каждая из которых включает в себя институализированные общественные ценности, знания и регулятивы [21, с. 58]. А.Н. Быстрова выделяет пространство реального мира (географическое, физическое); пространство социума; информационно-знаковое и интеллектуальное пространство» [5, с. 98]. Е.Н. Мастеница понимает под культурным пространством города в обобщенном смысле «искусственную среду существования и самореализации», которая состоит из организованной совокупности «физических, символических объектов, технологий, нормативных и ценностных образований» [29, с. 135].

В исторических исследованиях культурное пространство рассматривается как социокультурная или культурно-исторической действительности, сформированная человеком. Так, А.С. Петрова [32] и Н.В. Шалаева [47; 48, 49] выделяют динамично формирующиеся в СССР в 1920-е гг. архитектурные составляющие культурного пространства, которые должны были обеспечить визуализацию репрезентации советской власти.

Таким образом, культурное пространство требует при его исследовании учета множества факторов влияния. Под культурным пространством мы будем понимать «органично вписывающуюся в городскую среду систему, сконструированную в результате деятельности социума; в нее входят такие составляющие духовной и социальной жизни города, как городская ментальная среда, учреждения культуры и искусства, визуально-архитектурные и скульптурные объекты» [22, с. 110].

Послереволюционное культурное пространство имело свои типовые характеристики, связанные с историческим моментом:

–антропогеничность (т.е. создание самого пространства человеком, в данном случае его целенаправленное преобразования советской властью);

–моделированность (советское общество как образец, как единственно правильная, по мнению власти, модель существования),

–неравномерность (взаимодействие столицы и провинции, с положением города в структуре городов, приближенности к столицам, историко-культурного наследия и социокультурной ситуации);

–пограничность (соотношение старой и новой культуры, «разбиение мира на внутреннее (свое) и внешнее (их)» [26, с. 25].

Культурное пространство выполняет определенные функции (освоения и присвоения, обжитости, структурирования и т.д.) [15, с. 64, 65, 67, 69] в контексте социокультурного развития города, которые соотносятся с преобразовательными целями власти по формированию советской идентичности и осуществлению «уникального социального эксперимента по построению «нового общества», «нового человека» [32, с. 11].

Стоит отметить, что культурное пространство непосредственно связано с исторической реальностью и происходящими процессами, оно может выступать как показатель изменения в городе и стране, сохраняя при этом свою структуру, но изменяя смысловое содержание. Культурное пространство довольно четко включено в систему государство-общество-культура. В постреволюционное десятилетие городское пространство было подвергнуто трансформации, испытав влияние агитационно-пропагандистских задач власти, а его структурные элементы (памятники, зрелищные и культурно-просветительные учреждения) стали обозначаться как «монументальное революционно-пролетарское искусство» [9, л. 12 об.;48].

Становление нового культурного пространства города связано с изменением скульптурно-архитектурного фона. К 1917 г. Саратов в архитектурном плане представлял собой эклектичный город, где присутствовали признаки неоклассицизма, псевдорусского стиля и модерна. Строительство домов нового типа в духе советского конструктивизма в Саратове началось только в конце 1920-х гг. (дом «Новый быт» – 1927 г., двор-микрорайон «Дома восьмого марта» – 1929-1930 гг.), поэтому изменение

города после революции началось с памятников и реализации плана монументальной пропаганды, которые. Предназначение монументального искусства заключалось в привлечении внимания к идеям революции и эмоциональном воздействии на сознание населения, постепенно проникая в сферу городской повседневности. Памятники «должны были воздействовать на зрителя в моменты их повседневной жизни, в часы пребывания на улице», при этом другие элементы культурного пространства, например, театр, влияли «на эмоциональном уровне на человека в минуты отдыха» [47, с. 189].

В соответствии с осуществлением плана монументальной пропаганды [18, с. 3] саратовские власти уже в конце лета 1918 г. приступили к организационным вопросам по установлению памятников в городе. В конечном итоге количество скульптурных монументов из-за недостаточного местного финансирования было ограниченным. В период 1918–1925 гг. были поставлены памятники А.Н. Радищеву (1918 г., ул. Никольская – с 1927 г. ул. А.Н. Радищева, напротив одноименного музея), Н.Г. Чернышевскому (1918 г. Соборная площадь – с 1927 г. площадь Н.Г. Чернышевского), Борцам за свободу 1917 г. (Жертвам Революции) (1918 г., 1925 г., сквер на Театральной площади – 1920–1991 гг. площадь Революции), Борцам революции 1905 г. (Институтская площадь – с 1924 г. площадь Революции 1905 г.). Каждый памятник имел свою символику и непосредственную связь с Саратовом. А.Н. Радищев и Н.Г. Чернышевский были уроженцами Саратова и губернии. Памятник Борцам Революции 1905 г. и обелиск Борцам за свободу 1917 г. (Жертвам Революции) были связаны с историей революционного движения и новейшей борьбой за утверждение советской власти в ходе контрреволюционного мятежа мая 1918 г. Возведенные монументы выполняли функцию формирования нового советского мировоззрения [47, 48]. Посредством памятников власть презентовала агитационно-пропагандистские идеи, сформированные в контексте плана монументальной пропаганды. Их торжественное открытие, сопровождаемое митингами и пением революционных песен, выбранные для постановки памятников места, должны

были усиливать эмоциональное воздействие на сознание людей, подчеркивать значимость лиц и событий в истории борьбы, которым посвящены памятники.

Скульптурная композиция Борцам Революции 1905 г. имела ряд важных особенностей. Во-первых, идея создания памятника принадлежала рабочим-железнодорожникам; во-вторых, 1/3 из затраченных средств (на 12 декабря 1925 г. общая сумма – 75 тыс. рублей [38, с. 2]) составили средства, полученные от проведения 8 воскресников, и добровольные взносы профсоюзов города, где самую большую сумму внесли железнодорожники [30, с. 29]; в-третьих, это был самый большой монумент в Саратовской губернии и находился в рабочем районе, тогда как традиционно памятники устанавливались в центре города. Места, где были поставлены новые памятники становились общественными и использовались властью для проведения массовых собраний и митингов, торжественных мероприятий.

В постреволюционное десятилетие советская власть в большей степени стремилась развивать зрелищные предприятия, которые были не только организовывать досуг, но и выступать проводниками общественно-политического воспитания масс, формирование массового сознания. В 1920-е гг. в понятие «зрелищные предприятия» по терминологии того времени входили как театры, кинотеатры и цирки.

В 1918–1921 гг. были открыты три из пяти профессиональных саратовских театров. В канун празднования первой годовщины Октябрьской Революции состоялось торжественное открытие первого в Советской России стационарного детского театр детский театр им. В.И. Ленина. В дальнейшем – театр им. Ф. Энгельса и оперный театр им. Н.А. Римского-Корсакова. Стоит отметить, наличие репрезентативной функции в названиях театров, так четыре театра были названы в честь деятелей революции и вождей мирового пролетариата – театр им. Н.Г. Чернышевского (бывший Городской театр), театр им. К. Маркса (бывший Общедоступный театр) и Ф. Энгельса, театр им. В.И. Ленина и только один в соответствии со своей оперной специализацией получил наименование в честь русского композитора

Н.А. Римского-Корсакова. В 1918–1919 гг. появлялись новые кинотеатры, названия которых отражали представления о постреволюционной действительности: 1-й и 2-й «общедоступный», «Заря свободы», «Коммуна».

Зрелищные предприятия из-за своей большой посещаемости населением города становились местом для политического просвещения и политической агитации. Одним из самых популярных мест проведения отдыха стал саратовский цирк братьев Никитиных, где на всех зрителей 9/10 приходилось красноармейцев и рабочих с их семьями [27]. Образный и острый язык цирковой клоунады способствовал реперезентации идей советской власти, закрепляя в массовом сознании необходимые образы и символы.

Зрелищные учреждения являлись «могучим орудием коммунистической агитации и пропаганды» [9, д. 160, л. 13 об.], приобщения к новой культуре, принятия новой власти [8, д. 88, л. 6]. В резолюции «О политической пропаганде и культурно-просветительной работе в деревне» (март 1919 г.) обозначалась необходимость прямого (через художественную программу) и косвенного (через лекции, митинги и коллективные собрания перед началом представления) применения зрелищных учреждений для большевистской пропаганды [23, с. 80]. Для выполнения этой установки и привлечения большего количества человек появилась целая система бесплатного посещения. В дни советских праздников или по специальному распоряжению Губкома агитационного отдела, Губполитпросвета [11, д. 45, л. 98, 113] социальные (бесплатные) билеты получали дети приютов, раненные и больные красноармейцы. Существовала система бронирования льготных мест для рабочих (до 25–30 % от всех мест в зале) и бесплатных для красноармейцев, члены профсоюзов получали абонемент со скидкой 25 % от стоимости билета [39, с. 4]. В 1922 г. среднее число квот в кинотеатрах «Вулкан», «Гранд-Мишель», «Зеркало жизни» было 30 мест, в кинотеатре «Фурор» – 10 мест, в театре им. К. Маркса – 50 мест, в театре им. Н.Г. Чернышевского – 15 мест, в цирке – 45 мест [11, д. 45, л. 1]. Для школьников в дни каникул в кинотеатрах «Арс», «Зеркало жизни», «Слава» были бесплатные просмотры «картин

научного характера, географических, видовых феерий и художественно-фантастических» [10, д. 39, л. 1–4].

Большое значение для формирования культурного пространства провинциального Саратова имели библиотеки, на которых так же возлагались задачи проводника и агитатора идей государственной власти. Правильная книга – пролетарская книга по содержанию и авторству, книга «пропагандирующая классовые умонастроения и революционные взгляды пролетариата». На сотрудников библиотеки были возложены функции по созданию и развитию особого культурно-просветительного статуса библиотек, активной организации культурно-массовой работы (проведение досуговых занятий по естествознанию, пению и пластике и др.). Библиотекам предписывалось оказывать содействие в организации советских праздников, например, к 5-летней годовщине Революции «библиотекарям надлежит заблаговременно озаботиться подбором необходимой литературы для публичных выступлений докладчиков и пьес для театральных постановок. Кроме того библиотеки должны были устраивать специальные выставки книг по вопросам, связанным с Октябрьской революцией и основными лозунгами 5-летнего юбилея» [11, д. 21, л. 105]. Библиотекам в рамках антирелигиозной работы проводили комсомольское Рождество, участвовали в Красных крестинах, и организовывали выставки [13, д. 2, л. 52].

Культурно-просветительную деятельность вели и музеи Саратова. Из шести музеев города (Археологический музей, Этнографический музей, Историко-революционный музей, музей Церковно-художественной старины, музей им. Н.А. Радищева, музей им. Н.Г. Чернышевского), входивших в Губернский комитет по делам музеев и охране памятников искусства, старины, народного быта и природы (Губмузей) наибольший интерес в этом плане представляли дом-музей Н.Г. Чернышевского, Историко-революционный музей и подотделы Этнографического музея: музей голода и музей Волгаря.

Дом-музей Н.Г. Чернышевского открылся в январе 1920 г. и имел большое значение для становления советской культуры. Музей был

проводником истории борьбы за свободу угнетенных, прославления борцов с царским режимом, в список которых входил и Н.Г. Чернышевский. Дом-музей находился на особом счете у центральной власти и постановлением Совета народных комиссаров от 17 сентября 1920 г. признавался национальным достоянием Республики. Местному Губисполкому вменялось в обязанность произвести срочный ремонт здания и в дальнейшем поддерживать его сохранность (постановление от 25 октября 1920 г.). Для ознакомления с биографией, литературно-общественной деятельностью Н.Г. Чернышевского и в целом с бытом 1830–1870 гг. в музее часто проходили массовые экскурсии для школьников, профсоюзов.

Саратовский историко-революционный музей, как и дом-музей Н.Г. Чернышевского, способствовал формированию мифологемы героического прошлого до 1917 г. и в период революции. В музее были представлены «собрания нелегальных изданий, газет, прокламаций, портретов революционных деятелей и других реликвий революционного движения. При музее имеется библиотека по истории политического и социального движения, с газетным отделом» [24, с. 22].

Музей голода был открыт в 1921 г. при поддержке Губкомпромола и для помощи голодающим Поволжья. Материалы музея (более сотни хлебных суррогатов, фотографии, газетные вырезки, а также книги и статьи о голоде прошлых лет) в 1921–1922 гг. часто использовались для агитационных поездок в урожайные регионы страны и за границу.

Музей Волгара был открыт в конце 1921 г. при содействии Саратовского комитета водного транспорта. Музей показывал яркое и несколько приукрашенное изображение жизни населения, занятого работой на Волге (бурлаков, рабочих, грузчиков, матросов).

В задачи музеев послереволюционного десятилетия помимо непосредственного сохранения народного достояния и приумножения художественно-экспозиционных ценностей входила культмассовая работа с целью расширения представления о достижениях страны, работе самого музея,

формирование интереса к отечественному и зарубежному искусству [12, д. 9, л. 1]. Посредством тематических выставок музеи способствовали преодолению историко-временного разрыва, вызванного революцией и формированию исторической преемственности советской власти с революционным движением прошлых лет. Все музеи Саратова были центрами воспитания молодого поколения, проводили активную школьную и внешкольную учебно-экскурсионную работу, занимались научно-исследовательской и культурно-просветительной деятельностью.

Особое место в саратовском культурном пространстве занимала консерватория, открытая еще до революции в 1912 г. Она, как и библиотеки и музеи, была включена в культурно-просветительную работу, стремясь к приобщить рабочие массы к музыкальной культуре. Деятельность консерватории характеризовалась девизом – знакомство народа «с народным же музыкальным творчеством» [37, с. 4]. Работа по музыкальному просвещению саратовского населения началась уже летом 1918 г. Преподавателями организовывались циклы концертов по произведениям П.И. Чайковского, М.П. Мусоргского, Н.А. Римского-Корсакова, А.П. Бородина [25, с. 276; 37, с. 4], пропагандируя «красоту русской национальной музыки» [37, с.4]. Очень выраженной была ориентация на простого зрителя, неподготовленного к серьезной музыке, поэтому наряду со сложными для восприятия произведениями исполнялись более легкие и доступные. Многие концерты открывались вступительным словом с разъяснением публике смысла и содержания исполняемых музыкальных сочинений. В отчете о работе Отдела искусств указывалось, что число музыкальных мероприятий составило 10 серий за летний сезон 1918 г. При этом «каждая десятая была повторена на заводах, на фабриках, в мастерских свыше десяти раз» [2, с. 74]. Саратовские большевики и советы стремились к обязательному включению музыки повседневную культуру города. Ф.И. Шаляпина с горечью писал, что в период Гражданской войны массовое посещение музыкальных представлений часто организовывалось партийными и военными органами, что определяло

«своеобразное отношение большинства зрителей к видимому и слушаемому, ибо только меньшинство из них понимало музыку, слушало и смотрело с сочувствием, сопереживало» [50, с. 363]. В то же время ни одно народное гуляние, митинг или шествие не проходило без музыки. Патриотические мотивы, бравурное звучание должны были каждого призывать, воодушевлять и настраивать на революционную волну, звать к преобразованиям.

Формирование нового культурного пространства и в целом советских культуры и общества было определено произошедшей Октябрьской Революцией и дальнейшими социально-политическими изменениями в стране. Поэтому процесс становления пространства проходил под большим влиянием революционно-пролетарского взгляда на культуру и искусство, где они должны были заключать в себе и развивать коммунистические ценности, соответствовать идеологическим задачам по построению идентичного советского общества и в основе своей поддерживать новую власть. Через все элементы культурного пространства проходил процесс репрезентации новой власти и идеологической ориентации населения, формировалась социально-политическая коммуникация между правительством и населением. Культурное пространство Саратова обладало всеми основными базовыми характеристиками культурного пространства, и находилось в системе взаимодействия власти и культурной сферы города.

Список литературы:

1. Бажанов Б. К очистке библиотек // Красный библиотекарь. – 1924. – № 2–3. – С.31-34.
2. Бассальго Д.Н. Обзор деятельности Саратовского Отдела Искусств// Годовщина Социальной революции в Саратове. Издание Саратовского Губисполкома. – Саратов, 1918. – С. 66–76.
3. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975.
4. Бродель Ф. Что такое Франция? – М., 1994.
5. Быстрова А.Н. Модель культурного пространства: граница и безграничность // Вестник ТПГУ. – 2008. – № 1 (75). – С.95-104.
6. Водонос В.И. Очерки художественной жизни Саратова эпохи «культурного взрыва». 1918–1932. –Саратов, 2006.
7. Горнило. 1918. – № 2. –С.22

8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-2313. Оп.1. Д. 88.
9. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф.Р.-329. Оп.1. Д.160.
10. ГАСО. Ф.Р.-494. Оп.1.
11. ГАСО. Ф.Р.- 847. Оп.1.
12. ГАСО.Ф.Р.- 1070. Оп.1.
13. ГАСО.Ф.Р.- 2036. Оп.1.
14. Григорьева Е. Н. Современное социокультурное пространство: социальный аспект // Международный журнал экспериментального образования: материалы конф. – Пенза, 2011. – № 5. – С. 97–98.
15. Гуткин О.В., Листвина Е.В., Петрова Г.Н., Семенищева О.А. Феномен культурного пространства. – Саратов, 2005.
16. Гуткина И.М. Культурное пространство: проблемы и перспективы изучения // Философия и современность: Сб. науч. тр. – Саратов, 2003. – С. 79–87.
17. Зорина М.А. Становление и развитие советского кинематографа в Саратовской губернии (20-е гг.) //Теория и практика общественного развития. 2015. – № 18. – С.202–204.
18. Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов (Известия ВЦИК). 1918. – № 74.
19. Иконникова С.Н. История культурологических теорий. – СПб, 2005.
20. Канавина Н.В. НЭП и состояние библиотечного дела в Саратовской губернии // Саратовский краеведческий сборник: научные труды и публикации. – Саратов, 2002. – С.90-95.
21. Кармин А.С. Философия культуры в информационном обществе: проблемы и перспективы // Вопросы философии. 2006. – № 2. – С. 52–61.
22. Колозина И.М. Облик революционного Саратова (1918 г.): к вопросу о реализации плана монументальной пропаганды // Вестник оренбургского педагогического университета. Электронный научный журнал. 2017. – № 2. – С. 110–119.
23. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.2. 8-е изд. – М., 1970.
24. Культура.1922. – №2.
25. Культурное строительство в Саратовском Поволжье: Документы и материалы. Ч. 1. – Саратов, 1985.
26. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб, 2000.
27. Луначарский А.В. Задачи обновленного цирка. [Электронный ресурс]: URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/o-massovyh-prazdnestvah/zadachi-obnovlennogo-cirka> (дата обращения 25.04. 2017).
28. Любичанковский А.В., Любичанковский В.А. Культурное пространство региона в оценке современной российской историографии // Вестник ОГУ. 2011. – № 7 (126). – С.124–130.
29. Мастеница Е.Н. Культурное пространство города как предмет исследования и объект познания: междисциплинарный подход //

Петербургские исследования: Сборник научных статей, Вып. 3. – СПб., 2011. – С. 128–147.

30. Материалы к постройке памятника Борцам Революции в городе Саратове на «Площади Октября 1905 г.». – Саратов, 1924.

31. Меркулов А.И. Первые шаги Советской власти на культурном фронте // За власть советов. – Саратов, 1957. – С.173–176.

32. Петрова А.С. Визуальные стратегии в советской культуре 1920-1930-х годов на материалах культурной истории города Иванова // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». – Т.1. – №1. – С.11–18.

33. Савельева Е.К. Деятельность Саратовского отдела искусств по реорганизации театрального дела в Саратове в 1918-1919 гг. // Саратовский Государственный музей им. А.Н. Радищева. Материалы и сообщения. Вып. 6. – Саратов, 1992. – С.70-85.

34. Самохин А.Н. Из развития профессионального народно-инструментального образования в Саратове // [Электронный ресурс]: Режим обращения:

<http://www.sgu.ru/sites/default/files/textdocsfiles/2015/03/03/samohin.pdf>.

35 Саратовская область за 70 лет. – Саратов, 1987. –279.

36. Саратовские известия. 1918. №118.

37. Саратовские известия. 1918. № 178.

38. Саратовские известия. 1925. № 284.

39. Саратовские известия. 1926. №26.

40. Свирида И.И. Культура и пространство: аспекты изучения // Культура и пространство. Славянский мир. – М., 2004. – С. 3–18.

41. Силкина Л.В. Место пространства в культуре // Жизненное пространство человека и общества: Сб. науч. трудов. – Саратов, 1996. – С.107–111.

42. Сорокин П.А. Социальная мобильность. – М., 2005.

43. Сперанская Е.А. Материалы к оформлению первых революционных празднеств в Саратове и Нижнем Новгороде// Агитационно-массовое искусство первых лет Октября: Материалы и исследования. – М. 1971. – С.134–161.

44. Теория культуры. – СПб, 2008.

45 Художественные известия. 1918. № 4.

46. Чичканова Т.А. Развитие российской провинции: культурологический подход. – Самара, 1997.

47.Шалаева Н.В. Формирование репрезентативного образа власти в советской культуре 1917–1920-х гг. – Саратов, 2012.

48. Шалаева Н.В. Становление плана монументальной пропаганды в советской России. 1917-1918 годы // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. – 2014. – № 8 (337). –С. 18–24.

49. Шалаева Н.В. План советской монументальной пропаганды: проблемы реализации. 1918-1921 годы // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. – 2014. – № 8 (337). – С. 30–35.

50. Шаляпин Ф.И. Маска и душа. – М., 1989.

Шендрикова С.П.
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
Крымского федерального университета
им. В.И. Вернадского в г. Ялта.
(Ялта, Российская Федерация)

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ КРЫМСКОЙ СТОЛИЦЫ В 1917 - 1920 ГГ.

Аннотация. На примере крымской столицы показана трансформация театральной культуры имперской России в пролетарское сценическое искусство. Идеология «нового времени» прослеживается на примере репертуара советской драматургии и деятельности ведущих театральных коллективов. К работе приобщены архивные документы и материалы крымской периодической печати заявленного хронологического периода.

Ключевые слова: театр, труппа, гастроль, репертуар, социум, идеология.

Shendrikova S.
Humanitarian-pedagogical Academy (branch)
Crimean Federal University
they. V. I. Vernadsky in Yalta.
(Yalta, Russian Federation)

THEATRICAL LIFE OF THE CAPITAL OF THE CRIMEA IN THE YEARS 1917 - 1920

Abstract. In the presented scientific publication, the example of the Crimean capital reveals the transformation of the theatrical culture of imperial Russia into the proletarian stage art. The ideology of the "new time" can be traced to the example of the repertoire of Soviet drama and the activities of leading theatrical collectives. Archival documents and materials of the Crimean periodical press of the declared chronological period are attached to the work.

Key words: theater, troupe, tour, repertoire, society, ideology.

1917 г. стал историческим и судьбоносным не только для политической жизни российского общества, но и для всех сфер социума, в том числе театрального искусства. После Февральской революции в культурной жизни государства произошли значительные изменения. Прежняя идеология с ее героями и нравами обвинялась в буржуазных пережитках, классовом неравенстве и тлетворности. Новые же идеалы еще не были воспеты ни в отечественной литературе, ни в живописи, ни в музыке. Молодая Россия,

восставая из «пепла» былой империи, вершила «пролетарское» искусство, которое призвано было служить народу.

Ведущими культурными деятелями был выдвинут лозунг независимости и автономии театра, соответственно и отмены цензуры. Решался и вопрос о системе управления театрами. 9 (22) ноября 1917 г. советское правительство издало декрет «О передаче всех театров страны в ведение органов народного образования» [4, д. 274, л.15].

Несмотря на сложную политическую ситуацию в стране, симферопольский театр старался не выбиваться из рабочего графика. 23 сентября 1917 г. спектаклем драматической труппы антрепренера А. Ложечниковой в Дворянском театре был открыт зимний сезон 1917–1918 гг. [14, с. 681]. Владелица труппы подписала контракт с дирекцией театра на следующий год [14, с. 169]. Членами вновь открытого местного театрального отдела стали А. Ложечников, А. Вольский и др. Его председателем был избран главный режиссер труппы К. Федотов, секретарем – М. Струков [15, с. 763].

В 1918 г. был организован Театральный отдел (ТЕО) Наркомпроса, который обеспечивал общее руководство театральной жизнью. В перспективе ТЕО должен был создать «новый театр», который отвечал бы требованиям времени, эпохи, чаяниям народа. Отныне театры были поставлены в один ряд со школами, высшими учебными заведениями и другими учреждениями, которые призывались служить просвещению и воспитанию народа.

26августа 1919г. был подписан декрет «Об объединении театрального дела», в результате чего все театральные здания, декорации, костюмы, реквизит объявлялись национальным достоянием [3, д. 112, л. 92]. В этот период Крым стал «ареной» бурных исторических событий: жестоких и ожесточенных боев, перманентной постоянной смены власти (на полуострове за короткий срок сменилось несколько различных правительств – *авт.*) [12, с. 28], оккупации иностранными войсками. Неизбежным результатом всего этого были руины, голод, смерть. Трагические события военного времени, смена власти не могли не отразиться на культурной жизни страны, в том числе и на театральной.

«Труппы, работавшие в театрах Крыма, владели жалкое существование», – так комментировали эти тревожные события очевидцы [16, с. 193].

Нестабильность в политической и социальной сферах, экономический кризис, отсутствие элементарных условий для существования значительно изменили привычное течение жизни. В театральных анонсах газет того времени было традиционным давать информацию такого характера: «...вход в театр допускается в верхнем платье» [2] и наоборот – «...театр отапливается» [20], хотя последнее случалось довольно редко, да и то ближе к концу гражданской войны. Актеры, игравшие на сцене симферопольского театра, вспоминали: «1918, 1920, 1921гг. – Крым – голод, тиф, холера, власти меняются, террор: играли в Симферополе, Евпатории, Севастополе, зимой театр не отапливался, по дороге в театр на улице опухшие, умирающие, умершие; посреди улицы лошадь убитая, зловоние» [29, с. 43].

В этих условиях интеллигенция России не только продолжала вести творческую работу – ставить спектакли, организовывать выставки, писать научные работы, – но и принимала активное участие в общественной деятельности, пытаясь найти общий язык с любой политической властью, не теряя при этом своего «лица» и не позволяя манипулировать своими убеждениями. Так, статье ко всем равнодушным к интересам искусства обращался А. Кудряшов: «...я хотел бы предложить всем, для кого дороги интересы искусства, будет ли то поэзия или живопись и музыка, соединить свои силы в Союз Любителей Искусства» [11]. Все это указывает на то, что, казалось бы, в самый неподходящий момент на полуострове наблюдался духовный, культурный и интеллектуальный расцвет. Одна из причин – сосредоточение в Таврической губернии всей мощи русской научной и творческой интеллигенции. В 1918г. открылся первый в Крыму университет. И в этом же году силами труппы драматического театра (бывшего Дворянского) одно из представлений, а именно – спектакль «Власть тьмы» по пьесе Л. Толстого – был поставлен «...в пользу Симферопольского Народного университета» [1]. Свидетельствуя о героизме людей в те годы, местная

крымская пресса время от времени печатала афиши, в которых говорилось о бесплатных благотворительных спектаклях, концертах, праздниках в фонд раненых, голодающих и т. д. Так, на страницах газеты «Таврический голос» за 9 января 1920 г. сообщалось, что в театре Актера в городе Симферополе во время спектакля «Темное пятно», прошедшего с большим успехом, бенефициант А. Волжин обратился к публике с просьбой сделать пожертвования на борьбу с эпидемией тифа. В результате чего среди присутствующей публики артистами театра была собрана сумма в 6734 руб. 45 коп. Деньги передали секретарю бригады государственной стражи И. Кравченко для представления губернатору [19].

Весной 1918 г. симферопольский Дворянский театр был переименован в следствие и стал называться Драматический. А театральные анонсы того времени в местной прессе выглядели так: «Драматический (бывший Дворянский) театр – праздничный репертуар» [7]. В 1919г. симферопольский театр zaangażировал известный в то время антрепренер и талантливый актер В. Ермолов-Бороздин [10, с. 9]. «Общество артистов» под его руководством было реорганизовано в «Театр актера». В Симферополе это название очень быстро распространилось и прижилось. И в крымской прессе за 1919 г. зачастую информация о театре подавалась так: «Таврический Театр Драмы – Театр Актера» [18].

Одним из знаковых событий в театральной жизни города в этот период стали гастроли МХТ. Летом 1919 г. в Крым прибыли талантливые артисты О. Книппер-Чехова, В. Качалов, Н. Массалитинов и др. 15 и 16 августа 1919 г. знаменитый коллектив на сцене симферопольского театра давал «Дядю Ваню» А. Чехова [27, с. 156–157]. 17 и 18августа зрителям был предложен спектакль-концерт по произведениям А. Чехова, Ф. Достоевского, Н. Гоголя, У. Шекспира, А. Блока [6]. Актеры МХТ, как и в первые крымские гастроли (они состоялись весной 1900г. – *авт.*), привезли с собой в провинцию не только высокое искусство, но и «свежий ветер» новых идей.

В организации гастрольных туров на плечи руководства принимающей стороны ложился долг обустройства актерского быта. Лишенные возможности снять любое жилье, артисты-гастролеры чаще всего ютились в гримерных, костюмерных, а порой даже на сцене [17]. Не лучше были и условия труда. Я. Кривицкий об этом писал: «Пайковая осьмушка хлеба и кусок воблы на обед, работа на сцене, где замерзает вода в пожарной бочке...» [16, с. 195].

Утвержденный «Декрет об объединениях театрального дела» внес коррективы по упорядочиванию структуры государственного руководства театрами. В связи с этим был открыт Театральный отдел Наркомпроса, заведующим которого стал В. Мейерхольд. Режиссер предложил программу «Театральный Октябрь», ознаменовавшую начало репертуара нового времени.

В 1920 г. симферопольский Драматический театр, был вновь переименован – теперь он назывался Первый Советский. Артисты, работающие в театре, должны были зарегистрироваться в Крымотделе народного образования и продолжать свою художественную деятельность, согласно указаниям и планам театральной секции отдела искусств. Весь репертуар утверждался театральной секцией для выработки общего художественного плана театральных работ. В этот период новым правительством также была отменена царская цензура. Однако справедливости ради следует сказать, что меры, которые употреблялись с целью формирования «нового» репертуара, существенно не отличались от имперских запретов. Благодаря содержанию театральных представлений, советская власть срочно решала проблему воспитания «нового зрителя», «нового социума». Для решения этого вопроса как нельзя лучше подходил театр, который на протяжении своей истории постоянно выступал основным идеологическим фактором любого общества, любой эпохи, любой культуры.

Что касается Симферополя, то заведующей театральной секции в этот период была назначена Е. Выставкина [10, с. 9]. Следует отметить, что такие глобальные изменения в жизни театра во многом стали причиной нестабильности состава его труппы. В 1920 г. наблюдалась высокая текучесть

кадров: мало кто из артистов играл на сцене более двух месяцев. В этой связи не представлялась возможной выработка единой методики работы, что в свою очередь также не позволяло создать слаженный творческий коллектив. Результатом всего послужило снижение качества спектаклей.

Именно в это трудное время первым директором симферопольского театра советского периода был назначен Я. Леонтьев, художественным руководителем стал П. Рудин. Благодаря организаторским и художественным способностям этих людей на заре советской власти в Симферополе постепенно стал формироваться профессиональный, большой коллектив. Музыкальным руководителем труппы был И. Дунаевский. Талантливые актеры составляли костяк творческого коллектива: М. Соснин, С. Днепров, В. Ермолов-Бороздин, Ф. Раневская [13, с. 141]. В период своей театральной деятельности в Крыму талантливая актриса Фаина Гиршевна Фельдман взяла сценический псевдоним «Раневская». В 1920 г. она играла на сцене Первого Советского театра (ныне – Крымский академический русский драматический театр имени М. Горького – *авт.*). В свое время режиссеру П. Рудину в знак благодарности за сотрудничество начинающая актриса подарила книгу, подписав впервые: «Фаина Раневская» [9, с. 74]. Однако в свой крымский период Ф. Раневская была малоизвестной актрисой, на что указывает отсутствие в афишах того времени каких-либо упоминаний о ней как о действующей актрисе, состоявшей в штате труппы театра [24, с. 135]. Только в номере газеты «Ялтинский вечер» за 15 сентября 1920 г. в объявлении об открытии зимнего сезона говорится о первых гастролях труппы актрисы П. Вульф, вместе с которой выступала и Ф. Раневская [21]. В Крыму Ф. Раневская сыграла Глафиру Фирсовну в «Последней жертве», Анфису Тихоновну в «Волка и овцах», Галчиху в «Без вины виноватых», Манефу в «На всякого мудреца довольно простоты», сумасшедшую барыню в «Грозе» А. Островского, Настю в «На дне» М. Горького, Пошлепкину в «Ревизоре» и сваху в «Женитьбе» Н. Гоголя. Наиболее знаковые пьесы А. Чехова, в которых была задействована Ф. Раневская: «Вишневый сад» (Шарлотта), «Три сестры» (Ольга, Наташа),

«Чайка» (Маша), «Дядя Ваня» (Войницкая), «Иванов» (Зюзюшка) [8, с. 14]. Позже на сцене симферопольского театра играл М. Царев, еще неизвестный молодой талантливый актер, который со временем возглавил московский Малый театр [22, с. 86].

С окончательным установлением на полуострове советской власти для театра был разработан устав, в котором говорилось, что Крымский государственный драматический театр (далее – КГДТ) ставит своей задачей ознакомление рабочих масс и трудящихся с образовательно-показательным, агитационным и революционным искусством, борьбу с репертуаром, который поддерживал основы буржуазной идеологии и религиозные убеждения. Нашла отражение в документе и национальная специфика Крыма: «В виду наличия особых национальных условий Крыма при КГДТ создать татарскую секцию, ставящую своей задачей постановку татарских спектаклей, при чем, обозначенная секция должна существовать на основании единого бюджета и единого административного аппарата КГДТ» [25, с. 52–61]. Далее уставом закреплялся пункт, в котором правление КГДТ в своей идеологической деятельности должно было руководствоваться указаниями Народного комитета просвещения Крымской ССР [28, с. 187].

Репертуара театра, как и все программы эпизодических спектаклей, должен был утверждаться Главполитпросветом Наркомпросаи Крымлитом. Правление КГДТ перед каждым театральным сезоном должно было подавать на утверждение СНК Крымской ССР план деятельности на предстоящий год. Кроме того, КГДТ как театр, «Наиболее полно осуществляющий задания высших органов власти», освобождался от уплаты налога с публичных зрелищ и развлечений, утвержденного ВЦИК и СНК СФСР [5, д. 652, л. 22–34].

Руководитель КГДТ П. Рудин старался выбрать классический репертуар: «Разбойники» Ф. Шиллера, «Стакан воды» Э. Скриба, «Горе от ума» А. Грибоедова [23, с. 185–186]. Однако новое время диктовало свои условия, и в репертуаре театра появились пьесы «Медвежья свадьба» А. Луначарского, «Бунт машин» А. Толстого, «Любовь Яровая» К. Тренева и др., находившие

отклик у нового зрителя. Кроме этого в данный период стали популярными представления-митинги «на злобу дня». К спектаклям привлекались разнообразные средства выразительности, приемы сценической условности, гротеска, эксцентрики. Пролетарская тема вступила на сцену театра [26, с. 69].

Стационарная история театральной жизни Симферополя началась с открытия в 1911 г. нового театра по проекту харьковского академика А. Бекетова. Это существенно отразилось на качестве культурного «облика» города. У жителей города появилась возможность посещать качественные представления со всем соответствующим оборудованием (декорации, костюмы, освещение, акустика и т.п.). В репертуаре использовались лучшие произведения мировой и отечественной классики. Однако театральная жизнь города претерпела серьезные изменения в связи с военными, политическими и революционными баталиями, отразившимися на содержании «нового репертуара». Театр стал прочным идеологическим оружием в руках советской власти для формирования нового гражданина современного общества.

Список литературы:

1. В пользу Симферопольского Народного университета // Южные ведомости. – 1918. – 10 мая (№ 2).
2. Вход в театр допускается // Южные ведомости. – 1917. – 17 февр. (№ 38).
3. Государственный архив республики Крым (ГАРК). Ф. Р-652. Оп. 1.
4. ГАРК. Ф. Р-652. Оп. 1.
5. ГАРК. Ф. Р-652. Оп. 1.
6. Дирекция В. Р. Бильяни // Южные ведомости. – 1919. – 15 дек. (№ 2212).
7. Драматический (бывший дворянский) // Наш голос. – 1918. – 5 мая (№ 6).
8. Дунина С. Фаина Григорьевна Раневская. – М., 1953.
9. Казеева, И.И. Антон Чехов и Фаина Раневская: перекрестие судеб // Наш Чехов. – Ялта, 2004.
10. Крымский областной драматический театр им. М. Горького. – Симферополь, 1947.
11. Кудряшов, А.А. Театр и искусство // Волна. – 1918. – 26 мая (№ 18).
12. Надинский, П.Н. Очерки по истории Крыма. Ч. 2. – Симферополь, 1957.
13. Новикова, М.И. Крым театральный. – Симферополь, 1961.

14. Падение сборов началось // Театр и искусство. – 1917. – № 44–46. – 916 с.
15. Провинциальная хроника. Симферополь // Театр и искусство. – 1917. – № 44–46.
16. Советскому Крыму двадцать лет (1920–1940) / под ред. Я.А. Кривицкого. – Симферополь, 1940.
17. Таврический театр драмы // Южные ведомости. – 1919. – 6 (19) авг. (№ 107).
18. Театр Актера // Южные ведомости. – 1919. – 14 дек. (№ 2211).
19. Театр и музыка // Таврический голос. – 1920. – 9 янв. (№ 13).
20. Театр отапливается // Крымская мысль. – 1920. – 1 февр. (№ 26).
21. Токарева Р. Из случайно застрывших артистов // Таврические ведомости. – 1993. – 12 окт. (№ 40).
22. Царев, М.И. Неповторимые мгновения. – М., 1975.
23. Шендрикова С.П. «Горе от ума» А.С. Грибоедова на крымских подмостках в XIX, XX и XXI веках / С.П. Шендрикова // Науковий вісник. Науки: економіка, політологія, історія. – Одеса, 2012. – № 24 (176). – С. 176–186.
24. Шендрикова, С.П. Крымские истории Фаины Раневской (90–летию окончания гражданской войны посвящается) // Історичні записки. – Луганськ, 2010. – Вип. 28. – С. 129–137.
25. Шендрикова, С.П. Крымскотатарский государственный драматический театр в городе Симферополе в 20 – 40-е годы XX столетия // Тюрки и другие народы. История. Язык. Культура. – Берлин, 2010. – С. 52–61.
26. Шендрикова, С.П. М.И. Царев на сцене Крымгосдрамтеатра (1928–1931) / С.П. Шендрикова // Культура народов Причерноморья, 2010. – № 196, т. 1. – С. 68–70.
27. Шендрикова, С.П. Страницами жизни и творчества великого русского актера первой половины XX века В.И. Качалова // Науковий вісник. Історія. Політичні науки. Міжнародні відносини. – Чернівці, 2012. – Вип. 607–609. – С. 155–157.
28. Шендрикова, С.П. Театральная жизнь Симферополя в годы Революции, Гражданской войны и установления Советской власти // Науковий вісник. Науки: економіка, політологія, історія. – Одеса, 2010. – № 21(122). – С. 181–188.
29. Щеглов Д. Фаина Раневская: «Судьба-Шлюха». – М., 2010.

Полянская Е.С.
Сочинский филиал
Российского Университета дружбы народов
(Сочи, Российская Федерация)

ТРАНСПОРТНАЯ СИСТЕМА КРЫМА НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.

Аннотация. Автор рассматривает становление и развитие транспортной системы Крыма в XIX– начале XX вв. Автор анализирует качество сухопутных, морских и железнодорожных путей сообщения. К началу Великой Российской революции полуостров обладал развитой транспортной сетью, послужившей мирным и военным целям.

Ключевые слова: Крым, транспорт, дороги.

Polyanskaya Yel.
Sochi branch
of the Russian University of Friendship of Peoplescity
(Sochi, Russia)

TRANSPORT SYSTEM OF THE CRIMEA ON THE EVE OF THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION

Abstract. The author considers deals with the formation and development of the transport system of the Crimea in the XIX – early XX centuries. The author analyzes the quality of land, sea and railways. By the beginning of the Great Russian Revolution, the peninsula possessed a well-developed transport network that served peaceful and military purposes.

Key words: Crimea, transport, roads.

Россия в позднеимперский период находилась в сложном переходном состоянии от традиционного общества к индустриальному. Ситуация осложнялась наличием огромной территории и слабо развитой инфраструктурой. По многим показателям Россия отставала от индустриально развитых стран. Сложная ситуация сохранилась и на крымском полуострове.

Стоит отметить, что Крым всегда имел отличную от других регионов России социально-экономическую структуру. К середине XIX в. в силу ряда причин стало очевидным, что без транспортного обеспечения внутри Крыма, а также без возможности качественного и современного сообщения с другими

регионами Российской империи, дальнейшее развитие полуострова невозможно. Таким образом, сама история спровоцировала необходимость создания полноценной и функциональной транспортной системы в Крыму на кануне революции.

Активное строительство дорожно-транспортного комплекса на полуострове началось только в 20-х гг. XIX в. На смену грунтовым дорогам стали появляться шоссейные. В первую очередь были шоссированы три основные магистрали: от Перекопа до Севастополя, от Симферополя до Керчи и от Симферополя до Евпатории [7, с. 8–34]. Не меньшее стратегическое значение имело строительство Южнобережного шоссе, связавшего степной Крым с побережьем, излюбленным местом отдыха русских царей и знати. Таким образом, новый виток в вопросах проблем транспортного сообщения наблюдался в 60-е гг. XIX в., когда шоссирование дорог полуострова приобрело серьезные масштабы в количественном и качественном смысле. Ввиду географических особенностей, кроме сухопутных путей сообщения, в Крыму предполагалось активное использование морского транспорта. Благополучие и финансовый доход причерноморских городов напрямую зависели от темпов товарооборота через порты [5, с. 12–63]. Однако развитие морской транспортной системы не могло рассматриваться обособленно. Только в совокупности с сухопутной системой сообщения морской транспорт мог приносить желаемые результаты во благо развития Крыма.

Эта позитивная динамика не могла не отобразиться на развитии железнодорожной сети в Крыму. Становление и развитие железнодорожного сообщения на полуострове проходило непросто. Многократно жители Крыма ходатайствовали о проведении железных дорог к Феодосии, Евпатории, Керчи и Ялте. Довольно удачные проекты многих инициативных крымчан оставались нереализованными вследствие бюрократических препятствий. Негативно на решении вопроса железнодорожного обеспечения сказывались внешнеполитические конфликты Российской империи. Финансовые сложности также не обходили стороной полуостров. Однако, несмотря на все проблемы и

препятствия, к началу революции в Крыму уже действовала Лозово-Севастопольская железная дорога с ответвлениями на Керчь, Феодосию и Евпаторию [6, с. 422]. Благодаря этому железнодорожной сетью были связаны основные торговые центры полуострова, а также другие регионы империи. Таким образом, в процессе своего развития железнодорожные коммуникации стали играть главную роль среди всех видов транспорта. К началу XX в. они обеспечивали реализацию большей части товарооборота и более половины пассажирооборота от всех транспортных перевозок в Российской империи.

Качественные изменения коснулись и крымского транспорта. Помимо крымской мажары, по дорогам полуострова на тот момент можно было передвигаться на почтовых лошадях или верхом. Кроме дороговизны проезда, в начале XIX в. значительной проблемой являлось плохое состояние дорог, что, в свою очередь, и диктовало такое незначительное разнообразие транспортных средств. В результате заметного прогресса в отношении качества сухопутного сообщения во второй половине XIX в. появилась возможность использования современных средств передвижения. К таким транспортным средствам относились: дилижанс (омнибус), карета, фаэтон, коляска, линейка, экипаж, ландо. С появлением разнообразного транспорта и увеличения количества перевозок наметился прогресс и в законодательной базе относительно этой новой для России отрасли. В этой связи местными властями был разработан ряд правил для езды и контроля за перевозками. Значительным шагом на пути повышения интенсивности грузопассажирских перевозок стало использование автомобилей [8, с. 46–91]. Реакция правительства на попытки установить автомобильное сообщение была в большинстве своем или отрицательной, или безразличной. Не углубляясь в суть дела, чиновники боялись связываться с чем-то новым и неизвестным. Но, как показывает мировая практика, прогресс остановить невозможно. Именно по этой причине медленные и шумные мажары заменили легкие, удобные и относительно быстрые экипажи и дилижансы. А на смену гужевому транспорту пришли автомобили.

Значительный прогресс в улучшении транспортной системы спровоцировал развитие туристической отрасли полуострова. Таким образом, следует заметить, что к концу XIX в. туризм в Крыму выделился как отдельная отрасль в социокультурной жизни региона. Подтверждением тому могут быть результаты деятельности туристической отрасли в последней четверти XIX в. – первом десятилетии XX в., когда Крым вышел на первое место в России как наиболее посещаемый курорт.

Проанализировав эволюцию развития транспортной системы Крыма в XIX в.–1914 г., на наш взгляд, можно выделить несколько этапов в деле формирования дорожно-транспортной системы полуострова в обозначенный хронологический период:

первый этап (1824–1917 гг.) – эволюция сухопутных транспортных путей. До середины XIX в. на полуострове наблюдалось наличие только грунтовых дорог, а в середине XIX в. в период Крымской войны (1853–1856 гг.) уже активно функционировали почтовые тракты, однако качеством этот вид сухопутных дорог практически не отличался от грунтовых. И только к 70-м гг. XIX в. появились шоссе, что способствовало более удобному и быстрому сообщению, стимулируя развитие всех отраслей экономики полуострова);

второй этап (1770–1917 гг.) – становление морского сообщения. В начале XIX в. существовали только деревянные причалы, и то не во всех приморских городах Крыма. Следствием этого было частое разрушение пристаней штормами, значительная задержка с выгрузкой и погрузкой товаров, которая происходила на расстоянии от берега, и в связи с этим дороговизна предоставления транспортных услуг. Однако к середине XIX в. многие портовые города полуострова получили возможность более удобного и быстрого сообщения по морю посредством строительства причалов и пристаней. Апогеем развития морского сообщения в Крыму стало строительство полноценных морских портов: коммерческий порт в Севастополе, феодосийский, евпаторийский и керченский порты;

третий этап (1875–1917 гг.) – появление железнодорожного сообщения.

В 1875 г. была построена первая ветка Лозово-Севастопольской железной дороги, по которой можно было добраться с материковой части Российской империи до Севастополя. К концу XIX в. была достроена Джанкой-Феодосийская и Керченская ветка, а в 1915 г. окончилось строительство Евпаторийского железнодорожного направления. Таким образом, можно отметить два значительных события в третьем этапе формирования дорожно-транспортной системы в Крыму. Первое – соединение полуострова с материком, второе – расширение железнодорожной сети внутри Крыма.

В связи с началом Первой мировой войны строительство дорожно-транспортного комплекса на полуострове прекратилось. В архивах встречается лишь информация общего плана. Так, например, в связи с заказами военного ведомства в г. Симферополь была открыта мастерская по ремонту автомобильных шин [1, д. 5073, л. 17]. Издавались отдельные постановления по регистрации частных автомобилей «во избежание езды на автомобилях лиц злонамеренных и даже шпионов» [2, д. 5165, л. 24]. На военные нужды привлекалось и местное население полуострова. Для доставки закупленного для армии хлеба практиковали добровольные и принудительные гужевые перевозки [3, д. 1156, л. 10; 4, , 6815, л. 2].

Проанализировав дорожно-транспортную систему Крыма накануне Великой Российской революции можно констатировать, что полуостров обладал широкой сетью грунтовых и шоссейных дорог, имел благоустроенные порты в Севастополе, Евпатории, Керчи, Феодосии и Ялте. Активно эксплуатировалась железная дорога для мирных и военных нужд. С приходом Советской власти, уже в 20-е гг. XX в. начинается индустриализация в стране и активизируется политика, направленная на строительство новых и реконструкцию старых путей сообщения.

Список литературы

1. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф.27, Оп.13
2. . 2.ГАРК. Ф.27, Оп.13.
3. ГАРК. Ф.42, Оп.1.
4. ГАРК. Ф. 162, Оп. 2.
5. Материалы для описания русских коммерческих портов и истории их сооружения: Вып. 1–36. – СПб. : Комис. по устройству коммерч. портов, 1886–1902. – Вып. 27 : Джарылгатский залив, Евпатория, Севастополь. Результаты изысканий, произведенных в 1896 году / сост. В. Ю. Руммель. – 1899. – 617 с.
6. Об учреждении перевозки арестантов по вновь открытым железным дорогам Лозово-Севастопольской и Ростово-Владикавказской: Закон от 9 декабря 1875 г. // Полное собрание законов Российской Империи. – Собр. 2. – СПб., 1877. – Т. 50. – № 55349.
7. Систематический свод постановлений Симферопольской Городской Думы за 41 год (1871 – 1911 гг.) / сост. Л. Я. Александров. – Симферополь : тип. Г. М. Эпеля и Ф. Т. Коршунова, 1912. – Т. 1.
8. Постановления Таврического очередного губернского земского собрания с 2 по 16 декабря 1875 г. – Симферополь: тип. С. Спиро, 1876.

Филатов Ю.И.

Донецкий центр Института
Востоковедения им. А. Крымского
(Донецк, ДНР)

ДОНБАСС В РЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИИ РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА.

Аннотация. Автор исследует место Донбасса в планах иностранного капитала по осуществлению Февраля 1917 г. и роли донецкого пролетариата в утверждении свершений Великого Октября 1917 г.

Ключевые слова: рабочий класс, иностранный капитал, тяжелые отрасли промышленности, синдикаты, революционная борьба, Советы.

Filatov Yu.

Donetsk centre of the Institute
Of Oriental studies named after A. Krymsky
(Donetsk, DPR)

DONBASS IN THE REVOLUTIONARY HISTORY OF RUSSIA THE BEGINNING OF THE XX CENTURY.

Abstract. The author explores the place of Donbass in the plans of foreign capital for the implementation of the February 1917 and the role of the proletariat in Donetsk approval of the achievements of the Great October revolution of 1917

Key words: the working class, foreign capital, heavy industry, syndicates, revolutionary struggle, the Councils.

О значимости и масштабности любого исторического события судят по его результатам. Единый культурно-исторический стандарт учебной литературы по истории объединяет Первую революцию в России 1905–1907 гг. с переворотами в Феврале и Октябре 1917 г., а в последнее время и с Гражданской войной в одну Великую Российскую революцию, которая стала главным эпохальным событием, изменившим историю XX в. А.И. Фурсов видит закрепление ее результатов в решениях XVIII съезда ВКП(б) в 1939 г. Как свидетельствует 100-летняя история, Великая революция продолжается в современных условиях борьбы за Донбасс, за Россию. Документы и исследования подтверждают значение октябрьских событий 1917 г. в

сохранении российской суверенности и преодоление стремления Запада к экономическому покорению русской цивилизации.

К началу XX в. европейские страны властвовали в менее экономически значимых частях евразийского континента не менее пяти-шести столетий, что дало им возможность превзойти остальной мир в технологиях, но и они стали зависимы от товаров своих колониальных владений, и, прежде всего, от полезных ископаемых. Контроль над их добычей и доставка постепенно дорожали. Доходы «дешевого» этапа колониализма поставили проблему поиска новых форм эксплуатации. Эти задачи стали решать сформировавшиеся на тот момент времени транснациональные корпорации, которые через экономическую элиту стран-доноров размещали свои инвестиции и технологии, постепенно подчинив собственным интересам инфраструктуру государств «нового» колониализма. Через банковскую систему их экономические, финансовые результаты стали обогащать международный капитал, превращая периферийные государства в вечно «бедных родственников». Подробно эту схему развития капитализма развенчивает А.Е. Лебедев в своей работе «Охота на банкира. О коррупционных скандалах, крупных аферах и заказных убийствах» [14]. Автор доводит исследование до XXI в., но история России XIX-начала XX вв. свидетельствует о процессах разработки «нового колониализма» со стороны Запада именно в Российской империи, используя создание в Донбассе пятой промышленной зоны в мире.

Экономической экспансии предшествовало детальное изучение промышленности, географической демографии страны. Интерес Запада к донецкому краю прослеживается с 1843 г. когда Ле-Пле опубликовал на французском языке подробное геологическое исследование донецкого края. В нем содержались данные о месторождениях каменноугольных и железно-рудных месторождений с указанием мощности пластов, их качества и положений (вертикальных и горизонтальных). В приложении к книге имелась карта выходов пластов на поверхность и были проведены их границы в юго-восточной части региона [24]. Эти многолетние изыскания концентрировались

только в Академии наук России. Вот они и составили «государственную тайну за семью печатями». В библиотеке Государственного департамента США до сих пор хранятся карты 1901 г. о выходе на поверхность ископаемых на пути прокладки Байкало-Амурской магистрали, строительство которой в СССР началось спустя 70 лет.

Целью исследования является анализ деятельности международных экономических компаний по использованию угольной и металлургической базы Донбасса, способствовавшей созданию и развитию революционных событий 1917 г. Понимание эпохальности главного события XX в. без анализа участия Донбасса в российском историческом процессе конца XIX– начале XX в. будет далеко не полным.

Создание в Донецком регионе промышленной зоны отвечало наиболее благоприятным требованиям расположения полезных ископаемых для функционирования отраслей тяжелой промышленности, логистики железнодорожных и морских (через порт в Мариуполе) перевозок в центр России и в Европу. Точная информация о социально-политической и экономической обстановке в России, планов ее пореформенного развития дали возможность Западу направить на длительную перспективу усилия царского самодержавия в выгодном для себя экономическом плане.

Промышленный рывок России после реформ 60-х гг. XIX в. и модернизации на рубеже XX в. встраивал страну в мировую экономическую систему, создав для иностранного капитала выгодные донорские условия без перспектив ее выхода в мире на передовые индустриальные позиции.

Таможенные барьеры России для готовой продукции в стране гарантировали прибыль в 3–4 раза большую, чем при производстве подобных изделий в западных странах. В Российскую империю хлынули европейские деньги. Банкиры Франции и Бельгии убедили царское правительство в совместной ответственности за развитие юга страны вместе. При участии французского капитала было создано в 1872 г. первое в крае Акционерное общество по добыче угля. В дальнейшем Франция при поддержке бельгийского

капитала распространила свое влияние на металлургическую, химическую, машиностроительную отрасли.

Англичанами в Юзовке (ныне Донецк) было организовано «Новороссийское общество каменноугольного, железного и рельсового производства» в 1869 г., которое впоследствии поставляло рельсы для Транссибирской магистрали «Москва-Владивосток».

Догоняющая модернизация России второй половины XIX в. оказалась дорогой не ведущей к изобилию и процветанию, а путем постепенного экономического подчинения страны. Создание отраслей тяжелой промышленности произошло в конце XIX в. в основном на деньги иностранных предпринимателей, государство так же участвовало в модернизации на займы, взятые в крупных европейских банках. Прибыль от работы предприятий, покрывая первоначальные затраты, уходила за границу в виде процентов на погашение займов, а не шла на дальнейшее развитие технической оснащенности промышленных предприятий, развитие транспортной инфраструктуры или решение социальных проблем. В это же время в ведущих европейских державах странах появлялись и успешно развивались новые современные отрасли, способствовавшие еще большему экономическому отрыву Европы от России.

Страна постепенно встраивалась в экономическую систему Европы, хотя и на правах периферийного сырьевого государства. Предоставляемые царским правительством льготные условия для предпринимательства и появившиеся после 1861 г. в достатке дешевые рабочие руки, давали фабрикатам огромные прибыли, которые умножались отсутствием расходов на элементарные условия труда и сносные условия жизни наемных работников.

Иностранный капитал занимал главенствующие позиции в ведущих отраслях российской промышленности. Так, например, в металлургии и машиностроении доля немецкого капиталовложения составляла 71,8 %, французского – 12,6 %, бельгийского – 7,4 %. Русские же деньги составляли 8,2 %. [4]. Аналогичная ситуация была и в банковско-финансовой сфере. Из

крупных банков только один Волго-вятский имел полностью российский капитал. Ведущие финансовые учреждения империи – Петербургский международный, Русско-китайский, Азовско-Донской и другие имели большую часть денег и активов зарубежного происхождения.

К 1900 г., за десять лет модернизации южный район стал ведущим в стране по всем видам металлургической и горной отраслям. На Донбассе насчитывалось 15 металлургических заводов, которые выплавляли 73,8 млн. пудов железа и стали. В 1913 г. соответственно 141 [24, с. 70-71], т.е. почти вдвое больше уральского региона. Общее состояние тяжелой промышленности края отвечало определению В.И. Ленина о крупной машинной индустрии, когда «все более и более обобществляется производство страны, а вместе с тем и участники производства» [16, с. 551].

На предприятиях Донбасса трудилось немало квалифицированных рабочих – выходцев из промышленных центров России: Москвы, Петербурга, Брянска, Сормово, Тулы и др. Часто это были люди, уволенные с предприятий за революционную деятельность. Основные же кадры донецкого региона в период империализма продолжал черпать из деревень центральных губерний страны (Орловской, Курской, Воронежской, Тульской, Тамбовской, Калужской, Рязанской), ряда малороссийских (Екатеринославской, Черниговской), Области Войска Донского и Могилевской губернии. [29, с. 75]

В 1913 г. бассейн стал первым по добыче угля в стране (25 млн. тонн), втрое обогнав Домбровский бассейн [1, с. 444]. Характер подземных работ был индивидуален, хотя и требовал навыков и физической силы. Это позволяло крестьянам в свободное время от ухода за землей овладеть профессией угледобытчика. Но без чувства ответственности за жизнь друг друга шахтерский труд невозможен. Индустриальный труд на предприятиях вырабатывал чувство коллективизма и социальной солидарности, что и обусловило массовое прохождение школы классовой борьбы тружеников. (Это чувство локтя, взаимовыручки и взаимоответственности только росло и укреплялось в годы

советской власти, и обманным путем было весьма эффективно использовано ее врагами при развале СССР).

Иностранцы так сумели обусловить участие своего капитала в создании индустриального кластера Юга, что Россия стала постоянно нуждаться в долгосрочных кредитах. Подъем 1900-х гг. во много основывался на займах и заказах правительства, внутренний рынок по-прежнему нуждался в изделиях отечественных отраслей промышленности. Общественное мнение весомо указывало на ущерб народному хозяйству приносимой политикой монополий. Это давление вынудило царизм уже в 1901 г. образовать комиссию по ограничению влияния монополий, но ее создали из представителей этих же кругов, что и обусловило безрезультативность ее деятельности. Давление иностранного капитала возрастало по мере увеличения подкупа правительственных чиновников и трансформации возникающего экономико-финансового влияния в политическое.

Выход из промышленного кризиса 1900–1903 гг. потребовал привлечения свободных финансовых средств, что нашло отражение в мобилизации капитала путем акционирования крупных капиталов, прежде всего горной и металлургической отраслей. Реорганизация отдельных предприятий в АО была быстро осуществлена через российские банковские учреждения, являвшиеся по существу филиалами крупных зарубежных банков [34].

Первым в 1902 г. на франко-бельгийские деньги был создан синдикат в форме АО «Продамет», который через несколько лет монополизировал 2/3 южнорусского производства различных видов металла и распространил свое влияние на Центр и Северо-Запад страны, отчасти Урала. Он реализовывал накануне Первой мировой войны от 75 % до 95 % всей продукции металлургической промышленности России [23, с. 73]. В 1904 г. появился синдикат «Продуголь», который объединил шахты только с коксующимся углем – 60 % от общей добычи топлива в крае (81 % реализуемой прибыли получали иностранцы, 19 % – русские предприниматели) [2, с. 8]. Потребителями продукции объединения были металлургические заводы и

казенные железные дороги, другие оптовые покупатели. Правление последнего номинально находилось в Петербурге, но фактически синдикат подчинялся особому французскому комитету банков и углепромышленников в Париже [12, с. 7]. До 1913 г. местопребывание синдиката находилось в столице Франции, а представлявший строжайшую тайну устав был написан на французском языке.

Собственники предприятий заботились исключительно о своих доходах. Тяжелое положение пролетариата проанализировано подробно в первом исследовании о революции 1905–1907 гг. в Донбассе Т. Харченко в 1926 г. Подводя его итоги, он емко охарактеризовал их как бездну каторжных и колониальных условий жизни и труда [19, с. 7–11].

История полна свидетельств о безуспешности самых свирепых полицейских репрессий, которые оказывались бессильными перед разливающимся морем народного гнева людей, проникнутых идеей о нарушении справедливости существования русской цивилизации. Именно таким проявлением и была Первая русская революция 1905–1907 гг., о чем свидетельствуют революционные события в донецком крае.

Январские и февральские забастовки 1905 г. пролетариата донецкого бассейна были ответом на «Кровавое воскресенье» 9 января и положили начало в крае Первой русской революции 1905–1907 г. Никакие свирепые полицейские репрессии не смогли остановить выступление масс против существующего положения.

Первая в истории Донбасса двухнедельная забастовка началась 22 января 1905 г. на Петровском (ныне Енакиевском металлургическом) заводе. Рабочие держались стойко, несмотря на угрозы увольнения. Требования бастующих были в основном удовлетворены. Газета «Искра» неоднократно освещала их борьбу [24, с. 14–15]. Из всех забастовок в крае наиболее массовым, организованным и политически направленным было выступление в феврале работников луганского паровозостроительного завода Гартмана. К ним присоединились рабочие патронного и других предприятий, ремесленники,

булочники, приказчики города. В первые же дни оно переросла в общую политическую стачку всего региона. Гартмановцы добились сокращения рабочего дня до 9 часов и в дни получки до 7,5 час, а также значительного повышения зарплаты [25, с. 125–130].

Наиболее передовые рабочие заводов луганского промышленного района – паровозостроительного, патронного и Алчевского металлургического – создавали на предприятиях избираемые комиссии, которые защищали их интересы. Они назывались депутатскими собраниями, являясь прообразом Советов как органов пролетарской власти [25, с. 126–129]. В 1905–1906 гг. только создатели паровозов добились повышения зарплаты на 921,6 тыс. руб. и сокращения штрафов в 11 раз [25, с. 125–126].

В октябре-декабре 1905 г. на ряде железнодорожных станций, заводов и шахт края создавались распорядительные и стачечные комитеты. Они вводили явочным порядком 8-ми часовый рабочий день, устанавливали цены на продукты, организовывали охрану населения от погромщиков и хулиганов. Выборы в комитеты производились на основе открытого голосования. Логика революционной борьбы продиктовала создание рабочих дружин на предприятиях, железнодорожных станциях [19, с. 38].

Всеобщая российская политическая стачка в декабре 1905 г. ознаменовалась в регионе не только повсеместными вооруженными выступлениями с жертвами народа, но и настоящим боем в Горловке. 16 декабря военной командой был произведен залп в безоружную толпу бастующих рабочих машиностроителей в ответ на отказ выдать руководителей забастовки. Было убито и ранено несколько человек. Горловчане обратились за вооруженной помощью к рабочим дружинам края, которые стали прибывать по железной дороге. Откликнувшихся на призыв рабочих и крестьян оказалось гораздо больше, чем имевших оружие. Из руководителей боевых дружин, прибывших в Горловку, был организован штаб. Из четырех тысяч дружинников лишь несколько десятков имели винтовки, револьверы или охотничьи ружья. Остальные были вооружены холодным оружием. 17 декабря состоялся бой с

регулярной воинской частью, которая отступила. Но дальше развить успех не удалось и войска в конечном итоге победили. По сообщению газеты «Горнозаводского листка», из числа восставших погибло 33 чел. Официальные данные царских властей – около 300 чел. [17, с. 67]. Опыт вооруженных восстаний в ряде городов России, в том числе и в Горловке, призвал собирать В.И. Ленин [6, с.180].

Революционные события в крае продолжались до 1907 г. [19, с. 42–43], но были кроваво подавлены. Многие получили тюремные сроки, 8 чел. активных участников горловского восстания были приговорены к повешенью, а 127 чел. к различным тюремным срокам.

О решимости и убежденности лучших сынов народа идти до окончательной победы над самодержавием свидетельствует письмо главы большевистской организации Петровского завода, председателя Енакиевского Совета рабочих депутатов, одного из руководителей горловского восстания Г.Ф. Петренко-Ткаченко: «...через минуту меня повесят за дорогое для нас дело...бодро и смело смотрю прямо в глаза своей смерти, и смерть меня страшить не может, потому что я социалист и революционер, знал, что меня за отстаивание наших классовых интересов по головке не погладят, и я умел вести борьбу.... Умею и помирать за наше общее дело так, как подобает честному человеку» [9, с. 71]. Имеющаяся фотография осужденных на каторгу не свидетельствует о их подавленном состоянии. Реакция победила, но это было затишье перед бурей. Трудящиеся копили силы для новых боев.

Движение капиталов между Россией и иностранным денежным рынком в начале нового века совпадает с социально-экономическими и политическими процессами в стране. На первом этапе в 1904–1905 гг. шел отток капиталов, в том числе и иностранных, из империи и сотни миллионов рублей золотом оказались на Западе. Самодержавие было занято подавлением Первой русской революции 1905–1907 гг. Ее плодами стал Манифест 17 Октября 1905 г. с его вожделенными свободами и созыв Государственной думы.

Государственный долг России в 1906 г. равнялся 7,68 млрд. руб. (3/4 – внешний долг при государственных доходах 2,03 млрд. руб., четвертая часть доходов покрывалась займами. Западные банкиры выделяли 843 млн. руб., но сразу же вычли проценты, и Россия получила чистыми 677 млн. руб. Председатель Совета Министров страны С.Ю. Витте с радостью писал, что это помогло пережить все перипетии 1906–1910 гг., а запас денег, вместе с возвращенным из Забайкалья войском, восстановить порядок и самоутвердиться.

Финансовое подчинение огромной державы активно продолжалось, что с радостью воспринималось правителями. 13 декабря 1906 г. французский синдикат фондов маклеров предложил царскому министру финансов В.Н. Коковцеву – своему старому партнеру и благожелателю по получению займов в последние десятилетия XIX в. – образовать мощную финансовую группу (далее стилистика сохранена): которая «изучит с помощью французского капитала солидные коммерческие и промышленные предприятия к широкому развитию». Подчеркнули, что речь идет о находящихся «на полном ходу: позволяющих вознаграждать заинтересованный капитал». Всего через неделю последовал самый благожелательный ответ. Без одобрения на заседании Совета Министров подобное решение не могло быть принято.

Такая зависимость лишила Россию политической самостоятельности, что вскоре и продемонстрировало втягивание страны в чуждую ее интересам Первую мировую войну 1914–1918 гг.

На втором этапе (1906–1909 гг.) после стабилизации экономической конъюнктуры иностранный капитал возвращается в российскую экономику, но в незначительном количестве.

Третий этап (1904–1914 гг.) – период активного привлечения западного капитала царским правительством.

Четвертый этап (1914–1917 гг. и далее) характеризовался всевозможными займами различных размеров. (В исследованиях западных авторов отсутствует точная цифра краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных займов. Эту

кабалу разрушила Октябрьская революция 1917 гг., но о займах и сегодня грезят и напоминают западные кредиторы, в частности – Франция).

Западный капитал последовательно продолжает политику изменения топливного баланса страны в пользу угля, создает решающую зависимость предвоенного подъема народного хозяйства России от него и успешно поднимает цены на минеральное топливо при искусственном ограничении добычи.

Потребление мазута на топливном рынке угольными монополиями преобладало над его потреблением нефтяными монополиями, тем самым они создавали для себя возможности решающего влияния на подъем русского экономического организма в предвоенные годы. Уже это отмечалось как чудо при хроническом недостатке топлива. Монополии продолжали наращивать политику наживы в годы Первой мировой войны при полном игнорировании интересов России.

В.И. Ленин хорошо знал и раскрыл высокий уровень концентрации производства и капитала в промышленности Донбасса как объективной основы монополизации и роль международного банковского капитала в этом процессе [23]. Историки советского периода впоследствии только добавили фактический материал. Парадоксально, но синдикаты «Продуголь» и «Продамет» через съезд горнопромышленников Юга с целью монополизации рынка воздействовали на правительство в деле покупки за границей угля, кокса и чугуна. И это при том, что мощности по добыче минерального топлива использовались на 50–60 %, редко 75 %, домны гасились и даже закрывались металлургические заводы. В обоих синдикатах устанавливались квоты на производство продукции, когда за их невыполнение предприятия премировались, а за сверхпроизводство штрафовались. Монополизация сбыта угля и производства металла повышала цены на рынке и подтягивала внутренние при импорте топлива и металлоизделий.

Как устойчивое состояние российского топливного хозяйства угольный голод пришел в Россию в 1908 г. и предвоенный подъем русской экономики

происходил на фоне острого дефицита угля, когда снимались рейсы коммерческих пароходов из-за его недостатка и паровозы переводились на дрова. Это показатель диспропорции тогдашней русской экономики, ее неустойчивого роста, результат политики монополий.

Справка из книги М. Галицкого «Иностранные капиталы в русской промышленности перед войной»: «Добыча угля в 1912 г. на рудниках 36 акционерных обществ Донбасса составляла 806,78 млн. пудов (13,2 млн. т). 25 АО имели почти исключительно иностранный капитал, они добывали 95,4 % угля от добычи АО. Правления 19 АО из этих 25 находились в Бельгии и Франции. В руках иностранных обществ было свыше 70 % общей добычи угля в Донбассе...» [30, с. 123].

Новый революционный подъем в России с 1912 г. был прерван Первой мировой войной в 1914 г., которая стала тяжелым испытанием для жителей края. Начало нарушаться централизованное снабжение городов, рыночные цены на товары возросли в несколько раз. Рост зарплат не успевал за их повышением, значительно увеличился рабочий день.

Война обнажила недостаточную развитость промышленности при производстве составляющих для снарядов (ранее ввозившихся из Германии) и полное отсутствие выпуска нервнопаралитических газов. Для ликвидации «снарядного голода» и выпуска газа фосгена в районе Лисичанска построили в 1914-1916 гг. первые предприятия на казенные средства. Увидев выгоду, подключился и иностранный капитал. Выбор донецкого края был не случаен, так как существовала угроза захвата немцами Петрограда, в Юзовку эвакуировали и часть Путиловского завода [9, с.15–17; 10, с.107–119]. Для производства дополнительно требовался уголь. На государственные средства построили 48 шахт, хотя возможности только рудников с добывающей способностью 5 и более миллионов пудов угля в год использовали немногим более чем половину. Так с целью увеличения цен искусственно создавался «топливный голод». Хозяева синдикатов и правительство, защищая монополии, объясняли его причины общим хозяйственным подъемом, ростом объема

перевозок, вытеснением дров углем и т.д. [23, с. 74]. В небывалых размерах буржуазией использовался подкуп царских чиновников. Наиболее влиятельные из них приглашались на выгодные посты в акционерные общества и банки. Министр путей сообщений С.В. Рухлов и министр торговли и промышленности С.И. Тимашев входили в правление синдиката «Продуголь». В свою очередь руководители банков и монополий назначались на ответственные посты в государственном аппарате. Председатель совета «Продуголь» и десятка акционерных обществ Н. Авдаков одновременно был членом Государственного совета, членом совета при министре торговли и промышленности, заседал в различных правительственных комитетах по горнопромышленным и железнодорожным делам [8, с. 137].

Свидетельством обогащения и экономической диверсии монополий против русского национального организма является ввоз угля для потребностей Севера и Центра страны с 1908 г. до начала Первой мировой войны из Германии и Англии, тем самым субсидирование их угледобывающей промышленности. Он был дороже российского на 20 %, а в отдельные годы на 50 %. Страна теряла миллионы золотых рублей только на разнице цен, и оплата его превратилась в главную статью внешней торговли империи. Ввозили 7,5 млн. пудов не облагаемого почему-то пошлиной английского топлива, а в отчете «Продугля» только за 1913 г. одного донецкого «Общества Прохоровских каменноугольных копий» указывалось на 30 млн. пудов неиспользуемых резервов для добычи. В ответ последовал запрет.

Страна бурлила от возмущения политикой угольной монополии, Министерства железнодорожного транспорта и военные создали специальную комиссию для расследования такой деятельности, но практически все оставалось по-прежнему.

1 июня 1914 г. после получения четвертого (!) раппорта Харьковский прокурор по особым делам передает собранные вопиющие материалы о деятельности «Продугля» против России в уголовную палату (не коммерческую!). Министерство юстиции державы дает указание о

прекращении следственных действий. 18 сентября 1914 г. посол Франции обратился в Министерство иностранных дел России с официальным представительством в пользу «Продугля». Суд закрывает дело против углепромышленников-монополистов по «недостаточности улик».

Во Франции и Бельгии находились правления 19 из 36 АО, действовавших в Донбассе, там же решались вопросы объемов добычи и цены на топливо.

Июль первого года войны был отмечен стачками антивоенного характера, а в последующие годы экономического и политического. По сравнению с Петербургским и Московским промышленными районами размах стачечной борьбы в донецком крае был ниже, так как за годы войны значительно изменился состав трудящихся на предприятиях. Около 40 % кадровых рабочих мобилизовали на фронт. Много большевиков и революционно настроенных рабочих оказалось в тюрьмах, на каторге и в армии. Женщин и подростков до 15-ти лет допустили к подземным работам. В конце 1916 г. на шахтах края насчитывалось 12,8 тыс. женщин и 18,7 тыс. подростков. Это сказалось на уровне доходов семей, так как до революции расценки на одни и те же работы для женщин были ниже, чем для взрослых мужчин, на 25 %, а для подростков – на 50 %. Крайне тяжелыми были жилищные условия трудящихся, особенно шахтеров. Из-за недостатка рабочих рук предприятия Донбасса привлекли военнопленных. В январе 1917 г. на 291 тыс. горнорабочих военнопленных было 75 тыс., а военнообязанных мужчин 129 тыс. Предприятия края наводнили укрывающиеся от мобилизации разношерстные мелкобуржуазные элементы, которые даже платили начальству большие деньги за сокрытие от войны «по броне». Это был самый отсталый и трусливый элемент, всегда готовый к предательству, срыву стачек и требований тружеников. Об этом писала газета «Правда» 11 мая 1917 г. [13, с. 26–25].

Буржуазия Юга попросила царское правительство привлечь рабочих, которые не были бы «подвержены колебаниям». В 1916 г. была создана организация «Китоперс» для массового ввоза в Донбасс рабочих из Китая,

Персии и Индии (из последней не состоялось). Шахтовладельцы решили заменить непокорных дешевым и совершенно неорганизованным «желтым трудом». Первые же партии китайских и персидских рабочих были поставлены в рабские условия с круговой порукой, когда за каждого сбежавшего остальные были обязаны платить предпринимателю ранее затраченное на его содержание. Их поместили в сырые землянки, а платили мизерную зарплату даже по сравнению с местным людом [12, с. 10].

Привлечь рабочих из этих восточных стран подвинуло то, что казанские татары-мусульмане показали себя с момента развития промышленности хорошими работниками и составляли значительную часть прежде всего шахтеров. Они постоянно жили и работали на предприятиях и отвлечений на связь с землей у них не было. Как правило, они селились по принципу землячества и составляли на некоторых шахтах большую часть работающих. Это было характерно для Макеевки, Чистяково (ныне Торез), Катыка (ныне Шахтерск) и др. В 1920–30-е гг. татары и китайцы выделялись в отдельную графу «национальность» при рассмотрении состава рабочих.

Рабочее движение в годы войны уменьшилось, но не прекращалось. Даже представители правительственного военно-промышленного комитета, характеризуя кадровый состав предприятий Юга, в сентябре 1916 г. отмечали, что 80 % тружеников (военнообязанные, военнопленные, женщины, подростки, беженцы) не могли отстаивать свои элементарные права в условиях военного положения, что давало огромную выгоду предприятиям [10, с. 11].

В годы войны число стачек и участников в них постоянно росло. За 1914 г. (VII–XII), 1915, 1916, 1917(I–II) произошло 182 забастовки шахтеров и металлистов, в них приняло участие 184894 чел., стачки с политическими требованиями достигли около 30 % в 1916 г. [8, с. 178–179].

Международный капитал в целях получения сверхприбылей безнаказанно грабил страну и готовил крах народного хозяйства России. Угля катастрофически не хватало [12]. Из-за его недостатка частично или полностью бездействовали некоторые металлургические заводы [5, с. 139; 15, с. 169].

Буржуазия не считалась ни с какими нуждами народного хозяйства страны и довела его до хронического недопроизводства металла. В 1916 г. уровень выпуска металлургии на Юге был ниже довоенного на 7 %. Газета промышленника Рябушинского «Утро России» признала, что «Продамет» своими спекулятивными аферами довел страну до металлургического голода. Громкие разоблачения и редкие судебные вердикты положения не изменили.

Фактического материала исследователей советского периода о действиях международного капитала через синдикаты «Продуголь» и «Продамет», других в избытке, начиная с первых лет советской власти. Но действия их рассматривались изолированно от многоходовки по уничтожению самодержавия и самостоятельности российского государства. Посредством остановки промышленности Донбасса страна подводилась к катастрофическому расстройству народного хозяйства: нет топлива – нет металла – нет продукции машиностроения – нет подвоза продукции сельского хозяйства – нет железнодорожной и морской логистики – экономическая жизнь огромного государства замерла, иностранный капитал может добиться желаемого результата.

Несомненный интерес представляет недавно введенная в научный оборот датированная маем 1917 г. конфиденциальная записка в швейцарское министерство иностранных дел. Она была предоставлена швейцарским промышленником, работавшим одно время у С.Ю. Витте. Из анализа его материала следует, что не будет преувеличением определить основной причиной крушения России недостаток угля. Это сначала подняло цены на него, а остальные цены автоматически поползли вверх и постепенно рос выпуск бумажных денег.

Металлургические заводы из-за отсутствия топлива ограничили свое производство или полностью останавливались. Их ограниченного производства было недостаточно для военных целей. На рынок перестала поступать продукция металлопроизводства, крестьяне стали ограничивать продажу продовольствия. Отсутствие топлива резко сократило логистику

железнодорожных перевозок и поставки продовольствия в города и промышленные регионы. Как следствие, в условиях ухудшающихся условий жизни снижалась производительность труда. Автор записки заканчивает выводом о том, что к началу революции вследствие недостатка сырья были закрыты многие предприятия, а в городах и промышленных центрах на складах хлеба осталось всего лишь на несколько дней [27].

Следует подчеркнуть роль рабочего класса Донбасса в созревании революционной ситуации в России. Его высокая концентрация на крупных предприятиях определяла масштабность выступлений и влияние в государстве. Жестокая капиталистическая эксплуатация воспитывала непримиримость к своему положению. Особо следует указать на тесный союз с крестьянством. Все это превратило Донбасс в мощную революционную силу страны.

Революционное движение в Донбассе оказывало постоянно влияние на крестьянское движение как в крае, так и в близлежащих губерниях. Горнозаводские предприятия располагались на обширной территории и вчерашние крестьяне, в силу обстоятельств ставшие рабочими, в своем большинстве не теряли связи с землей. На заводах Славянска по производству стекла, соды, керамики из 9 тыс. работающих большинство составляли выходцы из окрестных сел. Подобное положение было характерным для предприятий региона, которые постоянно пополнялись вчерашними крестьянами многих регионов России. Столыпинская аграрная реформа весьма этому содействовала. Бахмутский уезд (ныне Донецкая область) ярко это иллюстрирует. К 1915 г. из 104,2 тыс. хозяйств не имели: вообще скота 48,8 %, рабочего – 70,7 %, коров – 64,3 %. В результате 68,1 % хозяйств оставались без посевов [20, с. 11].

После окончания сельскохозяйственных работ в сентябре крестьяне края и близлежащих губерний массово устремлялись на работу в Донбасс. Добыча угля возрастала в осенне-зимний период, и крестьянство волей-неволей вынуждено было участвовать в классовой борьбе, так как она затрагивала их

экономические интересы. Возвратившись домой, они уже имели постоянно увеличивающийся опыт борьбы за свои классовые интересы.

К началу 1917 г. страна остро нуждалась в разрешении вековых социально-экономических противоречий. В правящей верхушке, банковской олигархии, различных группах буржуазии было несколько мнений о путях их разрешения и тем самым удовлетворения своих интересов. Народ же видел один путь – устройство жизни на справедливых началах. Историк А. Пыжиков дает подробный расклад сил империи накануне Февраля и далее до свершения Октября в статье-интервью «Революция 1917 года: от «хлебной сверхдержавы» до промышленного гиганта» [21]. В этих сложнейших политических и идеологических условиях гений В.И. Ленина проявился в том, что он сумел уловить гул времени и сформулировать чаяния широких масс о справедливости, а также указать пути достижения этого архетипа вековых устоев жизни русского народа. Именно в этом успех и понимание политики большевиков после Октября 1917 г. подавляющим большинством русского народа, включая наиболее дальновидных представителей прежней аристократии, военных и интеллигенции в последовавших за Октябрем исторических процессах в стране. Они и привели к победе над всеми врагами и созданию «Красной империи» – СССР.

К 1917 г. в масштабе страны антагонизм в политике, в социальных отношениях, экономике дошли до последней черты. Но разрешиться они могли только в пользу одного из двух субъектов. Первый – неоднородные петербургские масонские внутренние силы, но со своим видением победы и выгоды. Столичные банкиры в союзе с царской администрацией, тесно связанные с глобальным капиталом, намечали индустриальный рывок, но он неминуемо вел в новый ресурсный тупик страны. Война прервала осуществление этих планов, но позволила сказочно обогатиться мировому капиталу и кругам русской буржуазии.

Московское купечество не имело выгоды в планах петербургской группы и попыталось перехватить первенство, повернуть развитие России в своих

интересах. Если «петербуржцы» не интересовались сопутствующей перевороту политической составляющей, ибо слишком уверовали в свою победу, так как были связаны с Западом, то «москвичи» установили тесную связь с Думой и партиями различных социалистических направлений и финансировали их. Им удалось переиграть петербургских банкиров в февральских событиях.

При любом раскладе сил будущее у России как процветающей империи не просматривалось. Силы капитала позволили бы развиваться событиям только в свою пользу, которая заключалась в окончании вековых попытках Запада по ликвидации России как глобального конкурента и подчинении русской цивилизации собственным интересам. Миф о «демократических преобразованиях» февраля на пути «как в Европе» подобен нынешним украинским иллюзиям майдана. Учитывая огромную зависимость от западного капитала, приход большевиков к власти спас Россию от распространения укрепления господства иностранного капитала.

Второй субъект исторических событий 1917 г. – народные массы – своими действиями приближали настоящую социальную революцию. Об этом свидетельствует весь ход российской истории первых десятилетий XX в., который ярко отобразился, как показывает приведенный материал, в революционной истории донецкого края.

Февраль 1917 г. всего за 8 месяцев показал гнилую суть правящей элиты монархических кругов, масонства буржуазии всех оттенков. Их политика вела лишь к радикализации масс и попытке подавить недовольство силой.

В крае, как и в целом по всей стране, уже в начале марта 1917 г. во многих городах и селах распускались старые органы власти. Наряду с созданием властных структур Временного правительства, на массовых митингах и собраниях граждан с участием различных политических сил формировались местные органы власти: общественные комитеты, Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Выступая как органы непосредственного революционного действия, они вторгались во все сферы

управления, принимая на себя ряд полномочий по решению наиболее злободневных вопросов, подменяя государственные органы.

4 марта 1917 г. были избраны Юзовский и Макеевский Советы, 5 марта – Бахмутский. За первую половину марта Советы образовали почти во всех городах и рабочих поселках края. В первые месяцы Февральской революции в Советах преобладали представители меньшевиков, эсеров, бундовцев [8].

В начале многие Советы края проводили соглашательскую политику с уездными комиссарами Временного правительства. После возвращения в начале апреля 1917 г. В.И. Ленина, публикации его «Апрельских тезисов» и Апрельской конференции ситуация резко изменилась.

В.И. Ленин уловил основные нужды широких народных масс в данный момент и это сыграло неоценимую роль в развитии общества, сделав инстинктивные действия масс сознательными. Он сформировал общественное мнение эпохи. Передовые силы осознали устремление масс и повели их за собой к достижению поставленных задач.

Апрельские тезисы В.И. Ленина были с энтузиазмом восприняты в Донбассе как новый политический курс партии. Выступление 5 апреля 1917 г. на Всероссийском совещании Советов рабочих и солдатских депутатов представителя большевистской организации Нелеповского рудника (Горловско-Щербиновский район) Н.И. Дубового пронизано всемерной поддержкой Апрельских тезисов. «Все, что тут товарищ Ленин предлагает, – подчеркнул он, – все это правильно, он во всем прав, 10 тыс. рабочих рудника самостоятельно организовали работу» [25, с. 42].

М.М. Костелевский – ветеран партии, активный участник борьбы за власть Советов свидетельствовал о большом интересе В.И. Ленина к выступлению Н.И. Дубового, отметившего на VII конференции РСДРП(б), что его «замечательная речь» произвела «наибольшее впечатление» [24, с. 358].

Нельзя не согласиться с С.Г. Кара-Мурзой, что Апрельские тезисы В.И. Ленина – это цивилизованный выбор по постановке неотложной политической задачи, когда отмечается буржуазная республика с ускоренным

развитием капитализма и последующей пролетарской революцией. Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов развивали вековые устои крестьянской жизни-общины. Это был единственный выбор для русской цивилизации, ведущий к отсутствию эксплуатации человека – к обществу будущего пути развития человечества – социализму [31].

Революционеры Донбасса повели активную борьбу за большевизацию Советов, подвергали критике политику меньшевиков и эсеров, отвечавшей интересам крупной буржуазии, и все чаще выдвигали радикальные требования. Постепенно большевики края заняли место левой оппозиции и начали завоевывать доверие масс. В городах, рабочих поселках, на шахтах и заводах создавались революционные штабы, рабочие дружины, формировались отряды Красной гвардии, ревкомы. Профсоюзы с помощью рабочей милиции организовывали охрану заводов, шахт, поселков, контроль за ценами на продукты питания. В ряде мест созданные органы по борьбе с контрреволюцией стали контролировать деятельность органов власти.

С июня 1917 г. начался рост большевистских организаций Донбасса, их организационное укрепление. После расстрела июльской демонстрации (1917 г.) в Петрограде предприниматели Донбасса закрыли 154 шахты, сократили производство на ряде металлургических заводов. Тысячи рабочих оказались без средств к существованию. Резко ухудшилось продовольственное положение, краю угрожал голод. Пролетариат ответил забастовочной волной, усилилась борьба крестьян за землю. Они захватывали помещичьи угодья, имения. В августе 1917 г. при попытке генерала Корнилова военным путем восстановить порядок в Петрограде в крае начали избирать ревкомы и формировать красногвардейские отряды. Были организованы стачки протеста против действий Л.Г. Корнилова. В процессе борьбы против корниловщины усилилась большевизация Советов. Уже в первой половине сентября 1917 г. Советы Алчевска, Горловки, Щербиновки, Никитовки, Краматорска, Луганска высказались за большевистский лозунг «Вся власть Советам». Всего в Донбассе к октябрю 19 из 24 крупных городских и районных Советов поддержали этот

лозунг. Борьба с корниловщиной способствовала политическому прозрению и крестьянских масс. Осенью 1917 г. борьба крестьян превратилась везде в настоящую войну против Временного правительства. В Бахмутском уезде, в Таганрогском округе в сентябре-октябре участились самовольные захваты крестьянами помещичьих земель [12, с. 138–139; с. 145–146; с. 103]. Крестьянская беднота выступала не только против помещиков, но и против кулаков, особенно отрубников. В газете «Приднепровский край» сообщалось 7 октября 1917 г., что в селе Государев-Байрак (близ Горловки) между крестьянами-общинниками и отрубниками на почве раздела земли произошли вооруженные столкновения, в которых были раненные и убитые. [3].

Логика революции диктовала дальнейшее ее развитие. В условиях непопулярной политики Временного правительства в интересах капитала, его неспособности прекратить войну и развал народного хозяйства с сопутствующими им тяготами жизни для населения, решить перезревший вопрос с землей для крестьян в аграрной стране – пролетариат края видел выход из этого круга во всеобщей забастовке всего Донецкого бассейна.

В телеграммах II областному съезду Советов Донецко-Криворожского бассейнов 6–12 октября 1917 г. рабочие Горловско-Щербиновского района писали о необходимости проведения всеобщей политической стачки, имея цель перехода к всеобщему восстанию. Съезд поддержал идею политической стачки, так как она отвечала духу времени.

Идея о всеобщей политической стачки высказывалась повсеместно в стране, была поддержана руководящими большевистскими органами страны и мыслилась перерастающей в вооруженное восстание. Уполномоченными ЦК РСДРП в Донбассе стали Г.И. Петровский, К.Е. Ворошилов, Ф.А. Сергеев (Артем) и др. Донецко-Криворожский областной комитет партии направил для этой работы на крупные предприятия края 60 человек.

Событие в Петрограде 25 октября сняли с повестки дня проведение всеобщей стачки донецких пролетариев [8, с. 232–234]. Октябрьский переворот с переходом власти в руки большевиков узаконил II Всероссийский съезд

Советов. Среди его делегатов находилось много испытанных вожаков революционного движения в Донбассе: Л.В. Залмаев, М.К. Афонин, С.А. Бондаренко, Л.Б. Горохов, Г.Д. Малашенко, В.П. Лотинов, А.А. Педрит, Ф.З. Чикирис и другие. Некоторые из них, прибыв в Петроград до его открытия, приняли непосредственное участие в начавшемся восстании и свержении Временного правительства [10, с. 132–133]. От Донецко-Криворожских бассейнов на съезде присутствовали делегаты 35 полновластных местных Советов, которые уже фактически осуществляли власть на местах. Анализ протокола голосования делегаций показывает, что 23 делегации высказались за безоговорочный переход власти к Советам в центре и на местах. У 12 делегаций была более расплывчатая «демократическая» позиция, выступая и «За власть Советов». Председатель Луганского Совета К.Е. Ворошилов и Г.И. Петровский были избраны в состав нового ЦИК. Возвратившись на места, делегаты включились в работу по проведению в жизнь решений, принятых на съезде [8, с. 144–153]. Декреты съезда Советов отвечали культурному коду народа России о справедливости как основы человеческой цивилизации.

В Донбассе о событиях в Петрограде узнали 26 октября. Трудящиеся на митингах и собраниях массово приветствовали Октябрьскую революцию и одобряли решения съезда. В ряде районов края еще до победы Октября Советы фактически имели власть. В протоколах Советов Луганска, Горловки, Макеевки и других нет специальных резолюций о взятии власти [21, с.22–23], а только приветствие и одобрение. Луганский Совет избрал «Малый Совнарком» [14, с. 11,12,15]. Эти Советы вели революционную работу и в близлежащих горнозаводских районах [5, с. 238]. В дни Октября активную роль в политической жизни Донбасса играл хорошо организованный пролетариат Горловско-Щербиновского района. Получив известие о событиях в Петрограде, декретах II Всероссийского съезда районный Совет поддержал их и объявил о полноте своей власти. На все важные пункты – почту, телеграф, железнодорожные станции, были назначены комиссары. Для борьбы с контрреволюцией по примеру Петербурга был утвержден Военно-

революционный комитет (ВРК) и ревтрибунал. Суду предавалась наиболее реакционные чиновники и отдельные предприниматели, занимавшиеся саботажем распоряжений Совета или дезорганизацией производства.

Октябрьские события привели в движение все социально-политические силы донецкого края. В Луганске, Краматорске, Горловско-Щербиновском районе Советская власть утвердилась сравнительно легко и быстро. В период подготовки Октября здесь были разгромлены соглашатели и националисты, Советы имели вооруженные силы и фактически являлись хозяевами положения. В Юзовке, Бахмуте, Мариуполе, Дружковке, Кадиевке, Алчевске, Гришино, Константиновке, Лисичанске и в ряде других городов и районов края Советская власть была установлена в ходе ожесточенной борьбы с меньшевиками, эсерами и националистами.

Постепенно в основной своей части Донбасс стал советским. 7–9 декабря 1917 г. в Харькове состоялся 3-й областной съезд Советов Донецко-Криворожского бассейнов. На съезде присутствовало 70 делегатов, представлявших большинство Советов региона. Основная часть делегатов шла за большевиками. Съезд закрепил установление Советской власти в бассейне [11, с. 165–167].

В целом число индустриальных рабочих за годы первой мировой войны увеличилось и к концу 1916 г. достигло около 370 тыс. человек. Донбасс стал главной угольно-металлургической базой России и третьим после Петербургского и Центрального промышленным регионом. Октябрьские события 1917 г. вызвали новые классовые бои [23, с. 75].

Изложенный материал подводит к непреложным выводам. К 1917 г. 60-летний пореформенный путь России привел не к расцвету державы, а к потере экономической независимости. Лишившись национального контроля над ключевыми отраслями экономики, правящий класс Российской империи потерял и политическую самостоятельность превращая феодально-капиталистическую, но все равно отличительную от западной русскую страну-цивилизацию в подчинение чуждой ей по мироощущению и духовной

составляющей жизни капиталистической Европе с властвованием золотого тельца. Втягивание России в не отвечающую ее национальным интересам войну принесло буржуазии огромные доходы, а народу лишение жизни сотен тысяч и обострение невиданных тягот.

Индустриальный Донбасс постоянно находился в центре происходящих событий в стране. Его тяжелая промышленность, особенно угольная отрасль, наряду с устранением полной безработицы крестьянства и существенным смягчением аграрного перенаселения в малороссийских и центральных губерниях Великороссии давала опыт классовой борьбы. Без существования индустриального кластера Донбасса малоземельные и безземельные крестьяне, особенно после непродуманной до конца Столыпинской реформы, огромными массами хлынули бы в не принявший их город, что привело бы к трудно прогнозируемым событиям и последствиям значительно ранее.

Великий Октябрь позволил похоронить вековые надежды Запада на обретение полного контроля над лакомыми российскими недрами. Октябрьское вооруженное восстание 1917 г. в Петрограде послужило тектоническим сдвигом во всех общественных сферах, утверждением Великой русской революции, ответом на коллективно вызревшую мысль народа об установлении справедливого строя в лице Советов. Триумфальное шествие Советской власти в регионе, как и по всей стране, яркое этому подтверждение. Русский народ показал будущий путь развития всего человечества.

Сегодня лучшие сыны России проявили сакральность земли Донецкой и встали в Донбассе на передовой рубеж защиты Родины, Русского мира. Восстание в крае 2014 г. - отсроченное во времени продолжение дела Великой Октябрьской социалистической революции. Историческая память о деяниях революционных предков продолжена в сопротивлении современному злу лучших сынов русской земли, в создании и утверждении ДНР и ЛНР.

Список литературы:

1. Большая Советская Энциклопедия. В 30 т. Т.8. – М., 1972.
2. Борьба за власть Советов в Донбассе. Сборник документов и материалов. Сталинское областное издательство. – М., 1955.
3. Варгатюк П.Л. В.И. Ленин и большевистские организации Украины в Октябрьской революции. – К., 1980.
4. Вахитов Р. Революция, которая спасла Россию – М., 2017
5. Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти на Украине февраль 1917 г. – февраль 1918 г. Хроника важнейших историко-партийных и революционных событий в двух частях. Часть вторая. – Киев, 1982.
6. Вестник Юга. 20 февраля 1905 г.
7. Второй всероссийский съезд Советов Р.и С.Д. – М–Л., 1928
8. Гончаренко Н.В битвах за Октябрь. – Донецк, 1974.
9. Гончаренко Н. Советы Донбасса в 1917 г. – Сталино, 1957.
10. Донбасс в революции 1905–1907 годов. Сборник документов и материалов. – Сталино, 1955.
11. История рабочих Донбасса: В 2 т. Т. 1: Рабочие Донбасса в эпоху капитализма и в переходный период от капитализма к социализму– К., 1981.URL:<http://infodon.org.ua/uzovka/43> (дата обращения: 01.11.2017).
12. Кара-Мурза С.Г. Столыпин – отец русской революции. – М., 2002. [Электронный ресурс]. ULR: https://royallib.com/read/karamurza_serгей/stolipin__otets_russkoy_revolyutsii.html#0
13. Кихтев С. Коммунисты Донбасса в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. – Киев, 1954
14. Лебедев А.Е. Охота на банкира. О коррупционных скандалах, крупных аферах и заказных убийствах. – Москва, 2017.
15. Ленин В.И. Полное собрание сочинений, т.1 с.134-167; с.418-464; т.2, с.195-196; т.3, с.411-498; т. 4, с.28-32, с.37-38, с.184-185, с.202-2-3; т.19, с.377-406; т.28, с.218-349.
16. Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. В 55 т. Т. 3. – М., 1971.
17. Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. В 55 т. Т.12. – М., 1968.
18. Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. В 55 т. Т.40. – М., 1974.
19. Модестов В.В. Рабочее и профсоюзное движение в Донбассе до Великой Октябрьской Социалистической революции. – М., 1957.
20. Модестов В.В. Рабочие Донбасса в трех русских революциях. – М., 1974.
21. Обухов Н.П. Российская экономика в начале XX века: причины развала // Исторические материалы. URL: <https://itsmat.info/node/46165/> (дата обращения: 18.12.2017).
22. Приднепровский край, 21 февраля 1905 г.
23. Погребинский А.П. Луганский пролетариат в борьбе за Октябрь. – Артемовск, 1924.

24. Подов В.И., Курило В.С. История Донбасса //Патриот Донбасса. 2016. URL: <https://donpatriot.ru/3613-razvitie-kamtnnougolnoy-promeshlennosti.html/>
25. Революция 1905-1907 годов на Украине. – Киев, 1955.
26. Республиканский архив Донецкой Народной Республики (РА ДНР).Ф.150, оп.1, д.172
27. РА ДНР, Ф.72, оп.1, д.8а
28. Харченко Т..1905 г. в Донбассе. – Ленинград, 1926

Ескалиев С. А.
Актюбинский региональный
государственный университет им.К.Жубанова
(Актобе, Республика Казахстан)

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАЗАХСТАНА В ПЕРИОД РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Аннотация. Автор рассматривает вопросы деятельности казахской национальной интеллигенции в период Первой Мировой войны и февральской революции 1917 года. Автор прослеживает формирование и становление национальной интеллигенции. Отношение интеллигенции Казахстана восстанию 1916 года и февральской революции 1917 года.

Автор пытается проследить деятельность некоторых членов «Алаш» в данный период и помощь представителей национальной интеллигенции мобилизованным казахам на оборонительных сооружениях фронта.

В заключении автор выражает свое мнение о возможностях современной исторической науки в области исследования формирования и деятельности национальной интеллигенции Казахстана.

Ключевые слова: Казахстан, Дума, Первая Мировая война, национальная интеллигенция, революция 1917 года, «Алаш», Трудовой фронт, Средняя Азия, политический деятель.

Iskaliyev S.
Aktobe Regional state University
after K. Zhubanov
(Aktobe, The Republic of Kazakhstan)

OPERATING HISTORY OF INTELLECTUALS OF KAZAKSTAN DURING THE UPRISING OF 1917

Abstract. This article discusses the guesshous of activity Kazakh national intelligence during the first world war.

The author traces the formation and establishment of national intelligence. The article reveal the processes of emergence of two frends in the Kazakh steppe namely pan – Islamic and trend oriented civilired west. The author tries to trace the activities of some nambers of the «Alash» in a given period.

In conclusion the author expresses his opinion about the possibilities of modern historical science in the field of formation and activity of the national intellectuals of Kazakhstan.

Key words: Kazakhstan, Duma, the first World war, the national intellectual «Alash», the labor front, middle Asia, political figure.

В 1917 г. казахи стали свидетелями и участниками двух революций – Февральской буржуазно-демократической и Октябрьской социалистической. Первая из них способствовала свержению монархии и власти русского царизма. Результатом Февральской революции стало и образование двоевластия, что для Казахстана имело немаловажное значение. Если в советской историографии деятельность Временного правительства однозначно окрашивалась в темных тона, то в условиях современной казахстанской историографической ситуации появилось возможность по-иному подойти к исследованию данной проблемы. В трудах ряда казахстанских ученых, в частности, академика М.К. Козыбаева [1], было обращено внимание на положительные для Казахстана результаты Февральской буржуазно-демократической революции и, в частности, деятельности Временного правительства.

Победа Февральской революции внесла радикальные изменения в социально-политическую ситуацию в стране. Свержение царизма и установление Временного правительство, было воспринято как нечто новое и нашло поддержку со стороны казахского народа, терпевшего гнет царского колониализма.

В газете «Казах» от 24 февраля 1917 г. Было опубликована телеграмма из Минска за подписью А.Букейханова в которой, в частности, говорились: «Взошло солнце свободы, равенства, братства всех народов России. Необходимо киргизам организовать для поддержания нового строя правительства» [2, с. 9]. Здесь следует отметить, что принципиальную роль для происходивших в казахском обществе процессов сыграли события 1916 г. Народное восстание, непосредственной причиной которого послужил указ царя от 25 июня 1916 г. о призыве коренного мужского населения Казахстана и Центральной Азии на тыловые работы, стало серьезным испытанием политических и нравственных основ казахского общества.

Одним из крупных центров восстания 1916 г. был наш край. Амангельды Иманов объединил ряды восставших казахов Тургайского, Кустанайского, Иргизского, Актюбинского уездов. Февральскую революцию казахи –

повстанцы во главе с Имановым встретили в сражениях с царскими отрядами. Причины восстания: массовое изъятие земель в Казахстане, политика русификации, первая мировая война, которая принесла народам неисчислимые страдания. По указу царя набору подлежало все трудоспособное население в возрасте 19–43 лет. Тем самым царское правительство хотело освободить массу русских солдат и рабочих от работы по устройству оборонительных сооружений и других тыловых работ, реквизировать из Туркестана и Степного края более 500 тысяч мужчин [3, с. 5]. Люди видели, что часть соотечественников вообще не возвращались, так как погибали при работах во время военных действий. С другой стороны цены на основные виды продовольствия и налоги возросли в несколько раз [4, с. 82]. В таких условиях началось восстание в Казахстане.

Каково же было отношение национальной интеллигенции Казахстана к восстанию шаруа. Ядро казахской революционной демократической интеллигенции, сплотившееся вокруг газеты «Казах» А. Букейханов, А. Байтурсынов, М. Дулатов в период апогея национально-освободительной борьбы казахов против метрополии допускало возможность репрессии со стороны царизма и предлагало отсрочить мобилизацию [5, с. 194–195]. «Послушайтесь, не проливайте кровь, не сопротивляйтесь» писали представители национальной интеллигенции в воззвании в октябре 1916 г. Таким образом, лидеры алашской интеллигенции придерживались тактики разумного компромисса с колониальной империей, выдвигая на первый план идею выживания народа, сохранения его этнической целостности.

С июля по август 1916 г. ход события немало зависел от позиции лидеров общества. В этот драматический период деятели «Алаша» решили оградить народ от новых катаклизмов и сохранить его. Именно поэтому они призвали казахов выполнить указ царя. Во-первых, они считали, что нависшая над Россией внешняя опасность в полной мере касается и казахов, являющихся их подданными. 11 июля 1916 г. в обращении к гражданам «Алаш» А. Букейханов, А. Байтурсынов, М. Дулатов писали: «Соотечественники – русский народ,

единоверцы-мусульмане, татарский народ, а также другие соседние народы – горят в пламени пожара. Нельзя нам оставаться в стороне...Отказаться от приказов власти подданными которой мы являемся, и сидеть дома, защищая себя, не вступая в защиту государства, это будет на пользу врагу» [6]. Во-вторых, в случае победоносного для России исхода войны, они надеялись на облегчение участи казахов и создании национальной автономии.

Часть казахской немногочисленной молодежи, обучавшейся в центральных российских вузах активно помогала казахам, призванных на работу в оборонительных сооружениях. Важным источником о деятельности казахских студентов являются письма Алихана Бокейханова написанные из Москвы, в декабре 1916 г. и опубликованные в газете «Қазақ». Там пишется: «Через 2–3 дня я, Мырзагазы, Тел, Муса, Хасен – впятером выедем на Западный фронт, там будем оказывать помощь казахским джигитам. Возможно поедем и на другие фронты [7]. А в следующем письме, написанном 26 декабря, он сообщает, что они знакомятся с условиями проживания казахов из Актюбинской, Костанайской областей. Там же упоминаются его товарищи, московские студенты: Тел Жаманмурынов, Муса Сейдалин и Халел Бекентаев. К сожалению, имя Теля Жаманмурынова, одного из настоящих патриотов республики, стоявшего у истоков движения «Алаш» и внесшего огромный вклад в становление и развитие сельского хозяйства советского Казахстана, мало известно широкой общественности.

Тел Бокпанович Жаманмурынов добровольно вызвался на фронт в инородческое отделение для помощи казахам, работающим на оборонительных объектах (в район г. Минска). В конце призыва казахских джигитов Тел Жаманмурынов организовывает возвращение простых рабочих с фронта. Об этом свидетельствуют данные из издания «Қазақ»: «До управления дошло и то, что актюбинские джигиты во главе с Телем Жаманмурыновым, джигиты из Семиречья с Билялом возвратились на родину» [8].

Таким образом, казахские интеллигенты, среди них и Тел Жаманмурынов, летом 1917 г. приняли активное участие в ответственном деле

оказания помощи казахам, работающим на трудовом фронте Первой Мировой войны [9, с. 210–211]. Вот что он пишет в своей автобиографии, написанной в 1935 г. для Актюбинского обкома ВКП(б): «В начале 1916 и конце 1917 гг. добровольно отправлялся на Западный фронт для исследования положения казахов, призванных на тыловые работы и оказания им помощи. По возвращении в мае 1917 г. по мобилизации Тургайского областного гражданского комитета был направлен в Тургайский уезд на создание волостных комитетов. Здесь на уездном съезде (в июле 1917 г.) был избран председателем уездного земельного комитета» [10, с. 122]. В этом же году Т. Жаманмурынов входил в руководящий состав организации «Еркін дала», созданный в 1917 г. в городе Оренбурге. Цель работы данной организации была в основном: просвещение и повышение общественно – политической активности народа [11]. 21 июля 1917 г. Тел. качестве делегата участвует на съезде казахов Тургайской области (1-общекзахском съезде). В сентябре 1917 г. его, как представителя партии «Алаш», выдвинули в депутаты Всероссийского учредительного собрания [12, д.30, л. 12]. Жаманмурынов исполнял обязанности секретаря II съезда казахов Тургайской области, который проходил 20–25 августа 1917 г. в городе Актюбинске. На этом собрании были приняты программа и решения съезда, основанные на демократических принципах [13, д. 50, л. 8–12]. К сожалению, впоследствии Т. Жаманмурынова постигла участь многих достойнейших людей своего времени. Он был репрессирован властями в условиях тоталитарной системой.

После Февраля страна стояла на распутье. Вакуум легитимной власти, образовавшийся после ликвидации царской колониальной администрации привел к резкому расширению поля политической борьбы, колоссальному усилению роли партий, общественных организаций и самых широких масс с их изменчивыми настроениями и ориентацией на нецивилизованные, силовые методы борьбы.

Первоначально после февраля власть на местах принадлежала, как правило, общественным исполнительным комитетам – широким

демократическим организациям, возникшим стихийно и объединившим самые различные социальные и политические силы. Так, газета «Оренбургское земское дело» от 12 марта 1917 г. сообщала, что в Актюбинские организован комитет народной власти [14, с. 15].

В этот период наблюдался всплеск политической активности широких масс казахского народа. Во главе этого движения стояли лидеры Алаш. История движения Алаш как общенационального явления получила широкое освещение в современной отечественной историографии [15]. Вместе с этим, история алашского движения и политические биографии ее действующих лиц в нашем регионе еще ждет своего исследователя.

Весной 1917 г. атмосфере ожиданий перемен к лучшему в разных регионах Степного края и Туркестана прошли областные казахские съезды. Одним из наиболее крупных и представительных был I Тургайский съезд в работе которого приняли участие и актюбинские делегаты. Этот форум, который прошел со 2 по 8 апреля 1917 г. В Оренбурге и собрал свыше 300 делегатов под председательством А. Байтурсынова, вступил в поддержку новой власти и продолжение первой мировой войны до победного конца, за упразднение отжившей системы местного управления и введения земства, всеобщее обязательное бесплатное обучение на родном языке, удовлетворение религиозных нужд населения. Особое место в их решениях занимал земельный вопрос. Изъятие земель кочевников предлагалось проводить лишь после землеустройства самих казахов. Вот основной круг проблем, которые стояли на повестке дня перед казахским населением нашего края в те дни.

Эти другие вопросы были рассмотрены на I Всеказахском съезде, которой прошел в Оренбурге 21–28 июля 1917 г. На этом съезде были выдвинуты кандидаты во Всероссийское Учредительное Собрание. Тургайская область была представлена следующими лицами: А. Байтурсынов, М. Дулатов, А. Беремжанов, Е. Турмухамедов, Е. Уразов, Т. Жаманмурунов, С. Кадырбаев. На выборах в Учредительное Собрание в Степном крае и Туркестане, проходивших в конце 1917 г., Алаш получило подавляющее большинство

голосов коренного населения. В нашем регионе список Алаш набрал 75 % голосов [16, с. 25].

Современное состояние исторической науки Казахстана создает значительные возможности для разработки одной из актуальных и животрепещущих проблем отечественной истории – исследование формирования и деятельности национальной интеллигенции Казахстана. Интеллигенция являлась носителем духовной и нравственной культуры народа; она одна из первых предвидела результаты и последствия исторического события и призывала к решению проблем мирным способом, пытаясь уберечь народ от кровопролития.

Список литературы:

1. Козыбаев М.К. Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски. Кн. 1. Алматы, 2000.
2. Хрестоматия по новейшей истории Казахстана (1917-1939 гг.). т.1, А., 2002.
3. Козыбаев М.К., Козыбаев И.М. История Казахстана. Алматы: Атамұра, 1997.
4. Жамбылов Д. Национально – освободительное движение в Казахстане. Алматы: Жеты жаргы, 2001..
5. Кусаинова М.А. История Казахстана. Алматы: 2006.
6. Казах 1916 г. 16 июля.
7. «Қазақ» газеті. 1916. №211.
8. «Қазақ» газеті. 1916. №231.
9. Қойгельдиев М. Алаш қозғалысы. – Алматы, 1995.
10. Көрнекті мемлекет, қоғам қайраткері Тел Жаманмұрынов. Ақтөбе, 2013.
11. «Қазақ» газеті. 1916. №236.
12. ОО МА ф.1. оп. 1. Д. 30. 12 п.
13. РГИА, ф.1291, оп.84, Д.50, 8 – 12 пп.
14. Хроника важнейших событий Великой Октябрьской социалистической революции на территории Актюбинской области. Актюбинск, 1967.
15. Қойгельдиев М.К. Алаш қозғалысы. А., 1995; Нұрпеис К Алаш һәм Алаш Орда. А., 1996;
16. Мұхтар Құл-Мұхаммед «Алаш» бағдарламасы: қиянат пен ақиқат. – А., 2000;
17. Аманжолова Д.А. Казахский автономизм и Россия. М., 1994

Перевезенцев А.Л.
Актюбинский региональный
государственный университет
им. К.Жубанова
(Актобе, Республика Казахстан)

РОЛЬ ГЕРБЕРТА ГУВЕРА В ОКАЗАНИИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПОМОЩИ ГОЛОДАЮЩИМ РОССИИ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГОДОВ

Аннотация. Автор анализирует гуманитарную деятельность Герберта Гувера, 31-го президента США, и возглавляемой им АРА по спасению голодающих в начале 1920-х годов в Советской России. Автор приходит к выводу о том, что деятельность АРА по ежедневному обеспечению продовольствием 10 миллионов человек являлась «гуманитарным подвигом», по-прежнему нуждающимся в объективной оценке.

Ключевые слова: Герберт Гувер, 31-й президент США, голод в России, деятельность АРА.

Perevezentsev A.
Aktobe Regional state University
after K. Zhubanov
(Aktobe, The Republic of Kazakhstan)

THE ROLE OF HERBERT HOOVER IN PROVIDING FOOD AID TO RELIEVE FAMINE IN RUSSIA IN THE EARLY 1920S

Abstract. The author analyses the humanitarian work of Herbert Hoover, and the ARA (American Relief Association), which was headed by him to relieve famine in Soviet Russia in the early 1920s. The author comes to the conclusion that the activities of the ARA on the daily provision of food for 10 million people was a significant humanitarian achievement that still requires a proper recognition and acknowledgement.

Key words: Herbert Hoover, 31st US President, famine in Russia, activity of ARA.

В этом году отмечается столетие Октябрьской революции 1917 г. в России. Несмотря на столь большой срок, прошедший со времени этого эпохального события, оно по-прежнему отстоит от нас не так далеко – в двух-трех поколениях. Так, дед автора этих строк, Никита Иванович, 1896 г. рождения, был участником Первой мировой войны, и, конечно же, современником и очевидцем событий 1917 г. – Октябрьской революции и

последовавшей за ней гражданской войны. Именно обсуждаемые нами сегодня последствия этих событий и, в частности, масштабный голод начала 1920-х гг. в России, привел к тому, что мой дед вместе с семьей решил переселиться из голодающей Тульской губернии на Алтай, в Восточный Казахстан. Так важные события в истории страны оказались причиной кардинальных перемен в судьбе моих предков и их потомков, включая мою собственную.

Решиться на переезд было, по-видимому, очень нелегко, но ситуация начала 1920-х гг., когда большевики, придя к власти, не смогли обеспечить продовольствием собственных граждан, заставляла моих предков рассчитывать только на свои силы.

Но в то нелегкое для страны время нашлись те, кто, несмотря на политические разногласия и даже личную неприязнь к советскому руководству, оказали голодающей стране бесценную гуманитарную помощь. В этой связи чаще всего называют имена выдающегося норвежца Фритьофа Нансена, Анатоля Франса, пожертвовавшего на нужды терпящей бедствие России свою Нобелевскую премию, которую он получил в 1921 г., а также Бернарда Шоу, Альберта Эйнштейна, Теодора Драйзера... «И все же, – отмечает один из исследователей данной проблемы, – главная помощь пришла с другой стороны» [1]... Наше повествование посвящено представителю той самой «другой стороны», гораздо менее известному, но гораздо более эффективному в плане оказания помощи персонажу тех трагических событий.

Герберт Гувер, 31-й президент США (1929–1933 гг.), известен как талантливый горный инженер, успешный бизнесмен, выдающийся гуманитарий, спасавший Европу от голода во время Первой мировой войны и в послевоенные годы, а также как крупный политик, достигший высот политической карьеры. Он сыграл большую роль в российско-американских отношениях именно в то время, когда они были наиболее осложнены, а именно – в период непризнания, последовавший сразу же за установлением советской власти в России.

Герберт Гувер занялся гуманитарной деятельностью в самом начале Первой мировой войны. Уже 5 ноября 1914 г. он возглавил программу продовольственной помощи на оккупированных Германией территориях Бельгии и Франции (КПБ), а с августа 1917 г. был назначен главой Продовольственной Администрации Помощи. После окончания войны, в марте 1919 г., президент В. Вильсон назначил Г. Гувера директором Американской Администрации Помощи (American Relief Administration). Усилиями Г. Гувера и его сотрудников из АРА только за первые 4 месяца существования этой организации в Европу было доставлено более 23 млн. тонн продовольствия – помощь получили 23 страны с общим населением свыше 300 млн. человек [2, р. 5]. Американские исследователи полагают, что деятельность АРА спасла от голодной смерти примерно одну треть населения Европы [3, р. 11].

Уже в 1919 г. Г. Гувер обратил особое внимание на страны Восточной Европы – АРА, в частности, активно участвовала в спасении голодающих в недавно возрожденной как самостоятельное государство Польше. Здесь еще не была полностью определена и установлена граница с Советской Россией, ещё продолжались военные действия. На территории, заселенной поляками, литовцами, украинцами, белорусами, татарами и евреями, эмиссаров Г. Гувера пытались втянуть в политические игры. Инструкции, данные Гувером своим сотрудникам, содержали предельно ясную установку: «держаться как можно дальше от политики» [4, р. 195].

Безусловно, среди стран, которым оказывалась продовольственная помощь в послевоенные годы, Россия для Гувера стояла особняком из-за его активного неприятия большевистского правительства. По мнению американских исследователей, Гуверу в этот период приходилось решать весьма сложную задачу – как помочь российским людям, не помогая их большевистскому руководству. Ещё в ходе гражданской войны в России, в 1919 г., Гуверу удалось оказать помощь голодающим в Петроградской губернии (на территории, оккупированной войсками белого генерала

Юденича). По его собственной оценке, около 400 тыс. человек получили достаточно продовольствия, чтобы дожить до следующего урожая [5, р. 174].

В 1920 г. в российском Поволжье начался голод. Катастрофические масштабы, усугубленные засухой, он приобрёл к лету 1921 г. 13 июля 1921 г. всю мировую прессу обошло письмо М. Горького «Ко всем честным людям», содержащее призыв к оказанию помощи голодающему Поволжью: «Для страны Льва Толстого и Достоевского, Менделеева и Павлова, Мусоргского, Глинки и других всемирно ценных людей наступили грозные дни, и я смею верить, что культурные люди Европы и Америки, поняв трагизм положения русского народа, немедленно помогут ему хлебом и медикаментами» [6].

Гувер, в то время министр торговли в американском правительстве и, по мнению американских исследователей, наиболее влиятельный американский политик начала 1920-х гг., ответил Горькому уже через 10 дней. АРА в то время все еще обладала определёнными продовольственными ресурсами – в частности, запасами зерна в Германии, а также обученным, опытным и мобильным персоналом. Кроме того, в кассе оставался остаток денежных средств примерно в \$ 7 млн. [7, р. 112].

Гувер обозначил те условия, на которых он смог бы организовать поставку гуманитарной помощи голодающим, особенно детям: во-первых, освобождение всех американских узников в России; во-вторых, полная свобода передвижения сотрудников АРА по стране, а также равное распределение помощи нуждающимся, невзирая на их «классовую принадлежность». Советское правительство должно было предоставить склады для хранения продуктов и транспорт.

26 июля Гуверу написал Л.Б. Каменев, председатель правительственной Комиссии помощи голодающим (Помгол). Условия Гувера были приняты. Для подписания соответствующего договора представители АРА и советского правительства встретились в Риге. Переговоры проходили с 3 по 21 августа; стороны представлял Уолтер Лиман Браун, директор европейского отделения АРА, и замнаркома иностранных дел М.М. Литвинов. Переговоры прошли

сравнительно быстро, что неудивительно в условиях, когда в России ежедневно умирало от голода примерно 15 тысяч человек [8]. Главное – сотрудники АРА получали иммунитет от арестов, но могли быть подвергнуты высылке, если будут заниматься «политикой». Оплату доставки продовольствия и медикаментов от границы до мест распределения (заниматься которым будут исключительно гуверовцы), брало на себя Советское правительство.

Поскольку США не имели дипломатических отношений с Россией, член правительства Гувер не мог контролировать на месте работу руководимой им АРА. Русскую миссию АРА возглавил полковник У. Хаскелл – под его началом работали 25 офицеров (их на время «отпустили» из армии – Г. Гуверу в России нужны были люди дисциплинированные, ответственные и не боявшиеся принимать решения), а около 200 американских гражданских сотрудников [8]. В отделениях АРА в регионах им помогали примерно 125 тыс. россиян.

К сентябрю 1921 г. более 100 американцев были освобождены из советских тюрем и смогли покинуть страну [4, р. 191]; тогда же началось распределение продовольствия. В конце августа 1921 г. в Москву прибыла первая группа «спасателей». Американское судно «Феникс» с продовольствием прибыло в Петроград 1 сентября 1921 г., а уже 6-го (в некоторых источниках 7-го) сентября здесь открылась первая столовая АРА в России. В Москве первый питательный пункт был открыт четырьмя днями позже. К 1 декабря 3000 суповых кухонь кормили 500 тыс. детей в 191 населённом пункте [8]. Ф. Нансен в Нобелевской речи в декабре 1922 г. назвал деятельность АРА «светлой страницей в истории человечества и человеколюбия» [9].

Поначалу, как и предусматривалось условиями Рижского договора, помощь оказывалась лишь в крупных городах (предполагалось, что крестьяне в состоянии справиться с голодом самостоятельно) детям, а также беременным женщинам и кормящим матерям (что, собственно, было отражено в термине РАКПД – «Российско-американские комитеты помощи детям»). Механизм оказания помощи был следующим – согласно правилам, установленным АРА, пищу в столовых могли получать дети в возрасте до 14 лет, прошедшие

медицинское обследование (там, где это было возможно) и признанные голодающими. Каждый ребенок, прикрепленный к столовой АРА, должен был иметь специальную входную карточку (Admission Ticket), на которой делались специальные пометки о посещении столовой. Горячий обед выдавался в строго определенное время. Порция должна была быть съедена в столовой, и уносить ее домой не разрешалось. Всего на одного ребенка приходилось пищи энергетической ценностью около 5000 калорий в неделю или около 700 калорий в сутки. Этого было недостаточно, так как для нормального развития детского организма было необходимо 1500–1700 калорий в сутки. Однако подобные условия кормления оговаривались рижским соглашением: паек, получаемый в столовых АРА, мог быть только дополнительным. На практике зачастую это было единственное питание детей [10].

Осенью 1921 г. от представителей АРА в Поволжье пришли первые устрашающие сообщения о том, что голод принял массовые размеры, превосходившие все разумные представления. Г. Гувер уже думал над возможным расширением помощи для взрослого населения. Из других источников поступали сведения об устрашающих размерах голода, оказавшиеся неожиданными для американцев. В 1921 г. число голодающих детей при родителях и без них определялось в РСФСР в 7,5 млн. чел. Но к зиме 1921 г. стало очевидно, что эта цифра не соответствует реальным масштабам голода. Реализация программы помощи на местах вызвала необходимость ее коренного пересмотра – нужно было кормить не только детей, но и взрослых.

Авторитет Г. Гувера был настолько велик, что ему сравнительно легко удалось продвинуть законопроект о дополнительной финансовой помощи в Вашингтоне. Он убеждал конгрессменов принять решение о расширении помощи. «Продовольствие, которое мы хотим направить в Россию, является излишком в Соединенных Штатах, – заявил Г. Гувер. – Мы сейчас скармливаем молоко свиньям, сжигаем кукурузу в топках. С экономической точки зрения посылка этого продовольствия для помощи не является потерей для Америки». Он смог убедить консервативных, антисоветски настроенных законодателей в

том, что помогать можно и без официального признания советского правительства. Решение Конгресса о выделении дополнительной помощи Советской России (24 млн. долл. на покупку зерна и медикаментов) способствовало расширению программы деятельности в десять раз – до 10 млн. человек, включая взрослых. 30 декабря 1921 г. в Лондоне нарком внешней торговли Л.Б. Красин от имени правительства РСФСР подписал соглашение с АРА о питании взрослого голодающего населения. Тогда же Россия обязалась передать АРА 10 миллионов долларов. На эти деньги организация Г. Гувера должна была закупить у американских фермеров и доставить в указанные пункты семена и продовольственные припасы [10].

15 мая 1922 г. Г. Гувер выступил перед Международной торговой палатой в Вашингтоне с докладом на тему «Американские отношения с Россией», в котором, в частности, напомнил, что свержение царского режима в России было встречено американцами с энтузиазмом. «Однако под влиянием старого груза страданий колебательное движение маятника на этом не остановилось, он качнулся в сторону бешеной разрушительной деятельности, приведшей к разгрому их экономической системы», – подчеркнул докладчик. Г. Гувер не мог не вспомнить о деятельности АРА, особо отметив, что средства, затрачиваемые Америкой на оказание гуманитарной помощи русским, превышают стоимость всей американской собственности на территории России и, конечно, превышают во много раз аналогичную помощь, оказываемую всеми другими странами мира, что позволило спасти жизнь 10 млн. русских.

10 июля 1922 г. Г. Гувер представил президенту У. Гардингу промежуточный (за неполный год) отчет о деятельности АРА в России: так, на 1 июля 1922 г. АРА закупила 788,878 тонн продовольствия, одежды и медикаментов. В отчете указаны источники финансовых средств АРА:

- Общие средства Американской администрации помощи (продовольствие, посылки, разные пожертвования) \$17,5 млн.
- Ассигнование Конгресса на продовольствие и семена, общее кол-во свободных средств Зерновой корпорации США \$ 19,3 млн.

- Ассигнование Конгресса из военных запасов (мед. снабжение) \$ 4 млн.
 - Американский Красный Крест (медицинское снабжение) \$ 3,6 млн.
 - Европейский объединенный распределительный комитет \$ 2,325 млн.
 - Золото, предоставленное Советским правительством \$ 11,433 млн.
- Итого \$ 59 498 млн.

По условиям нашего договора, – отмечает Г. Гувер, – русские власти предоставили нам весь внутренний транспорт, склады, распределение и оборудование за свой собственный счет. Кроме того, Американская Администрация Помощи делает отчисления с посылочных операций благодаря отправке продовольственных посылок лицами, проживающими в Соединенных Штатах, определенным лицам в Россию.

Сумма, собранная в результате этого отчисления, превысит, очевидно, расходы по Администрации и составит значительный взнос для помощи детям. На этом основании ни одного цента не было израсходовано из средств конгресса или пожертвований по администрации распределения, производимого через эту организацию.

Кроме вышеуказанных сумм, Общество друзей («Квакеры») в результате публичного воззвания закупило продовольствие у АРА на \$ 415 тыс.

Кроме того, различные коммунистические комитеты в Соединенных Штатах собрали с помощью общественной благотворительности на продовольствие, посланное непосредственно в распоряжение советской власти и оцениваемое приблизительно в \$ 500 тыс.

Распределение.

Административный персонал АРА на родине и за границей состоит приблизительно из 200 американцев, под ведением которых работает около 80 000 русских. Они заведуют 15700 столовыми и распределительными пунктами и кормят в круглых цифрах около 3250000 детей и 5300000 взрослых – всего около 8550000 человек. Это число несколько увеличится до урожая.

Медицинское снабжение дало возможность взять под контроль заболевания тифом, оспой и т.д. Несколько миллионов людей получили прививки от различных болезней, и были осуществлены др. санитарные меры.

Я получил сообщение от нашего отдела, что Администрация помощи в настоящее время оказывает помощь всем доступным для нее лицам, жизнь которых находится в опасности, и что смертность, непосредственно связанная с голодом, с некоторого времени прекратилась, хотя почти каждый в России голодает. Значительная смертность была в начале зимы. Она была бы значительно ниже, если бы русские железные дороги были в состоянии перебросить большие запасы продовольствия, которые Американская Администрация Помощи имела в русских портах.

В конце отчета Г. Гувер отмечает героические усилия 200 американских сотрудников АРА – по его словам, «все ... жертвовали собой, подвергались опасности, и многие ... работали в чрезвычайно тяжелых условиях. Многие из наших служащих болели тифом, от которого умер г. Бленд и 4 или 5 вышли в отставку благодаря физическому истощению. Они работали в стране с расстроенным транспортом, правительственная экономическая и социальная жизнь которой только что выходила из хаоса... Эти усилия остановили одну из величайших катастроф, которая последовала бы за войной. Русский народ испытывает чувство глубокой благодарности, и результат работы принесет, я уверен, длительное удовлетворение американскому народу. Не будь этого, несомненно, многие миллионы людей умерли бы от голода. Еще большее количество погибло бы вследствие дезорганизации и болезней, которые за ним последовали бы» [11, с. 233–237].

Отметим, что Гувер крайне негативно относился к американским коммунистам, которые учредили ряд организаций и тоже занимались сбором средств для оказания помощи голодающим – он не был уверен в том, что эти средства будут «честно израсходованы», т.е. дойдут до нуждающихся. Позднее стало известно, что подозрения Гувера были небеспочвенными – специальной комиссией (the Dies Committee) было обнаружено, что с согласия

советского правительства сумма, превышающая \$ 1 млн., собранная американскими коммунистами для «помощи», была большей частью потрачена на коммунистическую пропаганду в США [5, р. 192].

Говоря об источниках финансирования АРА, нельзя не упомянуть и о частных пожертвованиях американцев, которые хотели помочь своим родственникам и друзьям в России. Для этого использовалась т.н. «программа продуктовых посылок», действовавшая в Европе с 1915 г: человек за пределами страны бедствия за 10 долларов покупал у АРА или в банке специальный купон, который отправлял своему родственнику по почте. Тот с этим документом приходил в АРА, где ему выдавали стандартную посылку. Поскольку в России в это время почта практически не работала, задача оповещения получателя помощи ложилась на АРА. С началом программы посылок обозначились два главных центра продажи купонов. В Риге недавние беглецы от Советов покупали их для своих близких в Петрограде. Из Америки купоны шли преимущественно евреям Украины и Беларуси. Типичная посылка весом 117 фунтов (53 кг) выглядела так: 49 фунтов муки, 25 фунтов риса, 3 фунта чая, 10 фунтов жиров, 10 фунтов сахара, 20 банок сгущенного молока. По расчетам АРА, этот набор обеспечивал недельное пропитание семьи из 5 человек. АРА закупала продовольствие по оптовым ценам, продукты, входившие в посылку, стоили приблизительно 6 долларов 75 центов, доставка в Россию – 1 доллар, остальные 2 доллара 25 центов тратились на помощь детям.

Всего же за два года на деятельность АРА было потрачено \$ 78 млн., из которых \$ 13 млн. – деньги советского правительства, \$ 27–28 (по разным данным) – американского, остальные средства представили различные благотворительные организации, частные пожертвования и т.п.[10; 5, р. 191]. Это позволило спасти жизни от 10 до 20 млн. человек в России.

Летом 1922 г. в ожидании хорошего урожая советское правительство, объявив о «победе над голодом», взяло курс на сворачивание деятельности АРА. 16 августа 1922 г. в «Известиях» появилась статья «От голода до урожая – один шаг», казалось, что худшее позади. Но в данном случае желаемое

выдавалось за действительное. На самом деле предстоящей зимой от голода вновь могли пострадать миллионы людей. Тем не менее 8 сентября Каменев сообщил Хаскеллу, что правительство «не намеренно больше кормить население, чтобы не вырастить хронических попрошайек; оно будет снабжать только детей, больных и беженцев». Через четыре дня распустили Помгол и создали Центральную комиссию по борьбе с последствиями голода (Послеголод) [8].

Еще летом 1922 г. на конференции в Гааге советская делегация шокировала весь мир намерением возобновить экспорт зерна. Осенью правительство объявило о наличии в стране миллионов тонн зерна, предназначенного на экспорт. Американцы были возмущены тем, что у голодающих людей отнимали зерно для отправки на экспорт. Зимой 1922–1923 г. в черноморских портах можно было наблюдать поразительную картину, когда бок о бок стояли два корабля – американский и советский, один из которых разгружался, доставив очередной груз продовольствия для АРА, а другой загружался зерном для отправки на экспорт [10]...

Деятельность АРА теперь ограничивали на каждом шагу – в нарушение Рижских соглашений. Постепенно закрывались миссии АРА. Советские власти особенно настаивали на том, чтобы все остатки продуктов и медикаментов достались им, а не частным лицам или организациям.

Вечером 18 июля 1923 г. Совнарком устроил прощальный прием и банкет в честь АРА. Каменев, Чичерин, Семашко и Красин произнесли речи. Хаскеллу вручили мемориальную табличку с элегантно выгравированной прощальной резолюцией Совнаркома: «В момент, когда голод окончился, и огромная работа АРА подошла к концу, Совет Народных Комиссаров от имени миллионов, которые были спасены, и от имени всех трудящихся Советской России и союзных республик, считает своим долгом выразить свою глубокую благодарность этой организации, ее руководителю Герберту Гуверу, ее представителю в России полковнику Хаскеллу и всем ее сотрудникам и заявить, что народ Союза Советских Социалистических Республик никогда не

забудет про помощь, оказанную ему через АРА, видя в ней гарантию будущей дружбы двух стран». Это благодарственное письмо Г. Гувер получил 20 июля 1923 г. – в день, когда в Москве был закрыт центральный офис АРА [2, р. 9] ...

Характеризуя деятельность АРА, Д. Хиншоу называет эту организацию «лучшим, что создал Г. Гувер» [7, р. 117]. Сотрудники АРА, шутливо названные американским историком «идеалистами-практиками», даже спустя десятилетия после завершения их миссии регулярно собирались на ежегодно проводимые встречи, которые по возможности старался посещать и Г. Гувер.

По мнению современного белорусского историка В.Р. Саматыя, «работа АРА явилась одним из наиболее удачных примеров сотрудничества стран с различными идеологическими, внутри- и внешнеполитическими приоритетами, враждебными политическими режимами и несовпадающими интересами в ситуации серьезнейшей и чрезвычайно обширной гуманитарной катастрофы» [12].

Подводя итог, отметим, что, нашему мнению, память о сотрудничестве США и России в борьбе с гуманитарной катастрофой 1921-1923 гг. (и о реальных героях этого сотрудничества, таких, как Герберт Гувер и сотни его сотрудников) по-прежнему нуждается в объективном восстановлении и оценке.

Список литературы:

1. Джалагония, В. Это страшное слово – голод [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.explan.ru/archive/2006/27-28/s3.htm>
2. Herbert Hoover. 1874-1964. Chronology-Documents-Bibliographical Aids. Edited by Arnold S. Rice. Dobbs Ferry, New York: Oceana Publications, 1971.
3. George H. Nash. Herbert Hoover: Political Orphan//Uncommon Americans. The Lives and Legacies of Herbert and Lou Henry Hoover. Ed. By Timothy Walch. – Praeger, Westport, Connecticut, 2003.
4. Elena S. Danielson, Zachary Baker, Maciej Siekierski. Messages from a Lost World //Hoover Digest. Research and Opinion on Public Policy, 2004, # 1. – Hoover Press, Stanford University, 2004.
5. McGee, Dorothy Horton. Herbert Hoover: Engineer, Humanitarian, Statesman. New York: Dodd, Mead and Company, 1966.
6. В. Десятерик, В. Есаков. Ленин и Гувер: на пути к сотрудничеству//Правда, 19 августа 1991 г.

7. Hinshaw, David. Herbert Hoover: American Quaker. New York: Farrar, Straus and Company, 1950.
8. Виталий Рапопорт. Ленин, бабушка и мистер Гувер [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.lit.lib.ru/w/witalij_r/text_0380.shtml
9. Пер Эгиль Хегге. Бедствие в России (из книги «Фритъоф Нансен – только одно желание». Перевод с норвежского С. Карпушиной)//Иностранная литература, 2005, № 11 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/inostran/2005/11/per17.html>
10. Рашит Латыпов. Помощь АРА Советской России в период «великого голода» 1921-1923 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=864&level1=main&level2=articles>
11. Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1918-1926//Под ред. Г.Н. Севостьянова и Дж. Хэзлема. – М., 2002.
12. Саматя, В.Р. Деятельность АРА по оказанию помощи беженцам на территории Беларуси в 1920 – 1923 гг.//Журнал международного права и международных отношений, 2005, № 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://evolutio.info/index.php?option=com_content&task=view&id=757&Itemid=5

РАЗДЕЛ IV

РОССИЯ И МИРОВОЕ СООБЩЕСТВО: МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Логинова Л.В.

Саратовская государственная юридическая академия
(Саратов, Российская Федерация)

СОЦИАЛЬНЫЕ ОРИЕНТИРЫ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В условиях затяжного системного кризиса в современной России актуализируется проблема управления модернизационными процессами. Исследуются проблемы модернизации в политической, экономической, социальной и демографической сферах. Модернизационные вызовы XXI века определяют направления дальнейших реформ российского государства по рациональному использованию человеческого потенциала и социализации экономических преобразований.

Ключевые слова: модернизация, реформы, социальное развитие, экономическое развитие, социальная и экономическая трансформация, социальная и демографическая ситуация, доверие, человеческий капитал.

Loginova L.

Saratovskaya state legal academy
(Saratov, Russia)

SOCIAL GOALS OF RUSSIAN MODERNIZATION: FROM THEORY TO PRACTICE IMPLEMENTATION

Abstract. In protracted systemic crisis in modern Russia actualizarea the problem of management of the modernization processes. Examines issues of modernization in the political, economic, social and demographic fields. Modernization challenges of the XXI century will determine the direction of further reforms of the Russian state on the rational use of human potential and social economic transformation.

Key words: modernization, reform, social development, economic development, social and economic transformation, social and demographic situation, trust, human capital

Проблема модернизации России остаётся одной из наиболее обсуждаемых среди российских ученых и практиков. Это обусловлено тем, что

вопрос преодоления затяжного системного кризиса, охватившего экономическую, политическую и социальную сферы общества, остаётся не решенным. Хотя наблюдаются отдельные положительные сдвиги в вопросах достижения относительной социальной стабильности, незначительного и пока неустойчивого роста экономики, увеличения средней продолжительности жизни и среднедушевых номинальных денежных доходов. Однако системный кризис в стране все еще не преодолен, а многие проблемы, связанные с развитием человеческого потенциала, усугубились. Требуется поиск новых путей развития России, ориентированных на обеспечение человеческого развития [3, с. 11].

В настоящее время категория «модернизация» довольно широко употребляется в научных исследованиях и чаще всего связывается с такими понятиями как: развитие, обновление, реформирование, изменения к лучшему, прежде всего, в экономической и научно-технической сферах жизнедеятельности страны [13, с. 133]. Но, следует учитывать, что происходящие в обществе изменения могут носить *качественно различный характер* и не всегда приводить к развитию. Так, социально-экономическое изменение предполагает переход социально-экономических систем, общностей, институтов и организаций из одного состояния в другое. А социально-экономическое развитие – это такое изменение экономики и общества, которое связано со структурными, качественными преобразованиями, ведущими к появлению новых, более прогрессивных социально-экономических отношений, институтов, норм и ценностей, форм хозяйственного поведения.

Модернизация предполагает качественное обновление социальной, экономической, технико-технологической, социально-политической, социокультурной сфер общества и является необходимым механизмом выведения страны на новый, более прогрессивный цикл развития с помощью системы реформ, преобразующих различные аспекты жизни общества. Прежде всего, модернизационные реформы направлены на преобразование в тех сферах экономики, которые связаны с человеком, отражаются на уровне и образе его

жизни, состоянии здоровья, участии в общественном производстве, культуре потребления, досуге, доступе к социальным благам.

Модернизация – это потребность времени для России. Её необходимость обусловлена нарастанием отсталости от развитых стран, как по уровню благосостояния населения, так и по технике и технологиям (за исключением ряда предприятий ОПК). Реализация проектов по модернизации осложняется тем, что в условиях недоиндустриализации страны предстоит осуществить постиндустриализацию общества. Успех зависит от того, насколько цели модернизации воплотятся в образ жизни российского общества, станут его стилем жизни с набором соответствующих ролей и статусов. Конечно, финансово-экономический кризис, санкции осложняют, сдерживают социально-экономическое развитие России по модернизационному направлению. Различные реформы, предпринимаемые в стране в последнее десятилетие, пока не принесли заметных успехов, наблюдается сохранение целого ряда проблем в различных сферах жизни российского общества.

Многими зарубежными (Р. Дарендорф, Г. Эспин-Андерсен, Дж. Тейлор-Губи, Б. Ротштейн и др.) и отечественными (О. Александрова, С. Калашников, Л. Кочеткова, Е. Лукашова, В. Милецкий, Н. Римашевская, А. Храмцов, О. Шкаратан и др.) учёными отмечается наличие кризисных явлений в развитии социального государства. В связи с этим активизировалось теоретическое осмысление модернизации во взаимосвязи с социальными процессами. Активно исследуются общемировые и отечественные тенденции трансформационных социальных процессов; в рамках научных дискуссий обсуждается вопрос о выборе оптимального пути дальнейшего социального развития в условиях, когда «консервативная модель» социального государства в современном мире утрачивает свое функциональное назначение.

В научных исследованиях анализируются отдельные аспекты социального государства и целей устойчивого развития (ЦУР) в контексте человеческого развития. Поэтому растёт запрос на системное видение и обобщение коллективного опыта социального развития, его институциональной

и социокультурной основы. Требуется комплексный анализ тенденций включения широких масс населения в процесс социальных трансформаций, оказывающих значительное влияние на распределение жизненных шансов, уровень бедности и неравенства, трудовую деятельность в условиях формирования цифровой экономики, глобализации и мировых кризисов. В этом смысле речь должна идти о социальных ориентирах модернизации. При этом специалистов интересует вопросы возможных перспектив и способности российского общества включиться в этот процесс.

Проведем анализ проблем модернизации в России по важнейшим ее направлениям и сферам.

В экономической сфере различные антикризисные программы российского правительства так и не создали точки устойчивого роста. Программы импортозамещения, предпринятые на фоне санкций, на росте российской экономики практически не отразились. Согласно прогнозу Минэкономразвития в 2017 г. рост ВВП составит 0,2 %. Фактически действия правительства, направленные на стабилизацию экономической ситуации, приводят к консервации проблем. Признаками отсталости экономики страны остаются высокий уровень монополизации и слабая диверсификация. Сохраняется зависимость России от цен на газ и нефть. В структуре инвестиций в основной капитал более 40 % инвестиций составляет доля на добычу полезных ископаемых и строительство нефте-и газотрубопроводов для их транспортировки за рубеж. Инвестиции в секторе реального производства продолжают падать. Так, в обрабатывающей промышленности падение капиталовложений составило 6,7 % [6].

То есть, вопрос о необходимости структурных преобразований экономики сохраняет свою актуальность. В этой связи предлагается осуществить реформы, которые обеспечат активизацию тех отраслей национального хозяйства, которые, во-первых, обеспечивают внедрение новейших информационных технологий и нано- и биотехнологий и способствуют развитию научно-технического и технологического прогресса,

цифровой экономики; во-вторых, позволяют кардинально решить проблему обеспеченности населения страны качественным жильем, услугами, дорогами (инфраструктурные и сервисные отрасли); в-третьих, создадут, наконец, благоприятные институциональные условия для инвестиционного оживления в реальном секторе экономики на основе использования внутренних источников. Это позволит снизить сырьевую зависимость и укрепить другие составляющие отечественной экономики.

Важно учитывать, что, осуществляя преобразования в экономике, необходимо не допустить возможные отрицательные социальные последствия. Технические и технологические преобразования, стимулирующие экономический рост, без достаточной социальной ориентированности могут привести к падению уровня занятости и снижению доходов значительной части работников, особенно с низкой квалификацией. По мнению экспертов, внедрение новых технологий сопровождается изменениями на рынке труда в интересах высококвалифицированных работников, спрос на труд которых растет. В результате неравенство в распределении доходов между низко- и высококвалифицированными работниками увеличивается. При более производительном труде даже работники с высокой квалификацией могут не иметь соответствующего их труду вознаграждения. Во многих странах нарастает несоответствие между ростом производительности труда и зарплатой [2, с. 4].

Между тем экономической развитие в процессе модернизации должно сопровождаться человеческим развитием. В настоящее время Концепция человеческого развития занимает все большее место в социально-экономической практике. Так, данная концепция легла в основу сначала «Целей развития тысячелетия», а затем «Целей устойчивого развития» – программы, принятой к реализации ведущими мировыми институтами развития и странами – членами ООН. В Докладе о развитии человека: труд во имя человеческого развития, опубликованном в 2015 г. для ПРООН, под человеческим развитием понимается «развитие людей посредством построения

человеческого потенциала, осуществляемое ради людей, путем совершенствования их жизни, и самими людьми благодаря активному участию в процессах, которые формируют их жизнь» [2, с. 2]. Цифровая революция, успехи технологий не только преобразовывают труд, но и способствуют внедрению новых форм творческой работы и инноваций, расширяют права и возможности мелких производителей и ремесленников [2, с. 8]. Следовательно, содержание понятия труда с точки зрения человеческого развития, должно рассматриваться шире и глубже, чем такие понятия как работа или занятость.

Таким образом, человеческое развитие является определяющим социальным условием успешной модернизации в экономике. Способность российской экономики к прогрессу все в большей мере зависит от качественного развития человеческого потенциала. В этой связи актуализируются меры по увеличению доли человеческого капитала в структуре общественного богатства и укреплению позиций групп интересов, ориентированных на человеческое развитие [7, с. 52].

О пробуксовке модернизационных реформ в России свидетельствует крайне высокий уровень расслоения населения и чрезвычайно низкий уровень жизни значительной его доли. Согласно официальной статистике по итогам 2016 г. реальные доходы населения сократились по сравнению с предыдущем годом на 1,2 %, заработная плата с 2013 г. упала почти на 5 %. Граждане, став беднее, сократили потребление, в связи с чем продолжается падение оборота розничной торговли (на 0,8 %) и нулевой рост услуг населению. Остается не решенной проблема высокого уровня дифференциации доходов населения в России. Более половины россиян (55 %) получают зарплату ниже 25 тысяч, ещё треть – ниже 15 тысяч. По регионам уровень средней номинальной зарплаты заметно различается – от 21,1 тыс. руб. в Калмыкии до 91,1 тыс. руб. на Чукотке. Министерство экономического развития прогнозирует, что в России к 2035 г. средняя зарплата по стране увеличится на 56 % и по оптимистическому сценарию к 2035 году не превысит 800 долларов. Следует заметить, что в 2012

и 2013 гг. средняя зарплата была выше этого уровня (876 и 910 долларов соответственно).

Согласно опросу ВЦИОМ, каждому десятому россиянину не хватает денег даже на еду, а 29 % отметили, что им едва хватает денег на одежду. При этом россияне бедными считают тех, кому средств хватает только на покупку одежды и продуктов питания, а таких в стране 39%, среди пенсионеров – 54 %, то есть свыше половины. Из-за проблем с деньгами почти половина россиян (44 %) отказывается от поездок и планирует провести отпуск дома [14]. Среднему россиянину для счастья нужна зарплата примерно в 105 тыс. руб. При этом люди в возрасте 35–44 лет признались, что не почувствуют себя счастливыми без зарплаты более чем 200 тыс. руб. [16].

Опрос ФОМ показал, что богатыми россияне считают обладателей дохода в 100 тыс. руб. в месяц, а среднему жителю страны для счастья хватит заработной платы и в 50 тыс. руб. в месяц. Опрошенные считают, что прослойка богатых в России составляет не более 10 % от общего населения страны, а бедных – 61–70 %. При этом 63 % респондентов отметили, что разница в доходах мешает развитию страны. Половина респондентов считает, что богатство способствует развитию худших человеческих качеств. 37 % респондентов отмечает, что бедность (так же, как и богатство) делает человека хуже, 13 % полагают, что она идет на пользу. Еще 37 % заявили, что бедность никак не влияет на моральные качества человека [11].

Глубокое социальное неравенство является тормозом человеческого развития. Хроническая бедность воспроизводит такие социальные группы в обществе, которые, в условиях отсутствия материального достатка, оказываются отрезанными от «индустрии знаний», позволяющей в дальнейшем выйти из круга бедности благодаря современному высококвалифицированному труду. Многие из хронически бедных оказываются на «социальном дне», занимают иждивенческую позицию, отторгают трудовую деятельность, перебиваются случайными заработками и живут на пособия.

В целом в политической сфере отмечается снижение уровня доверия населения России к органам власти и управления. По данным социологического исследования «Доверие к государственным институтам и стратегии экономического поведения граждан», осуществленного РАНХиГС, россияне стали относиться с меньшим доверием как к федеральным, так и к региональным и местным органам власти: доверие к правительству снизилось с 79,8 % в начале 2015 г. до 59,4 % в 2016 г. Уровень доверия президенту, а также прокуратуре и полиции сократился незначительно: к президенту – с 91,7 до 87,5 %, к силовикам – с 61,2 до 57,3 %. При этом меньше всего доверяют властям экономически активные группы населения (предприниматели и граждане, планирующие открыть свое дело в ближайшем будущем). Это обусловлено, в первую очередь, ситуацией экономической неопределенности в стране. По мнению респондентов, главными факторами, определяющими уровень доверия, являются: (1) способность эффективно и качественно решать конкретные проблемы граждан (40,68 %); (2) высокий профессионализм и компетентность государственных служащих (30,5 %); (3) честное и добросовестное выполнение своих обязанностей (29,38 %) [10].

Таким образом, одним из приоритетных социальных ориентиров модернизации в политической сфере России является необходимость повышения уровня доверия населения к государственным институтам и структурам. Падение уровня доверия в обществе, как правило, сопровождается падением правопорядка и правосознания. Население и бизнес меняют свои инвестиционные и потребительские стратегии в ожидании выхода из кризиса. Согласно подходам ОЭСР, в условиях кризиса со стороны государства необходимы определённые инвестиции в поддержание доверия, что является важным условием для экономического роста, укрепления социальной солидарности и сплоченности в обществе. Способность государства осуществлять такие инвестиции способствует лучшему выходу из кризиса. То есть, доверие, как политическое (к органам власти), так и общественное (населения друг другу) рассматривается, с одной стороны, как условие для

эффективной реализации реформ, а с другой стороны, само выступает их результатом. Необходимо сосредоточить усилия на действиях по снижению уровня коррупции с тем, чтобы сократить финансовые и социальные потери от неэффективного государственного управления.

В России система государственного управления характеризуется высоким уровнем коррупционной преступности, в структуре и динамике которой тенденции сохраняются [1]. По данным Международной организации по борьбе с коррупцией «Transparency International» по итогам за 2016 г. Россия по Индексу восприятия коррупции (CPI) оказалась на 131 месте из 176 стран мира в группе таких стран как Украина, Непал, Гватемала и Казахстан [15].

В исследование уровня коррупции в бизнесе среди стран региона EMEIA (Европа, Ближний Восток, Индия и Африка), проведенном в апреле 2017 г. «Ernst & Young», России заняла 16-е место. Около 66 % респондентов отметили частое столкновение с коррупцией, что на 6 п.п. выше по сравнению с 2015 г.

Тревожную ситуацию с коррупцией демонстрируют результаты различных опросов российского населения, осуществлённых в конце 2016 – начале 2017 г. Так, по данным департамента аналитики Sberbank CIB (Sberbank Investment Research) (опрошено более 2 тысяч граждан из 164 населенных пунктов России в рамках расчёта индекса потребительской уверенности) около 59 % респондентов назвали коррупцию основной проблемой российского общества. Взяточничество волнует людей больше, чем инфляция (53 %) и безработица (51 %) [12].

По данным исследования ВЦИОМ «Об отношении россиян к взяточничеству рядовых сотрудников и их руководителей» (N = 1600), проведённом в декабре 2016 г., больше половины россиян (52 %) считают взяточничество системной проблемой. При этом в общественном сознании преобладает мнение, что нести ответственность за получение взятки должен коррупционер, а не его руководство (так считают 64 % россиян). Наказывать руководителя, а не подчиненного, совершившего правонарушение, предлагает лишь четверть опрошенных [9].

Из материалов опроса Левада-центра, проведенного в марте 2017 г., следует, что, с одной стороны, подавляющее большинство россиян (89 %) не одобряют коррупцию, считают ее недопустимой в органах власти. С другой стороны, каждый пятый допускает для себя возможность решения повседневных вопросов с помощью взяток. Чаще всего россияне дают взятки для того чтобы получить высокооплачиваемую должность, устроить ребенка в садик или оформить документы. Около 45 % опрошенных считают, что в России в борьбе со взяточничеством практически невозможно добиться существенных успехов [5].

Таким образом, коррупция воспринимается в российском обществе как неизбежное свойство системы. Вместе с тем, положительный опыт борьбы с коррупцией в других странах показывает, что неременным условием успеха такой борьбы является не только усиление санкций, но и принятие обществом представления о неизбежности и неотвратимости наказания, связанного с коррупционными действиями. Именно на этом аспекте должны быть сконцентрированы основные усилия государства в борьбе с коррупцией.

Кроме того, в России необходима социальная политика государства, отвечающая целям справедливого распределения доходов в обществе и эффективного управления социальной сферой, сокращения масштабов бедности. Социальными ориентирами модернизации являются такие мероприятия социальной политики, которые предусматривают не только создание минимальных стандартов, обеспечивающих уровень выживания для населения, но и создают условия для равного доступа к получению услуг образования, медицины, для достойной повседневной жизни каждого члена общества и всех в целом [8, с. 270–271].

В демографической сфере после трех лет небольшого прироста численности населения России (в 2013, 2014, 2015 гг.), вновь началось его сокращение (см. рис.). Причем, если в 2016 г. оно, по данным Росстата, составило немногим более двух тысяч человек, то, судя по тому, что

происходит с рождаемостью в 2017 г., по его итогам прогнозируется естественная убыль населения в более чем сто тысяч человек [17].

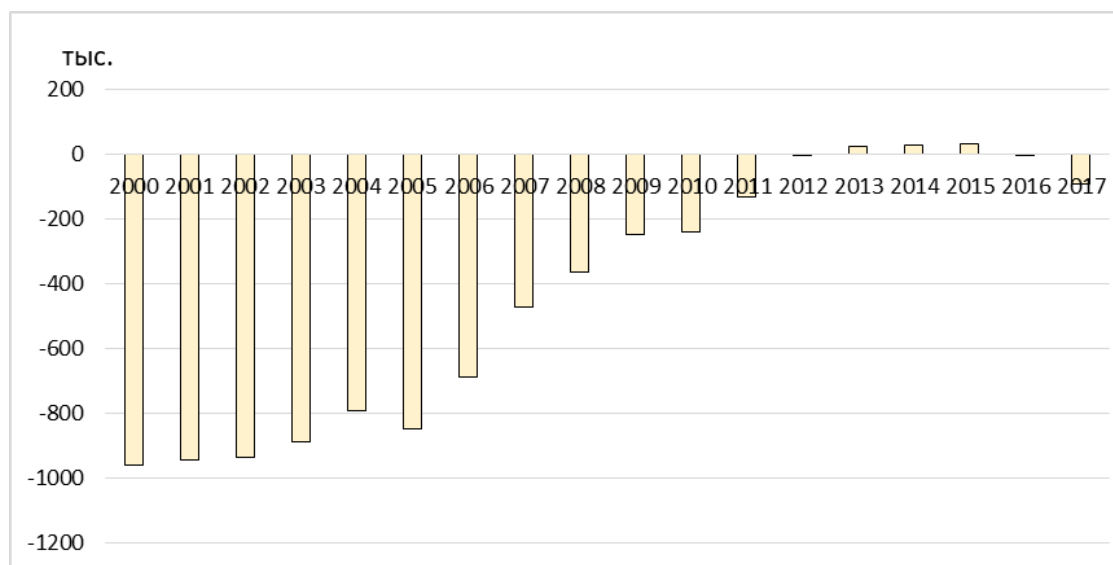

Рис. Естественный прирост населения (по данным Росстата)

Одной из главных причин возобновившейся убыли населения России стало резкое ухудшение экономического положения россиян, произошедшее в 2014–2015 гг. из-за обвала мировых цен на нефть.

Кроме того, в России остаются недофинансированными сфера образования и здравоохранения. Расходы на образование в нашей стране составляют лишь 4 % ВВП, тогда как, например, в среднем по странам ОЭСР этот показатель составляет 5,3 %. В структуре расходов совокупного государственного бюджета РФ доля расходов на образование составляет 10,4 %, тогда как, например, в Мексике – 18,4, в Бразилии – 17,2, а в среднем по странам ОЭСР – 11,6 %. Остаются низкими и государственные расходы на отечественное здравоохранение, которые в 2013 г. составили лишь 3,2 % ВВП. Это в два раза ниже, чем в среднем по странам ОЭСР (6,5 %) [4, с. 39]. Это приводит к росту коммерциализации образовательных и медицинских услуг, что отрицательно сказывается на доступности данных услуг для населения. Интересен опыт Кубы, которая, являясь существенно более бедной страной, не обладающей такими природными богатствами, как Россия, тратит на здравоохранение свыше 10 % ВВП, что позволило ей повысить среднюю

продолжительность жизни кубинцев до 80 лет, в то время как у россиян она составляет только 72 года.

В этих условиях необходимы срочные меры по поддержке работающих родителей. Например, можно учесть положительный опыт Франции, в которой увеличение государственных расходов на ясли и введение института «сертифицированных нянь» (частные ясли на дому на несколько детей) привели к росту рождаемости. Так, если в 1994 г. во Франции коэффициент рождаемости составлял 1,6 ребенка на женщину, то в 2007 г. он вырос до 2,07. Институт «сертифицированных нянь» не только обеспечил возможность для родителей работать, но и содействовал созданию 300 тысяч рабочих мест, преимущественно для женщин. Всего во Франции в таких частных мини-яслях теперь воспитывается почти миллион детей.

В настоящее время в России провал в демографическую яму наблюдается в сельской местности и малых городах, в которых вообще отсутствуют дошкольных детских учреждений. Другая причина резкого снижения рождаемости в российской сельской провинции является бедность. Примерно 66 % бедных россиян проживают в селе и населенных пунктах с численностью населения до 50 тыс. человек. Число бедных в России колеблется в пределах 20 млн человек. Реальные доходы населения россиян практически не растут.

В России остаются низкими расходы государства на семейную и демографическую политику – 0,5–0,6 % ВВП, в то время, как в европейских странах со стабильной демографической ситуацией – 4–5 % ВВП.

Улучшению демографической ситуации в России может повлиять развитие общей культуры населения, массовой физкультуры и спорта. На демографию положительно могут влиять и работодатели, вводя, например, гибкий график работы для сотрудников, имеющих детей.

Концепция «сбережения народа», выдвинутая А. Солженицыным, должна быть дополнена концепцией «развития народа». Пока российское государство и бизнес-элита воспринимают народ, как продукт сбережения или потребления, а также извлечения ренты серьёзных изменений не произойдёт. В стране

вводятся все новые налоги и платежи (налог на дальнбойщиков (системе «Платон»); сборы на капитальный ремонт, оценка налога на имущество физических лиц по кадастровой стоимости), что усугубляет материальное положение населения. Кроме того, отношение к народу, как к источнику ренты выражается в искусственно заниженных зарплатах, коммерциализации образования и здравоохранения. Все эти обстоятельства снижают уровень жизни россиян и сдерживают рождаемость.

Таким образом, необходим комплексный подход в осуществлении модернизации, отвечающей интересам повышения социального благополучия человека. Реализация социально ориентированных программ и стратегий развития в политической, экономической, социальной и демографической сферах обеспечит условия для свободного и гармоничного развития человека труда, полноценной реализации его человеческого потенциала. Такие условия можно создать, если диверсификация экономики в процессе новой индустриализации будет дополнена эффективной социальной политикой, которая обеспечит уменьшение масштабов неравенства жизненных шансов различных групп населения, рост доходов и богатства, ликвидацию нищеты. Основой такой социальной политики должна стать концепция человеческого развития, практическое воплощение которой обеспечивает социально ориентированное устойчивое развитие общества.

Список литературы

1. Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Ю.Я. Чайки на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 26 апреля 2017 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://genproc.gov.ru/smi/news/news-1186517/>
2. Доклад о развитии человека – 2015. Труд во имя человеческого развития. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr15_standalone_overview_ru.pdf
3. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации. Цели устойчивого развития ООН и Россия / Под редакцией С. Н. Бобылева, Л. М. Григорьева. – М., 2016.
4. Дроздов О.А., Воробьёв А.С. О социальных ориентирах развития России // Общество: политика, экономика, право. – 2017. – №2. – С. 38–41.

5. Институциональная коррупция и личный опыт. Пресс-Выпуск Левада-Центра.–28.03.2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2017/03/28/institutsionalnaya-korrupsiya-i-lichnyj-opyt/>
6. Кравченко Л.И. Мифический рост российской экономики в 2017 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rusrand.ru/analytics/mificheskiy-rost-rossiyskoj-ekonomiki-v-2017-godu>
7. Логинова, Л.В. Модернизация общества и качество человеческого капитала / Ю.Г. Быченко, Л.В. Логинова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Социология. Политология. – 2008. – Т. 8. – Вып. 2. – С. 47 – 54.
8. Логинова, Л.В. Социализация экономики в России: проблемы и перспективы/ Л.В. Логинова, Ю.Г. Быченко // Вестник Саратовского государственного технического университета. – 2009. – № 1 (37). – С. 262 – 272.
9. Мелкие взяточники: казнить или помиловать? // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3324. – 10. 03. 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116106>
10. Мониторинг общественного доверия: российский и зарубежный опыт: Аналитический обзор Института государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте РФ. – М., 2016 г.
11. О бедных, богатых и разнице в доходах. ФОМС. 8 октября 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fom.ru/Ekonomika/13815>
12. Обновление «потребительского индекса Иванова» /Новости Sberbank CIB. 25.04.2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sberbank-cib.ru/rus/about/news/index.wbp?number=2560>
13. Побережников И.В. Теории модернизации // Теория и методология истории / отв. ред. В.В. Алексеев, Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Л.Е. Гринин. – Волгоград, 2014.
14. Потребительские возможности россиян: мониторинг. ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3407.29.06.2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116289>
15. Рейтинг самых коррумпированных стран мира за 2016 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.forumdaily.com/rejting-samyx-korruptirovannyx-stran-mira-za-2016-god/>
16. Сбережения и доход: сколько денег нужно для счастья? ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3475. 25. 09. 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116414>
17. Тимесков А. Убыль населения в России ускорилась в 50 раз // Новые известия. Аналитика. – 03.11. 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://newizv.ru/article/general/03-11-2017>

М.Е. Рубанова
И.В. Федорова-Кузнецова
Саратовский государственный аграрный
университет имени Н.И. Вавилова
(Саратов, Российская Федерация)

СПЕЦИФИКА ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА В ФЕДЕРАТИВНЫХ ГОСУДАРСТВАХ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

Аннотация: Проведен анализ существования и распространения государственного суверенитета в государствах с федеративной формой государственного устройства. Акцент сделан на теории остаточного суверенитета и теории участия, которые рассмотрены в контексте развития современного российского федерализма.

Ключевые слова: государственный суверенитет, федерация, федеративное государственное устройство, субъекты Российской Федерации, парламент, право на самоопределение, сецессия.

Rubanova M.
Fedorova-Kuznetsova I.
Saratov state agrarian University
named after N. Vavilov
(Saratov, Russia)

THE SPECIFICITY OF STATE SOVEREIGNTY IN FEDERAL STATES (FOR EXAMPLE RUSSIAN FEDERATION)

Abstract: This article analyzes the existence and distribution of state sovereignty in the states with a federal form of government. Emphasis is placed on the theory of residual sovereignty and the participation of the theory, which are considered in the context of the development of modern Russian federalism.

Key words: state sovereignty, Federation, Federal polity, the constituent entities of the Russian Federation, the Parliament, the right to self-determination, secession.

Многие процессы, долгое время протекающие на локальном или региональном уровне, в современную эпоху приняли характер глобальных, и воздействуют практически на все государства мира, изменяя их политические, экономические, социальные и иные структуры. В политической сфере процессы глобализации способствуют процессу размывания таких понятий как «государственный суверенитет», «государственная граница». [10, с. 167]

Согласно Конституции РФ, наше государство является федерацией, в которую входит 85 разновидовых субъектов [5]. Федерация наряду с унитарной формой представляет собой одну из основных форм территориальной организации государства. В современном мире приблизительно 25 государств, в которых проживает $\frac{1}{3}$ населения Земли, имеют федеративную форму государственного устройства [6, с. 67].

Как верно отмечает М.А. Липчанская: «В современный период государственного строительства совершенствование институциональной основы федеративной модели является одним из важных условий стабильного социально-экономического развития регионов страны и Российской Федерации в целом» [8, с. 136]. При этом не снижается значимость обеспечения государственного суверенитета в федеративном российском государстве.

В федеративных государствах государственный суверенитет обладает определенной спецификой, детерминированной различными подходами к пониманию сущности взаимоотношений федерации и ее субъектов. Дифференциация подходов к данной проблеме отражена в различных теориях государственного суверенитета: теории разделенного суверенитета, когда в федеративном государстве суверенную власть в равной мере осуществляют как федерация, так и ее составляющие субъекты; теории не суверенных государств или ограниченного суверенитета, когда в федеративном объединении государств возможен суверенитет либо федерации, либо ее субъектов; теории остаточного суверенитета, которая актуальна для современного суверенного российского федеративного государства, и теории «участия».

Согласно теории «участия», спецификой федеративного устройства является участие субъектов в формировании федеральной суверенной власти. Соответственно, в федеративных государствах, в том числе и в России, актуализируется проблема формирования политико-правовых механизмов вовлечения субъектов Федерации в федеральные процессы для формирования единой суверенной воли государства.

В федеративном государстве суверенная воля складывается в результате консолидации ... воли субъектов федерации [11, с. 15]. Как верно отмечает В.В. Гайдук, в федеративном государстве существует двойственность источника выработки воли: «Главным признаком как федеративного государства, так и субъекта федерации является наличие у субъекта федерации права образовывать (формировать) общефедеральную волю ... Посредством реализации данного права субъекты федерации принимают участие в особом рода правоотношениях, именуемых федеративными» [2, с. 52].

Не подвергая сомнению, вопрос о наличии государственного суверенитета исключительно у Российской Федерации, отметим, что субъекты Федерации инкорпорированы в конституционную систему федеральной власти, что позволяет утверждать о наличии у субъектов федерации определенных прав во взаимоотношениях с федеральным центром и участии в обеспечении единого и неделимого государственного суверенитета. Учитывая триаду разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, а также горизонтальное и вертикальное разделение власти, можно обозначить некоторые политико-правовые механизмы участия российских субъектов в формировании суверенной государственной воли.

Как известно, федерация предполагает децентрализацию государственной власти по вертикали. Одним из ключевых институтов, обеспечивающих учет позиции субъекта Федерации при реализации государственной власти, является Совет Федерации. На протяжении более двадцати лет, с момента учреждения двухпалатного парламента в Конституции Российской Федерации, ведутся научно-практические дискуссии об оптимальном порядке его формирования для реального выполнения функции представительства субъектов Федерации.

По мнению ряда исследователей, Совет Федерации «не в полной мере отражает интересы субъектов Федерации, ... что приводит к трансформации федеративных отношений в квазифедеративные» [1, с. 15]. На высшем политическом уровне неоднократно высказывались позиции о целесообразности более демократического формирования верхней палаты

общефедерального парламента [9]. Полагаем, что реализуемый в настоящее время очередной вариант формирования Совета Федерации укрепит представительство субъектов Федерации в выработке государственной воли в рамках единого государственного суверенитета с учетом современных тенденций демократизации.

Другой проблемой обеспечения государственного суверенитета в федеративном государстве является определение оптимальной степени «давления» федерации при правовом регулировании процессов формирования, организации и деятельности органов государственной власти регионального уровня. Существует хотя и не бесспорное суждение, согласно которому Федерация в этих процессах «отдает приоритет правилам, которые содержат императивные предписания, не предполагающие свободы выбора у субъектов РФ» [3, с. 10]. Еще более категоричен в своих высказываниях Э.Г. Липатов, считающий, что «закон субъекта Федерации де-факто сведен к уровню обыкновенного подзаконного акта, что противоречит конституционным нормам» [7, с. 14].

Говоря об особенностях государственного суверенитета такой многосубъектной федерации как Россия, нельзя не обозначить проблему установления некоторых отличительных элементов правового статуса отдельных субъектов: Республика Татарстан, Чеченская Республика, Республика Крым и город федерального значения Севастополь. Причины допустимости особого статуса для отдельных регионов различны: сглаживание этнических и иных конфликтов, предотвращение несанкционированной сепарации, выравнивание социально-экономических показателей.

Первым субъектом Российской Федерации, претендующим на особый суверенный статус в рамках единого государства, оказался в 1990-е гг. Татарстан. Благодаря положениям Конституции Республики Татарстан, признанные Конституционным Судом РФ не соответствующими Основному Закону страны, проблема равноправия российских субъектов до настоящего

времени признается одной из серьезных и пагубных для развития федерализма и суверенитета государства [4, с. 20; 12, с. 9].

Известная договорная практика 1990-х гг. и асимметричный характер РФ позволяли предоставлять преимущественные права и дополнительные льготы отдельным субъектам Федерации, что повлекло не только политико-правовую дискуссию о конституционном равноправии российских субъектов, но и привела к усилению практической асимметрии федерации.

Политизация сущности государственного суверенитета в конце прошлого столетия актуализировала проблему сепарации. Некоторыми субъектами Российской Федерации были предприняты попытки обосновать претензии на самоопределение и признание за ними права на выход из состава единого федеративного государства. Полагаем, что в тот период происходила намеренная подмена понятия права на самоопределение наций и народов правом на сепарацию. Разумеется, это не тождественные понятия и важно понимать, что реализация права на самоопределение наций в полной мере реализуется в рамках единого суверенного демократического государства.

Интересна позиция М.В. Шарифова, полагающего, что общественно-политическая ситуация в некоторых субъектах Российской Федерации требует совмещения унитаризма с региональным распределением государственной власти [13, с. 26]. По его мнению, наиболее оптимальной формой государственного устройства для России является унитарная республика с деволюцией отдельных субъектов (Татарстан, Чеченская Республика и т.д.). Мы не поддерживаем такую перспективу и категорически убеждены, что деволюция таит в себе потенциальную угрозу единому Российскому государству, федеративной форме государственного устройства и может нанести непоправимый урон государственному суверенитету России. Наша позиция обоснована не только спецификой развития российского гражданского общества, современной политической системы России, но и наличием характерных признаков деволюции. К числу таких признаков следует отнести:

- создание территориально обособленных политических подсистем, имеющих собственную законодательную и исполнительную власть, обособленно участвующих в формировании суверенной воли;
- формирование субъектовных правительств, которым предоставлены права автономно принимать решения и осуществлять государственное управление на определенной территории;
- наличие законодательно закрепленного независимого статуса региональных органов власти при весьма опосредованном контроле со стороны федерации.

Таким образом, можно резюмировать, что в сложных современных условиях российский федерализм характеризуется постоянной потребностью в обеспечении и защите государственного суверенитета.

Список литературы:

1. Аникин С.Б. Административно-правовое регулирование предметов совместного ведения и полномочий Российской Федерации и субъектов России: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 2011.
2. Гайдук В. В. Федеративное государство: конституционно-правовое регулирование отношений между Российской Федерацией и ее субъектами. – М., 2004.
3. Калугина Т.В. Конституционно-правовой статус законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации: на примере Дальневосточного федерального округа: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2012.
4. Карасева Т.Н. Пределы соответствия конституций и уставов субъектов Российской Федерации Конституции Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2013.
5. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (в ред. от 21.07.2014) // <http://www.constitution.ru/> (дата обращения 04.01.2017).
6. Конституционное право Российской Федерации. / Комкова Г.Н., Колесников Е.В., Липчанская М.А. – М., 2013.
7. Липатов Э.Г. Компетенция органов власти субъектов Российской Федерации в сфере правотворчества: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 2010.
8. Липчанская М.А. Институционализация конституционной системы власти в федеративном российском государстве // Власть. – 2013. – № 7. – С. 136–139.

9. Медведев не исключает возвращения к идее выборности сенаторов // РИА Новости. 31.08.2011. URL: <http://ria.ru/politics/20110831/427861912.html>. (дата доступа 04.01.2017).

10. Рубанова М.Е. Политическая культура как фактор обеспечения национальной безопасности в условиях глобализации. // Россия-СССР-РФ в условиях реформ и революций. XX–XXI вв. Материалы междунар. научн. конфер. / ФГБОУ ВО «Саратовский ГАУ»; Сарат. СЭИ (филиал) ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова». – Саратов, 2016.

11. Филиппова Н.А. Представительство субъектов Российской Федерации: доктринальные основы и особенности конституционно-правового регулирования: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2011.

12. Хлопушин С.Н. Демократические и федеративные начала конституционного строя Российской Федерации и их реализация: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2013.

13. Шарифов М.Ш. Влияние этнократизма на обеспечение государственного суверенитета и федерализма // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 7. – С. 24–32.

Тимашова Е.А.
Белорусский государственный
экономический университет
(Минск, Республика Беларусь)

ПАРТИЙНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ОПЫТ РОССИИ И БЕЛАРУ

Аннотация. Проведен сравнительный анализ партийных систем Беларуси и России, которые связывает общность истории, геополитическая близость и тесные культурные и социально-экономические и политические связи. Наряду с этим в рамках процессов партийного строительства наблюдается ряд существенных отличий. Кроме того, партия как институт на современном этапе сталкивается со множеством проблем, таких как потеря популярности, проблемы с идеологической идентификацией, внутренние противоречия, борьба за укрепление личных позиций в ущерб общему делу и т.д. Тем не менее, реальное состояние политического спектра в Беларуси и России и расстановка политических сил будет зависеть именно от партий, которые будут полностью включены в процесс принятия значимых для общества решений.

Ключевые слова: партия, партийное строительство, мультипартийность, идеологическая идентификация.

Timashova E.
Belarusian state
economic University
(Minsk, Belarus)

PARTY BUILDING IN THE POST-SOVIET SPACE: EXPIERENCE of RUSSIA AND BELARUS

Abstract. The article is dedicated to the comparative analysis of party systems in Belarus and Russia, which are bound by the common history, geopolitical proximity and tight cultural, socio-economic and political connections. Besides, a number of significant differences may be observed within the process of the party-building. Moreover, at the present stage the party as an institute is challenged by many difficulties, such as the loss of the popularity, the ideological identification problem, inner contradictions, the struggle for strengthening personal positions at the expense of the common good, etc. Nevertheless, the actual state of the political spectrum in Belarus and Russia and the alignment of political forces will depend on parties which are fully integrated into the process of making significant political decisions.

Key words: party, party-building, multiparty system, ideological identification.

Становление партийных систем Беларуси и России связывает общность постсоветского пространства, близость географического положения и цикличность развития, что постоянно проявлялось в чередовании социальных возмущений и относительного спокойствия. Как пишет А. Ахиезер, здесь «история представляет собой цепь переходов от одной крайности к другой. Циклическое развитие, инверсии порождали волны дезорганизации, разрушали большое общество, государство, то переходя через порог, ведущий к катастрофе, то лишь приближаясь к нему» [1].

Циклический характер развития отнюдь не исключительная особенность постсоветской истории. А. Шлезингер описывает американскую политическую историю как циклическую по существу. Определив цикл как «непрерывное перемещение точки приложения усилий нации между целями общества и интересами частных лиц», он подчеркивает, что корни «самоподавляющего циклического развития лежат ... в глубине человеческого естества» [11, с. 46–47]. Периодическое возвращение к старым проблемам на новом уровне характеризует все ветви человечества, все общества и цивилизации.

Исследуемые системы объединяет так же и переход обоих обществ от циклического к линейному времени. Вместе с переходом от традиционного общества к современному цикличность не исчезла, изменилось лишь соотношение между линейным и инверсионным временем. Новоевропейская история не преодолела цикл, но включила его внутрь поступательного движения, развернув традиционный круг во все более вытягивающуюся спираль. Несомненно, что Беларусь и Россия также давно разорвали традиционалистический круг, вступив в историческое, спиралевидное время.

Типы партийных систем в большинстве индустриально развитых стран Запада, Азии, Латинской Америки формировались постепенно. В настоящее время самыми распространенным являются многопартийные системы. Многопартийность складывалась на основе противоречивых интересов различных слоев населения, неоднородного национального состава стран и т. д. В целом многопартийность дает возможность разным социальным группам и их

представителям бороться за влияние на структуры государственной власти, направляя в них своих представителей для достижения своих целей. Более того, данный механизм предохраняет политическую систему от сепаратизма и радикализма, что сказывается на адаптивности и жизнеспособности.

Для систем правления с парламентским способом формирования правительства оптимальным является наличие от 5 до 8 партий. Они, влияя друг на друга, образуя разные коалиции и союзы, сменяя друг друга, могут обеспечить политический плюрализм, реальную демократию. Для большинства стран Европы характерно 7–8 действующих партий. Например, в Нидерландах есть восемь активных партий, а в Германии сейчас достаточно сильны пять партий. В тоже время во Франции действует больше десятка относительно влиятельных партий, в Италии спектр партий еще более пестрый.

Принято считать, что многопартийная система имеет три разновидности: однопартийная система, которая является ненормальным, бессмысленным явлением, двухпартийная и мультипартийная. Критерий количества – это наиболее общепринятый подход к классификации партийных систем. Однако партийная система не может быть сведена только к числовым показателям. Наряду с количеством партий, участвующих в борьбе за власть, представляет важность и их относительный размер, который также является отражением электоральных возможностей и легитимной силы партий. Важным, по мнению М. Дюверже, является специфическая «анатомия» партии [3, с. 17–18].

Политическое пространство Беларуси представлено различными партиями и движениями. Согласно последним данным есть 15 партий [7]. Есть также партии и движения незарегистрированные. Однако возможности всех их вместе взятых сильно ограничены, партии не имеют своих фракций в парламенте. По мнению И.В. Котлярова, партии Беларуси не способны существенно влиять на политическую жизнь в стране. Более того, согласно социологическим исследованиям ИСНАН (Институт социологии Национальной Академии наук) Беларуси, многопартийная система стремительно деградирует, находится в состоянии глубочайшего кризиса, который вынуждает на

локальных уровнях решать проблемы доверия, лидерства и идеологической идентичности [5]. Поэтому многопартийность носит формальный характер, партийная система не сформировалась.

В России, в отличие от Беларуси, партии оказывают определенное (но не решающее) влияние на формирование политического курса, но партийная система также находится в стадии становления, она все еще слабо структурирована и конфликтна. По итогам последних парламентских выборов в Госдуму «Единая Россия» восстановила конституционное большинство. Барьер преодолели и КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия». Однако, особой популярности у них не наблюдается. Это объясняется рядом причин (первые три и пятая из которых относятся и к РБ):

1. Десятилетия господства КПСС породило у людей стойкое неприятие всего, что связано с партиями, – вне зависимости от того, какие политические цели они преследуют.

2. Традиционным в последнее время становится такое явление как абсентеизм, поскольку люди настолько поглощены своими повседневными проблемами (а речь иногда идет и о физическом выживании), что и большинства из них нет времени для политической активности.

3. Большая часть общества сомневается в том, что его участие в политике может дать какие-либо результаты. Люди не понимают, как функционирует демократия, и лишь чувствуют, что новые властители заботятся скорее о своей выгоде, чем об интересах страны.

4. Новые партии – кроме КПРФ (деятельность которой была разрешена в 1993 г.), – как правило, крайне слабы и обязаны своим появлением какому-то конкретному политику. Возникшие подобным образом партии почти не отличаются друг от друга и могут проявить свой политический облик лишь благодаря фигуре своего лидера. Только при укреплении материальной базы и поддержке со стороны организационных структур центральной и региональной властей они способны достичь уровня, позволяющего говорить о «партии власти».

5. Состав российского правительства определяется президентом и практически не зависит от соотношения политических сил в парламенте. Поскольку в России запрещено совмещать депутатский мандат с работой в правительстве, в стране отсутствует характерный для западных демократий дуализм «правящая партия – оппозиция».

6. Важнейшие новые партии представляют собой не партии в собственном смысле этого слова, а политические движения или блоки, включающие в себя небольшие партии и движения, но открытые для индивидуального членства.

7. Общей проблемой партии как института является деятельность вне избирательной кампании, т.к. сразу после подведения итогов голосования все сразу о них забывают. В результате сложно быть популярными.

О численности той или иной российской партии, движения или блока, как правило, можно судить лишь приблизительно. Получить данные (тем более подтвержденные какими-либо доказательствами) о количестве их членов крайне сложно. Не будет большим преувеличением сказать, что предполагаемые цифры часто являются не больше чем оценочными или отражают представления о желаемом.

Следует учитывать, что население России уже не раз участвовало, по крайней мере, в простейших политических процессах – в выборах и референдумах, причем уровень явки, хотя и был в ряде случаев невысоким, все же позволял этим актам волеизъявления состояться. Россияне выбирали ту или иную партию не потому, что верили обещаниям, содержавшимся в программах этих партий, или заявлениям их лидеров, а потому что своим голосованием хотели выразить протест против правящих кругов, чью политику отвергали.

Вполне возможно, что в России сложится не система партий в западном смысле, а некая собственная форма выражения политической воли. Вероятно, речь пойдет не столько о партиях в привычном понимании, сколько о блоках или коалициях, в которые войдут многочисленные небольшие партии и объединения. Устойчивость таких блоков и коалиций будет во многом зависеть

от их руководителей, поскольку во время выборов россияне ориентируются скорее на личности политиков, нежели на программы (это же характерно и для белорусского электората).

Процесс формирования многопартийности в Беларуси имеет свои особенности. Дело в том, что демократизация общественных институтов должна быть неразрывно связана с формированием правового государства и связи партий с органами власти. А одним из факторов, сдерживающий развитие партийного строительства в нашей Республике, является то, что партии не представлены в исполнительных органах власти, что лишает их возможности играть роль посредника и связующего звена, коммуникативного моста между государством и обществом, формы контроля за властью. Следовательно, люди не видят в существовании партий особой пользы и не нуждаются в них [10]. Только в этом случае партии способны передать импульсы в политическую систему из окружающей среды. А регистрация партий молодого суверенного государства в течение четырех лет проводилась на основании устаревшего закона еще СССР (Закон РБ «О политических партиях» был принят позже) [4].

Таким образом, партии Беларуси формировались гораздо быстрее, чем соответствующая им законодательная база. Даже формулировка понятия «партия» в законе, где в частности, отмечается, что это независимое, созданное на основе индивидуального добровольного членства объединение граждан, действующее в рамках Конституции, весьма подобна характеристике любой общественной организации. Причем признаки партий как политического института отсутствуют. Более того, внесенные изменения и дополнения в закон, скорее корректируют его с точки зрения формы, а не содержания: в условиях создания уточняется минимальное количество учредителей, указывается срок представления в Министерство юстиции всех необходимых документов в случае изменения юридического адреса партии и т.д. Таким образом, правовое обеспечение содержательной деятельности партий отстает от формального.

Белорусские партии изначально формировались на фоне распада КПСС-КПБ и позиционировали себя как некая альтернативная сила, что подтверждается демократической направленностью партийных программ. В то же время структура, территориальное строение и их уставы несут в себе признаки жесткой внутрипартийной дисциплины. Поэтому можно говорить о том, что процесс формирования многопартийности в Беларуси опережает процесс освобождения и преодоления наследия прошлого самими партиями. Следует отметить, что все без исключения партии строятся по территориальному принципу и управляются путем организационной вертикали.

Большое значение имеет характер внутреннего устройства политической партии. Если в западных странах любое принуждение рассматривается как покушение на демократию и соответственно главным остается суверенитет индивида в партийной среде, то в российской политической науке другое толкование внутрипартийной дисциплины. Некоторые ученые склонны считать, что высокая внутрипартийная мобильность и собранность – залог жизнестойкости политической партии в целом. В частности, они неоднократно высказывали мнение, что в России на парламентских выборах побеждают именно такие, руководствующиеся жесткой партийной дисциплиной, общественные объединения. Таким образом, можно сказать, что они выступают в роли «партий-преемниц», воспринявших былое наследие авторитарного режима в качестве, прежде всего, его организационных ресурсов.

Существует следующая общая тенденция формирования многопартийности в обеих политических системах: данный процесс идет быстрее, чем перестраивается социальная структура общества. Причем такое типичное для постсоветского пространства противоречие приобретает ярко выраженный характер именно в Беларуси, поскольку подавляющая часть собственности все еще принадлежит государству, следовательно, на материальном уровне крайне медленно происходит формирование новых слоев собственников. В России этот процесс движется несколько быстрее, хотя российское общество также слишком фрагментировано и не структурировано.

Поэтому вопрос о том, когда возникнет настоящая многопартийность, связан с осуществлением этого структурирования российского общества, т.е. не раньше, чем через 10-15 лет, когда будет завершен раздел собственности, затем структурируются интересы социальных слоев, и политически, и бюрократически, – возникнет современная многопартийная система [6, с. 114].

В обеих странах роль государства по-прежнему велика. Вообще возникает вопрос: а нужны ли в системе современной демократии политические партии западного образца? Являются ли партии на Западе сейчас реальным политическим механизмом, для решения проблем общества или это просто рудиментарный институт, который сохраняется в конституционных демократиях, поскольку просто не принято ломать многопартийную систему? Через нее ли управляется сегодня западная демократия? И поэтому, не догоняем ли мы Запад там, где его, собственно, догонять уже не нужно, так как он уже перешел в другую стадию развития?

Потерю былого авторитета политическими партиями можно объяснить тем, что они страдают от действительного и осознаваемого олигархического характера. Партии воспринимаются обществом как бюрократические политические машины. Напротив, группы, созданные по проблемам и интересам, являются более успешными в привлечении новых членов и средств. Причиной утраты партиями своей популярности является то, что сложные современные общества очень трудны в управлении. Разочарование и скептицизм растут по мере того, как партии борются за власть, пропагандируя свои возможности решать насущные проблемы, но даже не оказываются в состоянии донести нужды народа до власти имущих. Это отражается в возрастающих трудностях, с которыми сталкиваются партии, в форме усиления власти «групп давления» и подавляющей глобализации экономики. На современном этапе популярными становятся такие партии, которые озвучивают цели подавляющих слоев электората, например, равенство полов, защита животных и экологии, борьба с насилием различного рода. Для реализации этих

целей нужны политические образования нового типа. Поэтому, возможно, что в будущем партии будут замещены локальными группами и ассоциациями.

Многopартийность современной России напоминает эффект прорвавшейся плотины. К сожалению, действующим партиям абсолютное большинство населения доверяет еще меньше, чем это было сто лет назад [6, с. 49]. Этот вопрос остается во многом неясным для наших политиков, политологов, а также для обыкновенных людей, нынешних и потенциальных сторонников тех или иных партий.

Определить и просчитать эффективность функционирования института многopартийности – задача сложная и многоаспектная. Необходимо, в первую очередь, прояснить, насколько политические партии и движения способны сегодня оценить прошлое и настоящее, а также сформулировать видение будущего страны. Следует подчеркнуть, что в данном случае необходимо наличие устойчивого партийного электората. В этом смысле поведение белорусского и российского избирателя носит непредсказуемый характер, поскольку социальная стратификация в обоих случаях, хотя и в разной степени, еще до конца не осуществилась.

Сегмент избирателей, чьи взгляды устойчиво совпадают с программами конкретных партий, до сих пор очень мал. Наоборот, значительно больше тех, кто разделяет установки партий, не являясь их постоянным сторонником. И, к сожалению, самая многочисленная группа – это политически индифферентные граждане, чье участие в избирательном процессе носит случайный характер. Следовательно, трудно прогнозируема и динамика политической ситуации.

В отличие от выборов по мажоритарным округам, где избиратели чаще всего ориентируются на личность, голосование за ту или иную партию или избирательный блок позволяет делать политический выбор, выбирать тот или иной политический курс, направление развития общества. Поэтому именно итоги голосования по партийным спискам показывают тенденцию изменения массового сознания.

Таким образом, по нашему мнению, для Беларуси также была бы предпочтительна, возможно, смешанная избирательная система. На данный момент в Беларуси в ходе парламентских выборов вообще отсутствует партийное представительство, так как партии выдвигают своих кандидатов по одномандатным округам, и можно сказать, что функции партий по представительству интересов взяли на себя органы управления.

В целом можно сказать, что на постсоветском пространстве реальные возможности создания устойчивых партийных систем пока еще очень слабы. Напротив, для них характерна высокая степень неустойчивости и фрагментарности. Неустойчивыми, как известно, считаются те партийные системы, где велика доля избирателей, меняющих свои предпочтения в промежутках между выборами, а фрагментарными – те системы, которые состоят из значительного числа элементов (партий). В большинстве своем именно таковы сегодня системы многих новых демократий. Предпочтения региональной власти России определяются тем, что губернаторы, как правило, слабо связаны с партиями, а те, в свою очередь, не играют значимой роли в региональных парламентах. Если бы политические партии структурировали политическую жизнь в России, индикаторами расстановки сил в регионах могли бы партийная принадлежность губернатора и соотношение между партийными фракциями в парламенте. Однако региональные партийные структуры остаются весьма аморфными, а губернаторы предпочитают позиционироваться в качестве «непартийных» лидеров. Поэтому более точно расстановка сил в парламенте отражается в структуре «непартийных» депутатских групп. Зачастую именно они исполняют роль «фракций», выступая проводниками интересов тех или иных элитных группировок.

Противоречивость трансформационных процессов обусловлена тем, что они несут отпечаток прежней общественно-политической системы, поэтому демократические процессы способны осуществляться только путем самоограничения со стороны государства в его воздействии на общество, что в итоге предопределяет задаваемый сверху характер демократических реформ.

СССР представлял собой зарегулированное общество со множеством сильных политических и социальных институтов [9, с. 58]. С начала перестройки вакуум профсоюзной активности в условиях их невысокого общественного авторитета пытались заполнить альтернативные профобъединения, организовавшиеся на отраслевой, иногда – региональной основе.

В рамках процесса модернизации существует корреляция между двумя основополагающими критериями: уровнем мобилизации (повышением социального и политического участия масс) и уровнем организации (институционализацией этих процессов; придание им законченной формы). Уровень организации опережает уровень мобилизации, что приводит к сохранению их сущностного содержания в современной политической системе.

Скорость формирования партийных структур в значительной степени превосходит политическую активность населения, еще не совсем осознавшего своих интересов на рациональном уровне. Поэтому партии не столько отражают идеологические расхождения в обществе, сколько сами их формируют. Более того, преобладание идеальных ориентиров над рациональными предопределяет программную направленность партий.

Становление систем оформления интересов также является чрезвычайно сложным и болезненным. Необходимо принимать во внимание, что все постсоветские модели отличаются рядом специфических качественных характеристик, которые заданы и историческим опытом, и нынешним процессом радикальной трансформации. Она протекает под воздействием разнообразных факторов, как стимулирующих, так и сдерживающих повышение уровня институционализации артикуляции интересов. Поэтому, коллегиальное, инклюзивное и коллективное лидерство в гораздо большей степени способствует успешному переходу к демократии, чем высокая концентрация власти в руках одного лица, находящегося на вершине политической иерархии, будь то премьер-министр или президент [2, с. 109]. В связи с этим, осознание властью политической целесообразности диалога с обществом открывает обнадеживающие перспективы.

Список литературы:

1. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. [Электронный ресурс]<http://www.http://culture.wikireading.ru>
2. Браун А. Политическое лидерство и политическая власть // ПОЛИС. Политические исследования – № 1 – 2016. – С. 104–120.
3. Дюверже М., Политические партии. – М., 2000.
4. Закон о партиях [Электронный ресурс]. <http://www.http://pravo.by>
5. Котляров И.В. Политические партии. Партийные системы. Общественные объединения. [Электронный ресурс]. <http://www.http://mvradio.by>
6. Марченя П.П. Российская многопартийность: колыбель гражданского общества или могила имперской государственности? // ПОЛИС. Политические исследования. – 2017.– №1.– С.41–52.
7. Официальный сайт Президента РБ [Электронный ресурс].<http://www.http://president.gov.by>
8. Парламентаризм и многопартийность в современной России. М., 2000.
9. Ратленд П. Постсоветские элиты России // ПОЛИС. Политические исследования. – 2016 .– №3.– С 55–72.
10. Романовский И.Ф. Становление и развитие политических партий в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. <http://www.http://uctopuk.info>
11. Шлезингер А.М. Циклы американской истории. – М., 1992.

Будева А.О.
Белорусский государственный
экономический университет
(Минск, Республика Беларусь)

«ЦВЕТНЫЕ» РЕВОЛЮЦИИ: УКРАИНСКИЙ СЦЕНАРИЙ

Аннотация. Рассмотрены причины межэтнических и вооруженных конфликтов на территории Украины в постсоветский период. В Украине автор статьи выделяет два периода этнополитической трансформации. Первый период характеризуется снижением уровня толерантности по отношению к национальным меньшинствам. Во втором периоде украинскому языку отводится консолидирующая роль в становлении украинского общества. Укрепляются радикально настроенные националистические движения, на законодательном уровне проводится героизация нацистов. На сегодняшний день, крайне нестабильное внешнеэкономическое и политическое состояние Украины приводит к новым обострениям на территории Украины.

Ключевые слова: этнос, нация, нациестроительство, этнополитическая трансформация

BuyevaA.
Belarusian state
economic University
(Minsk, Belarus)

«COLOR» REVOLUTIONS: UKRAINIAN SCENARIO

Abstract. In this article the author examines the causes of interethnic and armed conflicts on the territory of Ukraine in the post-Soviet period. In Ukraine, the author of the article identifies two periods of ethnopolitical transformation. The first period is characterized by a decrease in the level of tolerance towards national minorities. In the second period, the Ukrainian language is given a consolidating role in the formation of Ukrainian society. Radical nationalist movements are strengthened, the Nazis are heroized at the legislative level. Today, the extremely unstable economic and political situation in Ukraine leads to new exacerbations on the territory of Ukraine.

Key words: ethnicity, nation, nation-building model, ethnic and political transformation

Конец XX – начало XXI вв. – особый исторический период. Политическая карта мира с распадом СССР, СФРЮ и построением новых независимых государств характеризуется провалом политики мультикультурализма, всплесками терроризма в Европе, территориальными переделами и

интенсивным нарастанием межэтнических конфликтов. Стали более подвижными и неустойчивыми территориальные и этнические границы, целенаправленная политика действующих властей привела к этнополитическому противостоянию и переписыванию истории. Национализм выступил в качестве инструмента построения «этногенетического мифа», способствующего «укреплению этнопатриотических элементов» [1, с. 247].

Искаженные формы национализма можно заметить, например, в таких странах как Латвии, Литве, Эстонии, Молдавии, в Украине. С распадом СССР правящие элиты новообразованных государств провели ревизию советской нормативно-правовой базы. Часть заложенных в ней принципов и положений была одобрена и перенесена в национальное законодательство суверенных государств. Другая – была подвергнута переформатированию, порой в диаметрально противоположную версию. При этом в одних государствах руководство придерживалось последовательной политики в соответствии с запросами общества, а в других – экспериментировало с социальным организмом, внедряя то один продукт нормотворчества, то другой, порой, не заботясь о реальных потребностях социума. На этом историческом фоне актуальность исследования межэтнических конфликтов и «цветных» революций приобретает все большее значение. Исключительную важность представляет собой анализ развития конфликтных ситуаций в странах-соседях, с которыми Республика Беларусь поддерживает теплые, братские отношения.

В статье автором рассмотрены истоки этнополитических конфликтов, «оранжевой революции», «майдана» и делимитации украинских границ на современном этапе. Обращаясь к истории становления независимого украинского государства, можно выделить два периода этнополитической трансформации. Первый, непосредственно с момента распада СССР до 2004 г. Второй период начинается с 2004 г. и продолжается по настоящее время.

Начало 1990-х гг. характеризуется внедрением украинского языка во все сферы жизнедеятельности общества, снижением уровня толерантности по отношению к национальным меньшинствам и интенсивной эмиграцией

представителей нетитульных национальностей из Украины вплоть до 2004 г. Начиная с 2004 г., вступает в силу Государственная программа развития и функционирования украинского языка на 2004–2010 гг. В результате снижается удельный вес учреждений образования всех уровней с обучением на русском языке, а соответственно и удельный вес лиц, получающих образование на нем. Укрепляются радикально настроенные националистические движения, на законодательном уровне проводится героизация нацистов. Уже к 2012 г. языковая политика современной Украины не соблюдала интересы почти половины граждан страны (по данным социологического опроса 2012 г. 47 % населения высказывалось за придание русскому языку статуса государственного). Дискриминационную роль язык как этнодифференцирующий признак национальной идентичности продолжает играть и сегодня. Он становится доминирующим фактором в становлении именно этнокультурной нации в Украине, к нему присоединяются «мифологизированные концепции истории» и отношение противопоставления «свой»–«чужой».

Обратимся к истории национально-этнического развития Украины. Вопросы национальных меньшинств стали обсуждаться на высоком уровне еще в последние годы существования Советского Союза. Однако, намеченные мероприятия суждено было осуществлять уже новому суверенному государству – независимой Украине.

9 декабря 1997 г. Верховная Рада Украины ратифицировала «Рамочную конвенцию Совета Европы о защите национальных меньшинств». Но только с 1 января 2006 г. Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств наконец-то вступила в силу для Украины. Как следует из этой хронологии событий, инициатива по внедрению международных стандартов по защите прав и свобод национальных меньшинств «задержалась» в кулуарах правящей элиты Украины около десяти лет.

2 октября 2003 г. Кабинет Министров Украины во главе с В. Януковичем утвердил Государственную программу развития и функционирования

украинского языка на 2004-2010 гг. В общей части программы прописано, что украинскому языку отводится консолидирующая роль в становлении гражданского общества. Мероприятия программы предусматривают расширение функционирования украинского языка в государственной службе, СМИ, сфере культуры, образования и науки. Отдельной строкой значатся: изучение состояния преподавания на украинском языке в учебных заведениях Автономной Республики Крым, Днепропетровской, Донецкой, Луганской и Одесской областях, строительство гимназий на украинском языке обучения в г. Симферополе и г. Ялте [2]. В результате выполнения программы значительно снизился удельный вес учреждений образования всех уровней с обучением на русском языке, а соответственно и удельный вес лиц, получающих образование на нем. В то же время увеличилась (в относительном выражении) сеть учебных заведений с обучением на украинском языке и численность обучающихся.

Государственная программа развития и функционирования украинского языка на 2004–2010 гг. ставила целью ассимиляцию русскоязычного населения, его вытеснение за пределы страны. Для решения выявленных проблем предлагалось продолжить проведение протекционистских мероприятий: создать Государственный департамент языковой политики; выработать действенные средства защиты украинского языка от внешней *«культурно-языковой экспансии»*; открыть курсы по изучению языка для взрослых, что *«обеспечит должное владение государственным языком всеми гражданами Украины»* (выделено мною – А.Б.) [3].

Третий президент Украины В. Ющенко намеренно шел на разрыв с Россией: постоянно поднимался вопрос о пребывании Российского Черноморского Флота в Крыму, нарастали газовые конфликты, рушились духовные и исторические связи, проводилась политика по сближению Украины с ЕС и с США. По результатам комплексной проверки социально-политической ситуации в Крыму, В. Ющенко в феврале 2006 г. поручает Кабинету Министров разработать проекты закона *«Об основах этнонациональной политики»* и общегосударственной программы устойчивого социально-

экономического развития АРК и г. Севастополя. Государственная телерадиокомпания «Крым» должна была в кратчайшие сроки увеличить объем вещания на украинском и крымско-татарском языке.

12 октября 2007 г. президент Украины В. Ющенко подписывает указ № 965 «О присвоении Р. Шухевичу звания Герой Украины» за выдающийся личный вклад в национально-освободительную борьбу за свободу и независимость Украины и по случаю 100-летия со дня рождения и 65-й годовщины создания Украинской повстанческой армии. Данный волюнтаристский акт, по сути, легализовал бесчинства радикально настроенных националистов прошлого и «развязал руки» их последователям на совершение новых «кровавых» преступлений. Верховная Рада Автономной Республики Крым обратилась в Конституционный суд Украины с представлением о признании несоответствующим Конституции Украины данного указа. Однако суд отказал в открытии конституционного производства, ссылаясь на отсутствие правовой аргументации несоответствия положений Указа (965) непосредственно нормам Конституции Украины (Постановление Конституционного суда от 12 октября 2010 г.).

По инициативе Национальной Рады по вопросам культуры и духовности в феврале 2008 г. В. Ющенко издает указ № 146 «О некоторых вопросах развития государственной языковой политики», в котором предписывалось Кабинету Министров проработать вопрос о создании специального уполномоченного центрального органа исполнительной власти по вопросам государственной языковой политики. Данный указ требовал неуклонное соблюдение требований законодательства о языках должностными и служебными лицами органов исполнительной власти при исполнении ими служебных обязанностей.

По указу В. Ющенко был создан Украинский институт национальной памяти, задача которого была воссоздать справедливую историю украинской нации и сформировать государственную политику в этом направлении. Проиграв президентские выборы 17 января 2010 г., В. Ющенко на следующий

день после официального опубликования результатов подписывает указ № 46/2010 «О присвоении С. Бандере звания Героя Украины». Верховная Рада Автономной Республики Крым вновь обратилась в Конституционный суд Украины с представлением о признании несоответствующим Конституции Украины данного указа. Однако и в этот раз суд отказал в открытии конституционного производства с той же мотивировкой, что и по указу № 46 (Постановление Конституционного суда от 6 апреля 2010 г.).

Вслед за Указом № 46/2010, спустя неделю, В. Ющенко подписывает Указ «О чествовании участников борьбы за независимость Украины в XX веке», под которыми признаются лица из состава Украинской Центральной Рады, Украинской Народной Республики, Западно-Украинской Народной Республики, Гетманата, Организации народной обороны «Карпатская Сечь», организации украинских националистов и др. Кабинету Министров предписывалось разработать проект Закона Украины «О правовом статусе участников борьбы за независимость Украины в XX веке», Министерству образования и науки Украины, Украинскому институту национальной памяти – разработать соответствующие методические, просветительские и др. материалы для учебных заведений; местным органам власти – принять соответствующие меры по наименованию в населенных пунктах улиц, площадей, бульваров, парков и скверов, учебных заведений и учреждений культуры в честь выдающихся участников борьбы за независимость Украины в XX в. 3 февраля 2010 г. В. Ющенко подписывает указ об утверждении второй годовой программы подготовки Украины к членству в НАТО. В нем, среди прочего, говорится о необходимости разработки Концепции государственной этнонациональной политики Украины. Фактически за 10 дней до сложения полномочий главы государства, 15 февраля 2010 г. В. Ющенко, в поддержку инициативы Национального Совета по вопросам культуры и духовности, подписал еще один указ – «О Концепции государственной языковой политики». Общую тональность Концепции можно проследить с помощью следующих выдержек: «полноценное функционирование украинского языка во всех сферах

общественной жизни на всей территории государства есть гарантией сохранения идентичности украинской нации, единства Украины», «анализ языковой ситуации в государстве свидетельствует о наличии политических спекуляций по ее использованию, что... ставит под угрозу ее суверенитет. Для устранения такой угрозы необходимо расширить сферу применения украинского языка», «Независимая Украина унаследовала деформированную языковую ситуацию, которая сложилась вследствие ассимиляции украинцев. В прошлом под лозунгами борьбы с «малороссийским сепаратизмом» и «украинским буржуазным национализмом» уничтожалась культурно-языковая идентичность украинцев», «Целью Концепции есть определение стратегических приоритетов и ориентиров в преодолении деформаций национального культурно-языкового и культурно-информационного пространства, обеспечении языковых прав граждан и единства Украины» [4]. Концепция дает четкий и однозначный ответ на фундаментальный вопрос – что же лежит в основе украинской нации? – «Приоритетом государственной языковой политики должно быть утверждение и развитие украинского языка – определяющего фактора и главного признака идентичности украинской нации, который... есть базовой системообразующей составляющей украинской государственности» [5].

Авторы концепции и правящая элита Украины надеялись, что ее реализация «усилит функцию государственного языка как объединяющего и консолидирующего фактора в украинском обществе, средства укрепления государственного единства Украины» [6]. На деле эта языковая политика формировала реальную угрозу для единства Украины. При этом нарушалась ст. 5 Рамочной конвенции Совета Европы о защите национальных меньшинств, которая запрещает политику ассимиляции нацменьшинств против их воли.

Вскоре после вступления в должность, 2 апреля 2010 г. В. Янукович ликвидировал Национальный Совет по вопросам культуры и духовности и Совет по вопросам этнонациональной политики. Новая исполнительная власть признала проблемы в межнациональных отношениях. В государственной

программе социально-экономического развития Украины на 2010 г. среди таковых обозначены: наличие случаев проявления ксенофобии, расовой и этнической нетерпимости; реальная угроза межконфессиональных и межнациональных конфликтов, проявлений радикализма и религиозного экстремизма. Действовавший до государственного переворота 22 февраля 2014 г. президент Украины В. Янукович неоднократно обещал сделать русский язык вторым государственным. Но и после его победы на президентских выборах 2010 г. администрация В. Януковича предпочитала лишний раз не ссориться с оппозицией. Современная политика Украины игнорировала и продолжает игнорировать интересы половины граждан своего государства. В условиях реального двуязычия украинского общества политика тотальной украинизации, как об этом однозначно свидетельствуют текущие события, привела к острейшей межэтнической напряжённости.

Крайне нестабильное внешнеэкономическое, внутриэкономическое, политическое состояние Украины привело к новым обострениям на территории Украины. Россия не раз предлагала Украине стать полноправным членом ЕАЭС, но украинская политическая элита, не взирая на протесты населения, выступала за необходимость интеграции с Евросоюзом и за вхождение в Зону свободной торговли. Стоит отметить, что 31 мая 2013 г. В. Янукович все же подписал меморандум о сотрудничестве с Таможенным союзом, но Россия после одобрения кабинетом министров Украины проекта Соглашения об ассоциации с Европейским союзом посчитала недопустимым одновременное нахождение Украины в ЕАЭС и в ЕС.

Трагические события в Украине конца 2013 – начала 2015 гг. со всей очевидностью подтвердили верность сделанных выше выводов. Острейший политический кризис на рубеже 2013–2014 гг., выход Крыма из состава Украины, обострение гражданского противостояния, вылившееся в итоге в гражданскую войну – все это имело в качестве одной из главных причин проводившуюся в Украине с начала 1990-х гг. политику в области нациестроительства. Данная этнополитическая модель явно не соответствует

объективным задачам создания сильного суверенного государства Украины и интересам почти половины (47 %) населения.

Именно вследствие этой неправильно выбранной и непродуманной модели этнополитической трансформации лидеры ведущих стран Евросоюза, России и Украины уже дважды собирались в столице нашей страны (представляется видимо не случайно именно у нас) для определения путей выхода из украинского кризиса и вооруженного конфликта. Соглашения от 12.02.2015 г., известные как «Минск-2», должны быть воплощены в жизнь не только для прекращения военных действий на юго-востоке Украины, но и для исправления ошибок в осуществлявшейся в Украине модели этнополитической трансформации и языковой политики.

Список литературы:

1. Гранин, Ю.Д. Глобализация, нации и национализм в истории и современности / Ю.Д. Гранин, Х.Э. Мариносян. – М., 2009.

2. Заключний звіт про результати виконання Державної програми розвитку і функціонування української мови на 2004-2010 роки [Електронний ресурс] // Міністерство освіти і науки України. – Режим доступу: www.mon.gov.ua/images/files/.../zvit.doc. – Дата доступу: 02.10.2017

3. Заключний звіт про результати виконання Державної програми розвитку і функціонування української мови на 2004-2010 роки [Електронний ресурс] // Міністерство освіти і науки України. – Режим доступу: www.mon.gov.ua/images/files/.../zvit.doc. – Дата доступу: 02.10.2017

4. Про Концепцію державної мовної політики: Указ Президента України від 15 лютого 2010 року N 161/2010 [Електронний ресурс] // Верховна Рада України. – Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/161/2010>. - Дата доступу: 10.10.2017

5. Про Концепцію державної мовної політики: Указ Президента України від 15 лютого 2010 року N 161/2010 [Електронний ресурс] // Верховна Рада України. – Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/161/2010>. - Дата доступу: 10.10.2017

6. Про Концепцію державної мовної політики: Указ Президента України від 15 лютого 2010 року N 161/2010 [Електронний ресурс] // Верховна Рада України. – Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/161/2010>. - Дата доступу: 10.10.2017

Белявцева Д.В.
Белорусский государственный
экономический университет
(Минск, Республика Беларусь)

РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ И БЕЛАРУСИ КАК ОТДАЛЕННЫЙ ЭФФЕКТ ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.

Аннотация. Проведен анализ особенностей формирования СССР как федеративного государства. Рассматриваются процессы регионализации политического пространства в мире, России и Беларуси на современном этапе. Делается вывод о перспективных направлениях децентрализации для унитарных и федеративных государств.

Ключевые слова: политическое пространство, регионализация, регионализм, децентрализация унитарного государства, федеративные отношения.

Bialiautsava D.
Belarusian state
economic University
(Minsk, Belarus)

REGIONALIZATION OF THE POLITICAL SPACE OF RUSSIA AND BELARUS AS A REMOTE EFFECT OF THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION 1917

Abstract. The analysis of the features of the formation of the USSR as a Federal state. The processes of regionalization of the political space in the world, Russia and Belarus at the present stage are considered. A conclusion is drawn on promising directions of decentralization for unitary and federal states.

Key words: political space, regionalization, regionalism, decentralization of a unitary state, federal relations.

Одним из результатов Великой русской революции 1917 г. стало объединение в единое политическое пространство различных с точки зрения этнической, религиозной, культурной и социально-экономической территорий. В СССР были предприняты гигантские усилия по построению государства на основе принципов федеративного устройства. Проектов, сопоставимых по масштабам с данным в мировой истории нет. Однако, как известно,

большинство сложившихся в мире еще в начале XX в. государств-наций уже с 70-х гг. XX в. стали испытывать кризисы легитимности. Не избежало этого и государство, созданное в результате революции 1917 г.

Представляется, что одной из причин указанной тенденции является сам факт формирования большинства крупных государств-наций в результате революций или радикальных преобразований. Строительство государственности, как правило, происходило в условиях конфликтов и противостояний и в качестве главной цели предполагалось создание единой политической и экономической системы, централизация управления территорией. Проблематика этнокультурного развития хоть и дискутировалась, но была вторичной, производной от экономических успехов. Такая позиция, впрочем, доминирует и сейчас. Тем не менее, как подчеркивают многие авторы, будущее государства во многом зависит от проводимой по отношению к регионам политики, а цивилизованное развитие начинается с результативного управления внутренним политическим пространством [7, с. 10].

Создатели Советского государства осознавали наличие этнокультурных и социально-экономических различий территорий, входивших в СССР. Федерализм как форма территориального устройства был неизбежен. Он был способом решения национального вопроса и построения государства диктатуры пролетариата. Но практика реализации федерализма предопределила такие отдаленные эффекты Великой русской революции 1917 г., как регионализация политического пространства и проблема децентрализации управления.

«Декларация прав народов России», принятая 2 (15) ноября 2017 г. Советом Народных Комиссаров, провозгласила принципы равенства и суверенности народов, их право на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. III Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов принял «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», которая была включена в Конституцию РСФСР 1918 г. Согласно декларации советское государство учреждалось как федерация советских национальных республик.

После завершения Гражданской войны в 1920–1921 г. были подписаны союзные договоры между РСФСР, Украиной, Белоруссией, Грузией, Азербайджаном, Арменией. Формально закреплялась и признавалась суверенность сторон. 30 декабря 1922 г. I Всесоюзный съезд Советов утвердил образование союзного государства – Союза Советских Социалистических Республик. Конституция СССР 1924 г. определила систему федеральных органов власти и впервые в мире закрепила за союзными республиками право на самоопределение.

В 1920–1930 гг. территория Союза ССР увеличилась. Согласно Конституции 1936 г. в состав Союза входило 11 союзных республик. Законодательная власть осуществлялась Верховным Советом СССР, состоящим из двух палат: Совета Союза и Совета Национальностей (выборы в этот орган проходили только в этнотерриториальных образованиях). В 1939–1940 гг. произошло расширение территории СССР за счет вхождения Западной Беларуси, Западной Украины и Прибалтийских государств.

Конституция СССР 1977 г. закрепила принцип демократического централизма как основу организации и деятельности Советского государства. Право на самоопределение сохранялось: ст. 72 Конституции предусматривала право свободного выхода из состава СССР для каждой союзной республики. Однако никакого механизма реализации этого права предусмотрено не было. При отсутствии механизмов защиты прав союзных республик декларативный характер обрели и нормы, закрепляющие их суверенитет. Конкретные полномочия ни союзных республик, ни автономных образований перечислены в Конституции не были.

Советский Союз имел крайне сложную территориальную структуру: накануне распада он включал 15 союзных республик, 20 автономных республик, 8 автономных областей, 10 автономных округов, 6 краев и 123 области. Советское государство являлось федерацией по некоторым формальным признакам (наличие государственных институтов в регионах, двухпалатный парламент), однако реально оно характеризовалось предельно

высоким уровнем централизации властных полномочий и жестко иерархической структурой управления. Федералистские принципы отношений не присутствовали в советской идеологии. Сформировалась традиция относиться к территориальной автономии как к чему-то незаконному, не соответствующему демократическому централизму.

Весной 1990 г. Литва, а затем Латвия, Эстония, Грузия, Молдавия декларировали свою независимость. Начинались процессы сепаратизма и распада СССР. В этих условиях были предприняты попытки экономической децентрализации: принят закон «Об основах экономических отношений Союза ССР, союзных и автономных республик». Тем не менее, 12 июня 1990 г. была принята Декларация о суверенитете Российской Федерации, а 12 декабря 1991 г. Верховный Совет России ратифицировал Беловежские соглашения, подписанные 8 декабря 1991 г., и денонсировал Союзный договор 1922 г.

Следует отметить, что попытки регионализации предпринимались в СССР и ранее. Они также касались экономической децентрализации и внедрения территориального принципа управления экономикой. В конце 20-х гг. XX в. осуществлялась новая экономическая политика (нэп), а в 1950-е гг. создавались совнархозы и территориальные комплексы. Исключительно экономический характер регионализации, недостаточное внимание к естественному этнокультурному регионализму не способствовали процессам перераспределения власти между центром и периферией. В связи с этим, на рубеже 80-90-х гг. XX в. требования экономической регионализации переросли в политическую, а затем и в сепаратизм и привели к распаду СССР.

Сегодня как перед Россией, так и перед другими странами бывшего СССР вне зависимости от формы территориального устройства по-прежнему стоит проблема регионализации, но в рамках уже «нового регионализма». Важность ее разрешения обусловлена не только высоким уровнем централизации в управлении политическим пространством, заложенным в ходе строительства государственности после Великой русской революции 1917 г., но и такими общемировыми тенденциями как кризис государства-нации и активные

миграционные процессы. Проанализируем сущность процессов регионализации, их взаимосвязь с регионализмом и определим возможные перспективы регионализации для России и Беларуси.

С точки зрения структурно-функционального подхода регионализация – это, с одной стороны, политический процесс, который влечет за собой территориальную дифференциацию (фрагментацию) и определенное структурирование (упорядочение) пространства. С другой, – результат процесса структурирования в виде гетерогенной горизонтальной структуры и определенной вертикальной иерархии. Как процесс регионализация предполагает перераспределение властных компетенций, передачу функций от общенационального на субнациональный уровень, появление и развитие новых институциональных форм, отвечающих новой роли регионов в процессе принятия решений на национальном и наднациональном уровнях [2, р. 10–113]. Процесс регионализации может быть управляемым со стороны государства или спонтанным. В результате последнего территориальные сегменты складываются не благодаря, а скорее вопреки государственному воздействию.

В социально-гуманитарном знании выделяют две составляющие процесса пространственной регионализации. Управляемый процесс стратификации территории государства может происходить через концентрацию и деконцентрацию. В условиях концентрации явления накапливаются в ядре, центре государства и провоцируют фрагментацию пространства. При деконцентрации явления распространяются по территории, но в условиях различных исходных уровней социально-экономического, политического и культурного развития это распространение является неравномерным. В результате процессов концентрации и деконцентрации территория государства либо стратифицируется, т.е. расслаивается на территориальные сегменты, разные по набору формируемых свойств и качеств, либо поляризуется, оформляется в территории с коренными противоречиями.

Большинство современных государств являются неоднородными по разным основаниям. В связи с этим, для понимания политических процессов,

происходящих в них, и выбора стратегии управления политическими пространствами интерес представляет концепция многосоставного общества (plural society), разработанная А. Лейпхартом. По его мнению, политические противоречия в многосоставном обществе совпадают с линиями социального разделения. Общество представляет собой сегменты – замкнутые, стабильные сообщества со своими социальными и политическими структурами [9].

Современные общества являются многосоставными, что предполагает не только полиэтничность, но и конфессиональные, классовые и иные сегменты. Одной из разновидностей сегментов являются территориальные. Признание возможности существования территориальных сегментов – это признание возможности регионализма в любой территориально-политической организации. Сегменты любого происхождения (этнического, конфессионального, социально-классового) почти всегда имеют территориальную привязку – районы, где они преобладают или хотя бы являются значимыми компонентами социума. А. Лейпхарт, описывая сосуществование различных сегментов говорил о общественной (консоциативной) демократии. У. Ливингстон также обращал внимание на федеративную природу общества и необходимость союзных отношений между различными группами, федеративных принципов политической (не территориальной) организации общества. Эти принципы исходят из признания факта регионализма в любом государственном образовании.

В политических исследованиях регионализм понимается как признание политической неоднородности или особенностей в управлении отдельными территориями. Существуют интерпретации регионализма как стратегии региональных элит, направленной на расширение ими своих прав (движение «снизу») и как политического движения и даже идеологии, которая противопоставляется централизму [6, с. 157–168]. По мнению А.Н. Смирнова, практическое воплощение идей регионализма проявляется в установлении баланса между центром и периферией, этническими и государственными

интересами. Автор подчеркивает укорененность регионализма в сознании населения («Россия начинается с провинции») [13, с. 333].

Регионализм нейтрален по отношению к проблеме единства страны. Дискуссии по вопросу взаимосвязи регионализма и сепаратизма задаются особенностями исторического развития политического пространства, политической культуры, процесса управления территориями. Регионализм может существовать без федеративных отношений и их политико-правового оформления [10, с. 97–129]. В СССР система управления была нацелена на нивелирование этнокультурного и политического регионализма. Но поскольку различные виды регионализма могут трансформироваться друг в друга, то очевидным становится их концентрация в политическом регионализме и провоцирование процессов регионализации «снизу».

Между тем регионализм не всегда трансформируется в регионализацию. Существует мнение о том, что неаутентичный регионализм, понимаемый как маргинальная идеология региональных элит, с малой долей вероятности может привести к реальному процессу перераспределения отношений между центром и регионами [5, с. 40].

Регионализм как общемировая тенденция может рассматриваться как попытка выживания государства-нации в условиях социально-экономического кризиса [1, р. 9–10]. Следует заметить, что ряд современных авторов отмечает, что в условиях глобализации расширение полномочий регионов рано или поздно трансформирует и унитарную форму государственного устройства. На практике об этом свидетельствуют активные процессы формирования региональных государств и развитие парадипломатии [3, 4]. Отмечается также, что введение федеративных принципов управления рассматривается как вариант решения проблемы дефицита демократии [11, с. 8–9].

Как уже отмечалось, процессы регионализации активно идут и в европейских странах с конца XX в. Обратимся к их опыту. Основной стратегией для унитарных образований является децентрализация управления. Политическая база регионализма остается достаточно нестабильной. Регионы в

таких государствах как Италия и Франция мало заметны в европейской политике. Их компетенции и финансовые ресурсы остаются недостаточными, регионы слабо консолидированы, политики регионального масштаба чаще всего не оказывают существенного влияния на формирование общественного мнения. Иными словами, политический регионализм развит слабо, в основном присутствуют экономические и культурные региональные различия.

Исключение составляет Испания, где наоборот ярко представлен не только культурный и экономический регионализм, но и политический. В рамках процессов децентрализации в Испании всем территориям предоставлено право получить доступ к широкой законодательной и институциональной автономии. Испания официально считается «государством автономий». Политический регионализм в Испании зачастую граничит с сепаратизмом (референдум в Каталонии 2017 г.). В Великобритании децентрализация представлена процессом деволюции и сопряжена с политическим, культурным и экономическим регионализмом. Она носит асимметричный характер и касается отношений Лондона с отдельными территориями, в частности Шотландией, Уэльсом и Северной Ирландией. Опыт Италии и Франции мог бы быть полезен Беларуси, где отсутствует политический регионализм, но есть определенные культурные и экономические различия политического пространства. Для Беларуси стратегией развития в рамках общемирового кризиса государства-нации, необходимости экономического «выживания» и формирования практик «нового регионализма» могло бы стать укрепление финансовых возможностей регионов и бюджетный федерализм.

Одной из тенденций, определяющих характер современного периода мирового развития, является возрастание роли внутригосударственных административно-территориальных образований (регионов) в системе международных отношений. Непосредственное участие субнациональных акторов (регионов) в международной деятельности представляет собой одну из отличительных черт «нового регионализма». Данное положение относится, прежде всего, к регионам – субъектам федеративных государств, поскольку они

обладают закрепленным в национальной конституции статусом и большим объемом полномочий по сравнению с административно-территориальными единицами (регионами) унитарных государств.

Для России, суть регионализации, по мнению ряда авторов, состоит в формировании новых «культурно-экономических» регионов, ориентированных на переход к постиндустриальной экономике, границы которых не совпадают с внутренними административными границами, и вовлечение их в процессы двусторонних и многосторонних контактов с внутренними регионами других стран [8, с. 84–107, 12].

Таким образом, для российских регионов с учетом состояния федеративных отношений в государстве направлением развития процессов децентрализации является активизация участия в двусторонних и многосторонних контактах с внутренними регионами других стран. В качестве же стратегии видится расширение возможностей и правовых оснований для парадипломатической деятельности отдельных территориальных сегментов.

Список литературы:

1. Bullmann U. The Politics of the Third Level // The Regional Dimension of the European Union / Ch.Jeffery (ed.). – L., 1997.
2. Christiansen Th., Joenniemi P. Politics on the Edge: On the Restructing of Borders in the North of Europe // Curtains of Iron and Gold. Reconstructing Borders and Scales of Interaction / H.Eskelinen, I.Liikanen and J.Oksa (eds.). – Ashgate, 1999.
3. Duchacek I. Comparative federalism. The territorial dimension of politics. – New York, 1970.
4. Fry E. The expanding role of state and local governments in U.S. foreign affairs. – New York, 1998.
5. Бусыгина И.М. Политическая регионалистика: учебное пособие. – М., 2006.
6. Бусыгина И., Захаров А. Sumergocogito. Политический мини-лексикон. – М., 2006.
7. Васютин Ю.С. Научные аспекты проблемы регионализации в федеративном государстве // Регион как субъект политической власти. – Москва – Орел, 2002.

8. Княгинин В., Щедровицкий П. На пороге новой регионализации России // Россия между вчера и сегодня / Под ред. В.Преображенского и Д. Драгунского. – М., 2003.
9. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. – М., 1997.
10. Макарычев А.С. Влияние зарубежных концепций на развитие российского регионализма // Сравнительный регионализм: Россия – СНГ – Запад. – Н.Новгород, 1997.
11. Махтей Е.В. Современная регионализация и формы ее проявления: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2015.
12. На пороге новой регионализации России: Доклад. – Н.Новгород, 2001.
13. Смирнов А.Н. Регионализм // Политическая энциклопедия в 2-х тт. Т.2. – М., 1999.

Вонсович Л.В.
Белорусский государственный
экономический университет
(Минск, Республика Беларусь)

**ОСОБЕННОСТИ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
В ПОСТСОВЕТСКОЙ БЕЛАРУСИ:
НЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ**

Аннотация. Автором рассмотрены особенности модернизационных процессов в Беларуси, которая избрала, в отличие от многих других республик бывшего Советского Союза не революционный, а эволюционный путь общественного развития. Целью такого пути является переход белорусского государства к устойчивому развитию, к построению постиндустриального информационного общества.

Ключевые слова: революция, эволюция, устойчивое развитие, государственная власть, модернизационные процессы, политическая система.

Vonsovich L.
Belarusian state
economic University
(Minsk, Belarus)

**PECULIARITIES OF MODERNIZATION PROCESSES
IN POSTSOVIET BELARUS:
NOT THE REVOLUTIONARY WAY OF DEVELOPMENT**

Abstract. The author considers the features of modernization processes in Belarus, which has chosen, unlike many other republics of the former Soviet Union is not revolutionary, and the evolutionary path of social development. The goal of such a path is the transition of the Belarusian state to sustainable development, to the construction of a post-industrial information society.

Key words: revolution, evolution, sustainable development, state power, modernization processes, political system.

В ходе истории развития человечества определились два пути развития общества – революционный и эволюционный. Эволюционный путь предполагает мирные ненасильственные преобразования политической и экономической системы, которые призваны способствовать прогрессу, т. е. улавливать его основные направления и всемерно их поддерживать, быстро перенимать передовой опыт других государств. Сторонники революционного

пути считают, что ради достижения поставленной цели, возможно, использовать все средства, включая и насилие. При этом, по их мнению, все, что находится на пути прогресса, должно быть отброшено или уничтожено в т.ч. и посредством революции. В большинстве случаев революция приводит к тотальным изменениям всех сторон жизнедеятельности общества, коренному перелому в характере политических, социальных и иных отношений.

Очевидным является тот факт, что соотношение эволюции и революции в развитии общества, а также различных форм осуществления самих революций меняется на различных этапах истории и в разных условиях существования государств. Процессы, происходящие в современном мире, свидетельствуют о том, что многие проблемы, которые в прошлом решались и сегодня в отдельных странах решаются лишь в условиях острейших социальных конфликтов и революционных событий, сегодня могут быть разрешены в ходе эволюционного развития. Бесспорным является и то обстоятельство, что в обществах демократического типа открываются широкие возможности своевременной модернизации, способной путем более или менее значимых реформ предотвращать и решать острые противоречия, часто способствующие массовым социальным протестам и выступлениям против политической системы. В тоже время в государствах, в которых длительное время игнорируются интересы народа, используются командно-административные методы управления и осуществляется волюнтаристская или насильственная политика властей становится возможным, как показывает недавний опыт развития событий на постсоветском пространстве и на Ближнем Востоке, превратить сравнительно небольшие и вполне разрешимые социальные конфликты в революционный взрыв.

Как показывает практика революционные политические события, острота и частота их возникновения – это следствие объективно складывающегося характера взаимодействия противоборствующих социально-политических сил, а также политики властных структур. Если правящая элита готова с помощью реформ провести назревшие социальные преобразования, пойти на

компромисс, не допустить массового применения насилия, то основа для революционных потрясений в обществе исчезает. В том случае, если стоящие у власти силы не готовы реформировать общество, идти на компромисс, проводить гибкую, с учетом сложившихся реалий политику, а применяют социальное и политическое, в т.ч. и вооруженное насилие ради сохранения прежних порядков, то социально-политические потрясения неизбежны. В современной Беларуси сложилась обстановка, когда достижение целей модернизации общества осуществляется по первому эволюционному варианту.

Важнейшим условием реализации государственного курса на эволюционное и поступательное развитие Республики Беларусь на протяжении многих лет постсоветской истории является сильная государственная власть, стабильность политической системы и движение к устойчивому развитию.

Переход Республики Беларусь к устойчивому развитию предполагает решение трех тесно взаимосвязанных проблем [9]:

- поддержание устойчивого экономического роста, который соответствовал бы экологической системе жизнеобеспечения общества;
- справедливое распределение ресурсов и возможностей в рамках нынешнего поколения граждан Беларуси, а также между нынешним и будущими поколениями белорусов;
- динамичное повышение уровня благосостояния народа, обогащение его культуры, нравственности на основе интеллектуально-инновационного развития экономической, социальной и духовной сфер.

Большое значение в решении обозначенных выше проблем играют политические, экономические, социальные, стратификационные [2] и иные факторы.

В качестве важнейших политических факторов, необходимых для обеспечения устойчивого развития Республики Беларусь, выступают стабильная политическая система и эффективность действующих в стране политических институтов. Речь идет, прежде всего, о государстве, которое воспроизводит необходимые для поддержания определенной модели развития

социальные ресурсы и создает условия для расширенного воспроизводства деятельности органов государственной власти. Определяя роль государства в обеспечении устойчивого развития, важно обозначить пределы его вмешательства в экономику и социальную сферу, что особенно актуально для обществ, в которых осуществляются модернизационные процессы. В них политическое, экономическое, социальное развитие отличается неустойчивостью и незавершенностью. Это создает условия для активизации деструктивных элементов на почве возникновения противоречий относительно возможных путей преобразований. В силу этого именно концептуальный выбор определенного типа социально-экономической политики приобретает решающее значение в эволюции самой политической системы, определяя успешность процесса демократической модернизации общества в ущерб возможным революционным процессам.

В период становления суверенного белорусского государства сторонники либеральной концепции предлагали Беларуси скорейшее сокращение старых форм государственного вмешательства в экономику, создание нового государственного аппарата, роль которого сводилась бы к законотворчеству и надзору за исполнением законов, а также к контролю над естественными монополиями при минимальных социальных обязательствах. Приоритетное значение при этом должны были иметь антиинфляционные меры, открытость экономики для международной конкуренции, движения товаров и капитала. Однако, как показывает практика, подобная политика не всегда эффективна. Опыт Беларуси свидетельствует о том, что в условиях структурного кризиса более востребована иная система мероприятий. Она направлена на оздоровление промышленности, экономический рост, привлечение инвестиций при доминировании государства в процессах трансформации, сохранении за ним важнейших отраслей экономики. При этом речь не идет о прямом государственном вмешательстве и наращивании государственных капиталовложений. Здесь важно использовать более тонкие инструменты косвенного воздействия на рыночные стимулы и регуляторы, требующие

сокращения налогов, активное привлечение частных сбережений граждан и иностранных инвестиций. Одновременно с этим происходит ограничение бюрократических институтов самого государства, их преобразование с целью выполнения тех функций, в которых нуждается общество.

Белорусское государство не пошло по пути копирования западной модели развития, полагая, что любому хозяйственному и общественному порядку присуща специфическая индивидуальность, обусловленная культурным и политическим развитием. Республика Беларусь создала собственную модель социально-экономического развития, которая получила название социально ориентированной рыночной экономики. В ее основе лежит высокоэффективная экономика с активно развивающимся предпринимательством и рыночной инфраструктурой, действенным государственным регулированием, заинтересовывающим предпринимателей в расширении и совершенствовании своего производства, а наемных работников – в результатах своего труда. Белорусская экономическая модель отражает историю страны, традиции народа, его менталитет с преобладанием таких черт, как коллективизм, взаимопомощь, социальная справедливость, что исключает эгоцентризм, массовую безработицу, резкую социальную дифференциацию населения по доходам. Она гарантирует высокий уровень благосостояния добросовестно работающим членам общества, а также достойное социальное обеспечение малоимущим категориям населения [7].

Осуществляемый в Беларуси процесс либерализации несколько изменил основные принципы функционирования хозяйственного комплекса страны. В современных условиях государство для обеспечения устойчивого развития определяет концептуальные основы построения национальной экономики, правила игры и контролирует их безусловное соблюдение. Приоритетом государственной политики в данном направлении является создание определенных условий деловой среды, которая дает возможность ее субъектам получать как можно больше прибыли, обогащая тем самым своих работников и государство в целом. Совместно с активными социальными группами,

профсоюзами и иными общественными объединениями государство конструирует эффективный механизм осуществления преобразований, которые дают толчок к возрастанию роли рыночного саморегулирования. Ответственность за социальное благополучие общества в этом случае лежит на всех участниках экономических процессов.

Несмотря на некоторые изменения политики Беларуси в экономической и социальной сферах приоритетным для нее по-прежнему остается забота о благополучии и благосостоянии своих граждан. Это предполагает проведение активной социальной политики, направленной на поддержание равновесия, социального взаимодействия институтов власти, профессиональных союзов, предпринимательства, различных слоев населения [8, с. 499–727]. Очевидным является тот факт, что стратегия Республики Беларусь в осуществлении социальной политики постепенно меняется. Сегодня она строится в направлении от социальной защиты к социальному развитию. Это предполагает постепенную корректировку структуры расходов государства в социальной сфере в направлении ее рационализации и адресности, а также проявление заботы не только о наиболее малообеспеченных слабо защищенных категориях граждан, но и поддержку сильных работоспособных групп населения.

Одним из политических факторов обеспечения устойчивого развития Республики Беларусь на современном этапе является перестройка самого государства и его институтов на принципах демократии, доминирования закона во всех сферах. Эта перестройка, как свидетельствует опыт нашей страны и ряда других государств постсоветского пространства, представляет собой длительный, болезненный и противоречивый процесс, поскольку разрушение старого аппарата власти не приводит автоматически к рождению новой системы. Она ведет лишь к полной потере управления хозяйственными процессами, образованию вакуума власти, порождает анархию, дает простор криминальным элементам, усиливает коррупцию, углубляет экономический кризис, способствует революционной активности масс.

В такой ситуации только сильная государственная власть способна поддерживать стабильность в обществе, успешно управлять государством, обеспечивать экономический правопорядок, экономическую безопасность страны и граждан. Такая власть призвана осуществлять контроль над теми социальными противоречиями, которые несут угрозу национальному согласию и политической стабильности. В условиях транзитного общества она способствует сохранению достигнутого уровня социальной гетерогенности либо переходу к ней из фазы культурного, социального, структурного плюрализма, создает условия для формирования новых социальных страт и среднего класса в качестве основы социума, вырабатывает относительно эффективный механизм межэтнической интеграции. Именно сильная центральная власть, эффективно функционирующая в белорусском государстве, не дала возможности утвердиться олигархическому беспределу. Она не допустила разрушения национальной экономики, прорыва криминала к решающим рычагам системы управления, создала предпосылки и условия для обеспечения социальной справедливости, общественного порядка, стабильности, повышения уровня жизни, достижения высокого стандарта благосостояния народа [4].

Особенностью переходного периода на пути продвижения государства к устойчивому развитию является появление у людей новых интересов, нового сознания, значительное расширение их требований. Главной целью государства в этих условиях становится курс на решение вопросов социально-экономического развития. Реализовать такую цель может только сильное эффективное правовое государство. Оно является неким эталоном государственности, к которому стремится прогрессивное человечество. Отдельные черты правового государства уже давно реализованы в постиндустриальных странах, другие – находятся в стадии их воплощения, третьи – еще только разрабатываются. Особое значение и ценность в современных условиях имеют те черты правового государства, которые определяют его отношения с обществом, социальными группами, индивидами.

Очень важен цивилизационный характер этих отношений, уважение прав и свобод человека, национальных меньшинств, высокая правовая культура всех субъектов политических процессов. При этом следует отметить, что правовое государство не следует расценивать как законченную, совершенную конструкцию. В каждом конкретном случае оно формируется исходя из своих собственных реальных возможностей, что порождает многообразие форм его проявления в разных странах. Признавая и гарантируя право граждан на сохранение и развитие их самобытной культуры, родного языка, право на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества, сохранение и развитие исторических традиций и ценностей белорусского народа, Беларусь создает реальные предпосылки для построения правовой государственности.

Важнейшим фактором устойчивого развития Республики Беларусь, ее политической и социальной стабильности является формирование развитого гражданского общества. Оно представляет собой «устойчивую систему экономических, социально-политических, религиозных, духовно-нравственных, семейных, культурных и других общественных отношений, которые, определяя политику государства, тем самым выражают волю различных категорий граждан» [3, с. 192]. Одним из условий формирования гражданского общества в Беларуси является существование определенного типа личности, способной конструктивно взаимодействовать с другими индивидами во имя общих целей, а также подчинять свои частные интересы и способы их достижения общим нормам, выраженным в Конституции и законах страны. Субъектами гражданского общества могут быть только активные деятельные граждане, знающие и понимающие, что их собственная деятельность - это лучший способ защиты своих интересов, решения возникающих проблем. Эти индивиды уверены в том, что добиться реальных результатов можно, объединив свои усилия с усилиями других людей. При этом речь идет не только об усвоенных общественным сознанием понятиях и концепциях, но и о массовых социальных представлениях, опирающихся на понимание действительности и логически

ориентированные системы понятий, способные направлять и мотивировать социальное поведение людей [5, с. 27].

Важным для функционирования гражданского общества представляется также личная независимость граждан, которая возрастает в условиях существования конкурирующих структур. Речь идет о возможности выбора места работы [6], об обеспечении карьерного роста, о создании новой системы статусов, которая будет способствовать обновлению элиты наиболее образованными, способными, талантливыми представителями социума. Целесообразным представляется также выведение из-под контроля государственной власти всего того, что не связано с обеспечением безопасности. Создание новых структур и систем общения между людьми - клубов, ассоциаций, объединений и других, не связанных с государством организаций – призвано способствовать реальным сдвигам в политическом сознании граждан. Успешно функционирующие альтернативные организации приводят к перераспределению власти в условиях мирного сосуществования со старыми социальными структурами.

Определенной доминантой развития белорусского государства при переходе к устойчивому состоянию является сохранение условий для своей собственной демократической эволюции. При этом значительной проблемой, по-прежнему, остается проблема взаимоотношений государства и общества. Невозможность установить стабильную демократию в ряде стран транзитного типа обусловлена фактом широкого бюрократического доминирования в политике и социуме. Преобладание высокоцентрализованных государственных институтов препятствует развитию гражданского общества, сильных и автономных объединений, политических партий, которые призваны сдерживать произвол властей и способствовать введению гражданской подотчетности и контроля. Реалии современного мира настоятельно диктуют развивать и усиливать те институты, которые выражают и обобщают общественные интересы, противостоят тенденции государства концентрировать в своих руках

неограниченную власть. Речь идет, прежде всего, о политических партиях и общественных объединениях граждан.

Говоря о партийной системе Республики Беларусь, следует отметить, что она на сегодняшний день мало эффективна. Несмотря на наличие 15 политических партий, их влияние на процессы в республике минимально. Опросы общественного мнения свидетельствуют, что партии непопулярны и не привлекают внимание рядовых граждан. Такая ситуация имеет свое объяснение. Политические партии в республике создавались без должной подготовки и часто без необходимости. Они имеют небольшой опыт деятельности в сфере политики, часто используя неконституционные методы борьбы, демонстрируя свое стремление любыми путями достигнуть власти и влияния в обществе. Политические партии не решают пока и свою основную задачу – формирование гражданского общества, они не имеют ни должной социальной опоры, ни соответствующего опыта. Большинство белорусских партий выдвигают лозунги, которые не понятны рядовым гражданам, которые в корне расходятся с мнением и настроенностью широких масс. Это встречает непонимание жителей Беларуси и активное отторжение со стороны общества. Кроме этого, в партийной системе Беларуси наблюдается слишком большой разброс мнений, хотя политические ориентации ряда партий очень похожи. Это не позволяет политическим объединениям сконцентрировать свое внимание на решении стоящих перед белорусским обществом проблем, а толкает их на выяснение отношений друг с другом. Представляется очевидным, что наибольшей эффективности партийная система Республики Беларусь достигла бы при наличии нескольких крупных политических партий, объективно отражающих интересы и чаяния народа. Это позволило бы избежать лишнего радикализма многих действующих в стране политических сил и активизировало бы участие граждан в политических процессах.

Несколько иные позиции в политической системе Беларуси занимают общественные объединения, которые обладают широкими правами и возможностями выражать интересы различных слоев белорусского общества.

Значение общественных объединений трудно недооценить. Они содействуют достижению баланса в социальных отношениях, стимулируют развитие политического плюрализма, препятствуют сползанию государства к авторитарному режиму существования. Главными задачами общественных объединений Беларуси по обеспечению устойчивого развития являются следующие:

- 1) утверждение конституционных прав граждан на благоприятную окружающую среду, труд, отдых, образование, социальную защиту;
- 2) пропаганда здорового образа жизни, ценностей социально ориентированной рыночной экономики;
- 3) противодействие потребительскому подходу, нарушению принципов справедливости в распределении благ, чрезмерной дифференциации в доходах, структурах производства и потребления;
- 4) осуществление общественного контроля за состоянием окружающей среды, соблюдением предприятиями природоохранного законодательства, выполнением мероприятий по устойчивому развитию;
- 5) участие в создании и реализации программ экологического образования и просвещения, воспитания бережного отношения к природе [7].

Значимым инструментом демократизации общества, фактором, обеспечивающим политическую социализацию граждан, является деятельность органов местного управления и самоуправления. В Беларуси это - местные Советы депутатов, органы территориального общественного самоуправления, собрания граждан, исполнительные комитеты разных уровней, местные администрации. Децентрализация власти, ее распределение среди множества местных органов управления делают власть более ответственной, а населению дают возможность контролировать происходящие в государстве процессы. Прямое участие народа в управлении государством формирует у граждан определенные качества, направленные на решение как государственных, так и региональных проблем, позволяет выполнять определенные идейно-воспитательные функции.

Деятельность органов местного управления и самоуправления по выполнению задач устойчивого развития предусматривает реализацию ряда мер по стабилизации социально-экономической ситуации в региональных и локальных сообществах. Это, прежде всего, обеспечение рационального природопользования и охраны окружающей среды, улучшение демографической ситуации в регионах, поддержку семьи, материнства, детства, повышение качества жизни населения, сохранение памятников истории и культуры, создание новых рабочих мест, развитие малого и среднего бизнеса, совершенствование местной социальной, экологической, транспортной, информационно-коммуникационной и энергетической инфраструктуры и др.

Таким образом, учитывая реалии современного мира, можно с уверенностью сказать, что миновать путь революционных потрясений и осуществить переход к устойчивому развитию может лишь «эффективное государство в тесном взаимодействии с частным бизнесом и независимыми общественными структурами, способными формировать современные рычаги воздействия на экономику, политику, социально-культурную сферу и осуществлять глубокие системные преобразования» [7]. Функционирование такого государственного механизма предполагает усиление роли самого государства как основного звена политической системы, координатора деятельности других ее структурных компонентов, а также реализацию программ, направленных на обеспечение политической стабильности общества, регулирование экономических процессов в совокупности с решением социальных и экологических проблем, предоставление хозяйствующим субъектам самостоятельности в выборе и реализации направлений, форм и методов их деятельности, отвечающей интересам устойчивого развития страны, проведение активной социальной политики, оказание содействия развитию духовной культуры в целях наиболее полного удовлетворения социально-культурных нужд и интересов человека и социума в целом.

Список литературы:

1. Бабосов, Е. М. Основы идеологии белорусского государства: курс лекций. – Минск, 2012. - 215 с.
2. Бабосов, Е.М. Социально-стратификационные факторы обеспечения устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь. – Мн., 2008.
3. Бобков, В.А., Рубанов, А.В., Коновалов, В.Т. Актуальные проблемы государственного строительства в Республике Беларусь // 10 лет Белорусской ассоциации политических наук: Сб. материалов / Под общ. ред. проф. В.А. Мельника. – Мн., 2003. – С. 182-194.
4. Государство для народа: документы и материалы III Всебелорусского народного собрания 2-3 марта 2006 г. – Мн., 2006.
5. Дилигенский, Г. Что мы знаем о демократии и гражданском обществе? / Г. Дигилевский. - М., 1997.
6. Лукашенко, А.Г. Здоровье государства – это благополучие человека, согласие в обществе, целеустремленность нации // Беларусь сегодня. – 2008. – 30 апреля.
7. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf>.
8. Современная Беларусь. Энциклопедический справочник: В 3 т. – Т. 1. – Мн., 2006.
9. Costanza, R., Folke, C. Ecological Economics and Sustainable Development. Paper prepared for the International Experts Meeting for the Operationalization of the Economics of Sustainability. - Manila, Philippines, 1994. – July 28-30.

Посталовский А.В.
Белорусский государственный университет
Посталовская О.А.
Белорусский государственный
экономический университет
(Минск, Республика Беларусь)

«ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»: ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. Авторы рассматривают аспекты содержательной трансформации технологий дестабилизации политических режимов на постсоветском пространстве. Проанализированы конкретные примеры практической реализации сценария «цветной революции» в Грузии, Украине, Киргизии, Молдове. Отражена структурная трансформация методов и средств дестабилизации политических систем от классического ненасильственного протеста до применения образа «сакральной жертвы» в процессе радикального противостояния между властью и оппозицией в государствах постсоветского пространства.

Ключевые слова: революция, «цветная революция», ненасильственный протест, постсоветское пространство, правящая элита, дестабилизация.

Postalovsky A.
Belarusian State University
Postalovskaya O.
Belarusian state economic University
(Minsk, Belarus)

«COLOR REVOLUTION»: TRANSFORMATION OF TECHNOLOGIES FOR DESTABILIZING POLITICAL REGIMES ON THE POST- SOVIET SPACE

Abstract. The authors consider the aspects of substantial transformation of technologies of destabilization of political regimes in the post-Soviet space. Specific examples of the practical implementation of the «color revolution» scenario in Georgia, Ukraine, Kyrgyzstan, and Moldova are analyzed. The structural transformation of methods and means of destabilizing political systems from classical nonviolent protest to application of the image of the «sacred victim» in the process of radical confrontation between the authorities and the opposition in the states of the post-Soviet space is reflected.

Key words: revolution, «color revolution», non-violent protest, post-Soviet space, ruling elite, destabilization.

Распад СССР выступил источником формирования принципиально нового территориального пространства, в рамках которого образованные независимые государства начинают разрабатывать собственные ориентиры общественно-политического и социально-экономического развития. Созданное в Вискулях 8 декабря 1991 г. Содружество Независимых Государств было призвано стать новым механизмом интеграции бывших союзных республик, пришедшим на смену федеративному советскому государству. Вместе с тем, несмотря на значительный в содержательном плане потенциал интеграционного процесса, обусловленный, прежде всего, общей историей, культурными и экономическими связями, СНГ так не стал интегративным фундаментом государств бывшего СССР.

Неразрешенные в советский период национальные противоречия привели к вооруженным конфликтам в Приднестровье (1992), Нагорном Карабахе (1992–1994), Абхазии (1992–1993), Чечне (1994–1996, 1999–2000), Таджикистане (1992–1997). Ангажированная неоднозначная трактовка исторических событий, равно как и пересмотр истории государства в период его нахождения в составе СССР, привели к социальной напряженности в странах, в которых компактно проживает русскоязычное население. Построение национально ориентированного государства в ряде государств постсоветского пространства, в частности, в прибалтийском регионе (Латвия, Эстония) происходило с акцентированным игнорированием интересов национальных меньшинств, что, в свою очередь, приводило как к конфликтам внутри страны, так и в отношениях новых независимых государств с Российской Федерацией – ключевым геополитическим субъектом постсоветского пространства.

Немаловажным также представляется дифференциация и содержательная многовекторность моделей социально-экономического развития постсоветских государств в первое десятилетие (1991–2000) своей независимости. Латвия, Литва, Эстония взяли курс на ускоренную интеграцию в европейское сообщество. Молдова, находясь в состоянии «законсервированного» конфликта

с Приднестровской Молдавской Республикой, стремилась реализовать социокультурную интеграцию с соседней Румынией вплоть до постановки и актуализации вопроса о политической ассоциации. Республика Беларусь взяла курс на построение социально-ориентированного государства с собственной моделью национального развития, учитывающую интересы абсолютного большинства населения страны. Украина, представляющая собой фрагментированное пространство ярко выраженного в национальном плане западного аграрного региона страны (Львов, Ивано-Франковск, Тернополь, Ровно, Луцк), который находился в ценностной конфронтации с промышленным «Востоком» (Донецк, Луганск, Харьков) и пророссийским «Югом» (АРК Крым), долгое время демонстрировала колебания относительно выбора оптимального курса социально-экономического развития и вектора внешнеполитической ориентации. В указанных контекстах ввиду неупорядоченного социально-политического развития ряда государств бывшего СССР, постсоветское пространство представляет собой перманентное конфликтогенное поле, для которого характерно радикальное разрешение противоречий как внутри самих новых государствах экс-СССР, так и в отношении с Российской Федерацией.

Динамика происходящих процессов на постсоветском пространстве обуславливает исследовательский интерес к возникающим формам политической конфликтности, которые в ряде случаев заканчивались радикальной трансформацией правящей политической элиты и сменой внешнеполитического курса. Начиная с 2003 г., на постсоветском пространстве активно применяются и реализуются на практике технологии «цветных революций» как инновационной формы конфликторазрешения между правящей элитой и оппозицией. «Революция Роз» в Грузии (2003), «Оранжевая революция» в Украине (2004), «Тюльпановая революция» в Киргизии (2005), «Сиреневая революция» в Молдове (2009), «Дынная революция» в Киргизии (2010), «Революция достоинства» («Евромайдан») в Украине (2013–2014) – наиболее известные и реализованные на практике сценарии «цветной

революции» в государствах бывшего СССР. Особенностью данных революций, по мнению российских исследователей В.Е. Авдеева, А.О. Наумова и А.Ю. Наумовой выступил молниеносно-экспрессивный характер реализации сценария и логики революционного процесса, результатом которого выступил относительно быстрый период радикальной трансформации политических элит. «...«Революционерам» не пришлось заниматься изнуряющей, растянутой на несколько поколений работой по подрыву режима. Все этапы «революционной» борьбы прошли в предельно сжатом, ускоренном режиме с использованием новых возможностей постиндустриального и информационного общества: сетевые структуры, нейропрограммирование, манипуляция общественным сознанием посредством мировых СМИ» [6, с. 11].

Молниеносное содержание динамики процесса реализации сценария «цветной» революции отличает данные формы радикальной трансформации правящих политических элит от классических моделей революционного процесса. Как правило, в революциях классического типа сама социодинамика общественного развития в данный период представляется в форме процесса. Революционный процесс включает в себя следующие компоненты:

- 1) объективные предпосылки революции;
- 2) социальную базу революции;
- 3) революцию как кульминацию трансформации (перехода);
- 4) результат революции как переход к последующей стадии общественно-экономического развития.

Как отмечает Г.А. Завалько, «применение понятия «революция» оправданно только при стадийном понимании истории – как перехода на новую стадию [1, с. 296]. Соответственно, если отсутствует стадийность, переход и причинно-следственная связь логики социодинамики революционного процесса, согласно подходу Г.А. Завалько, само по себе оперирование термином «революция» при описании происходящих событий является недопустимым. В данном случае «цветные революции» кардинально отличаются от своих классических аналогов.

Как отмечает Г.Г. Почепцов, «бархатные революции, а также цветные их варианты последнего времени не столько меняют элиты, сколько совершают их круговорот»[7, с. 9]. В данном случае у «цветных революций» отсутствуют два обязательных для классических революций компонента – объективные предпосылки и результат (переход к новой общественно-экономической формации). По сути, происходит всего лишь циркуляция правящей политической элиты посредством визуальных атрибутов протеста, маскируемых в ряде случаев под элементы реальной революции. В указанных контекстах происходит смена власти или политического режима, однако сама по себе модернизация и стадийность как необходимые составляющие отсутствуют. Соответственно, представляется возможным говорить о «цветных революциях» как о технологии, в то время как классические примеры реальных революций необходимо позиционировать, прежде всего, как процесс.

Технология «цветной революции» – это комплекс методик политической дестабилизации правящей элиты, направленный на ее ускоренную циркуляцию. Преобразование, равно как и сами предпосылки революционной ситуации в ряде случаев могут отсутствовать. Как отмечается в работе Г.Ю. Филимонова, «...«цветные революции» – это технологии осуществления государственных переворотов и внешнего управления политической ситуацией в стране в условиях искусственно созданной политической нестабильности, в которых давление на власть осуществляется в форме политического шантажа с использованием в качестве инструмента шантажа молодежного протестного движения» [8, с. 413]. Соглашаясь, в целом, с аргументацией исследователя относительно предложенной дефиниции «цветной революции», необходимо отметить феномен внешнего управления, формируемый для создания искусственных предпосылок политической нестабильности, которая по мере развития сценария «цветной революции» трансформируется в классический управляемый хаос.

Необходимым компонентом цветных революций, по мнению Г.Г. Почепцова, выступает управляемость революционного процесса.

«Инженерия протеста, – пишет автор, – опирается на инструментарий, направленный на захват власти и использующий протестные настроения масс, искусственно или естественно создаваемые» [7, с. 9]. Как отмечает А.В. Манойло, «любая международная подсистема, оказавшаяся в кризисе, становится уязвима для внешнего воздействия» [3, с. 65]. Соответственно, по мнению исследователя, «... для того, чтобы управлять этой подсистемой, необходимо превратить ее в очаг нестабильности, когда прежние механизмы стабилизации перестают действовать и от распада подсистемы может спасти только импорт идей, концепций, идеологических установок, которые нередко полностью замещают прежние. Примером такого кризисного управления» являются так называемые «бархатные революции» на пространстве СНГ...» [3, с. 65]. Высказанное суждение наиболее полно, на наш взгляд, отражает смысловые контексты содержания динамики реализации сценария «цветной революции». Первоначальной задачей архитекторов «цветной революции» выступает дестабилизация социально-политической обстановки с последующим обеспечением управляемости активизируемого дестабилизационного процесса. В данном случае, дестабилизация выступает формой замещения объективных предпосылок революции, поскольку без искусственного создания конфликтной ситуации революционная ситуация будет отсутствовать сама по себе.

Управление сформированным конфликтом выступает следующей задачей сценария «цветной революции». Само по себе управление конфликтом предполагает контроль за развитием конфликтной ситуации, в частности, полную монополизацию на предполагаемые формы конфликто разрешения. В данном случае предлагается импорт конкретных идей и акций, направленных на логическое завершение сценария «цветной революции», а именно радикальная трансформация правящей политической элиты. Соответственно, действующая власть априори конституируется идеологами «цветной революции» в качестве негативного явления, естественным процессом

разрешения которого будет выступать ее свержение, визуально маскируемое под внешне легитимную акцию.

Концептуальной основой сценария «цветной революции» выступает теория ненасильственного сопротивления действующей власти Д. Шарпа: «...ненасильственная борьба приводит к такому изменению конфликтной ситуации и общества, что противник просто не может поступать так, как хотел бы. Именно такое изменение вызывают к действию остальные три механизма: приспособление, ненасильственное принуждение и разрушение» [9, с. 49]. В данном случае Д. Шарп, предлагая ненасильственные технологии дестабилизации политического режима, фактически девальвирует право государства на легитимное насилие как форму предупреждения массового неповиновения. «Сопротивление без насилия, – пишет Д. Шарп, – не только консолидирует силы его участников, но и позволяет добиться численного перевеса защитников законного правительства над сторонниками узурпаторов, готовых применять насилие, а также подорвать боевой дух и надежность войск путчистов» [9, с. 143]. Реализуя право на легитимное насилие, государство, по сути, априори остается в проигрышном для себя положении, поскольку само по себе применение насилия в отношении протестующих уже дискредитирует власть. Как отмечает С.Г. Кара-Мурза «важное условие для достижения этой пороговой точки – заблаговременное создание общего, как будто естественного убеждения, что власть не имеет права пресечь этот «праздник угнетенных» насильственным восстановлением порядка. ... Таким образом, «народу» предоставляют возможность эскалации давления на власть вплоть до захвата зданий, представляющих собой символические объекты государства и власти – резиденции главы государства, парламента...» [2, с. 253].

Ненасильственный протест, с одной стороны, выступает фактором последующей мобилизации протестного потенциала оппозиционно настроенного населения ввиду визуальной демонстрации властью своей слабости и неустойчивости. С другой стороны, в среде самих правоохранительных органов возникает недоверие к действующей власти.

Кроме того, сам по себе факт последующей дискредитации ввиду применения силы способствует тому, что силовые структуры самоустраняются из борьбы с оппозицией, вследствие чего власть окончательно теряет возможность радикального силового предупреждения массового протеста. Фактическое самоустранение силовых структур из политического конфликта, результатом которого выступает дальнейший паралич правящей элиты в противостоянии с оппозицией, характерно практически для всех «цветных революций» первой волны (2003–2005 гг.) на постсоветском пространстве.

В работе «От диктатуры к демократии» Д. Шарп представил концепцию 198 ненасильственных методов дестабилизации политических режимов, призванных обеспечить принудительную циркуляцию правящих элит. Данные технологии в полной мере были реализованы в период первой волны «цветных революций» на постсоветском пространстве (2003–2005 гг. – «Революция роз» в Грузии, «Оранжевая революция» в Украине, «Тюльпановая революция» в Киргизии). Ненасильственные технологии активного протеста («лозунги карикатуры, символы» (метод № 7), «вывешивание флагов, использование предметов символических цветов» (метод № 18), «пение» (метод № 37), «митинги протеста» (метод № 48), «общественное неповиновение» (метод № 63), «отказ от лояльности к властям» (метод № 120), «задержки и препятствия работе учреждений» (метод № 144), «блокирование дорог» (метод № 176), «двойной суверенитет и создание параллельного правительства» (метод № 198) – в той или иной форме были реализованы в Грузии, Украине, Киргизии.

Общей особенностью первого этапа реализации стратегии «цветных революций» на постсоветском пространстве выступало применение их инструментария и технологий в период электоральных кампаний, что позволяло оппонентам правящей власти придать элементы легитимности своим действиям. Частично технологии реализации сценария «цветной революции» вписывались в общий контекст избирательных кампаний, при этом обязательным атрибутом стратегии дестабилизации политического режима

выступали акции по непризнанию итогов голосования. Потенциальная победа кандидата от власти (В.Ф. Янукович в Украине-2004) либо партии власти на парламентских выборах (блок «За новую Грузию» в Грузии-2003 и «Алга, Кыргызстан» в Киргизии-2005) априори объявлялась фальсификацией избирательного процесса. Как отмечает в данном случае С.А. Марков, «убежденность в том, что власти готовят массированную фальсификацию, создала предпосылки не только для массового протеста, но и сформировала идеологию будущей революции» [4, с. 68]. Заведомое обвинение оппонентов в фальсификации выборного процесса, с одной стороны, служило фактором внутренней мобилизации протестного потенциала. С другой стороны, данная акция активизировала внешнее дипломатическое давление со стороны западных государств на правящую элиту. По мнению С.Г. Кара-Мурзы, «это – новая выборная технология, при которой внутренний вопрос народного волеизъявления превращается в вопрос внешнего признания результатов выборов, во «всемирное голосование за то, кому быть Президентом Украины, Сербии, Грузии» [2, с. 254].

В научной среде также выделяется морально-психологические контексты реализация сценария «цветной революции». «Он основывался, – пишет А.О. Наумов, – на известном в психологии принципе ценностно-символического противопоставления («мы и они») и заключался в переносе политического смысла на чисто моральные категории, близкие и понятные обычному человеку, – справедливость, свобода, верность, борьба добра со злом, вера в светлое будущее» [5, с. 57]. Ценностное противопоставление условно позитивных «Мы» и априори негативных «Они» уже на первоначальных этапах реализации «цветной революции» четко определяли круг потенциальных участников конфликта, в котором действующая власть посредством ресурса СМИ заранее объявлялась в качестве основного соперника.

Немаловажным также представляется использование в «цветных революциях» первой волны потенциала радикально настроенных молодежных группировок («Кмара» – Грузия-2003, «Отпор» – Украина–2004). Молодежные

организации, в частности, в Грузии и в Украине стали движущей силой революционного процесса, играя значительную роль в дестабилизации социально-политической обстановки. Не до конца сформировавшиеся ценностные ориентации и жизненные стратегии молодежи как социально-демографической группы, способствовали радикализации поведенческих реакций и требований скорейшего разрыва с негативным, по мнению представителей молодого поколения, настоящим и прошлым.

Комбинация указанных выше факторов способствовала реализации сценария «цветных революций» в Грузии, Украине, Киргизии (2003–2005 гг.). Технологии дестабилизации и радикальной трансформации правящих элит в данном случае были направлены в отношении сложившихся персоналистских режимов (Э.А. Шеварднадзе, А.А. Акаев) и недопущения мягкой циркуляции (передачи) властных полномочий в отношении кандидата от власти (В.Ф. Янукович). Для прошедших в данный временной период «цветных революций» на территории СНГ характерен, в целом, ненасильственный характер трансформационных политических процессов и высокий морально-психологический эффект ускоренного свертывания (ухода со сцены) правящего режима, который в форме «эффекта домино» распространялся в другом государстве постсоветского пространства.

Тем не менее, несмотря на ряд примеров практической реализации сценария «цветной революции» на постсоветском пространстве, отдельные государства (Узбекистан-2005, Республика Беларусь-2006, Армения-2008) смогли выработать комплекс мер по предупреждению дестабилизирующего воздействия технологий ненасильственного свержения правящей элиты. На определенных стадиях подготовки акций, вписывающихся в контекст «цветных революций», власть научилась минимизировать последствия ненасильственного протеста в период электоральных кампаний. Оппозиция в Беларуси и Армении оказалась неспособна аккумулировать протестный потенциал в реальную политическую силу, способную оппонировать правящей элите на основе изложенных Д. Шарпом рекомендаций. В связи с чем, сама

эффективность теории ненасильственного протеста как формы дестабилизации политических режимов начала ставится под сомнение. Уже в 2005 г. радикальная исламская оппозиция в Узбекистане осуществила попытку вооруженного противостояния с правящей элитой. В целом, события в Андижане 13 мая 2005 г. не рассматриваются как пример классической «цветной революции» ввиду отсутствия ненасильственного характера действий оппозиции. Тем не менее, данные события, равно как и последующие неудачные попытки реализации сценария ненасильственного свержения действующей власти в Беларуси и Армении показали, что для обеспечения результативности акций оппозиции необходимо видоизменить тактику своих действий в сторону открытых радикальных столкновений.

Относительная радикализация практического применения теории ненасильственного протеста происходит в Молдове 6-8 апреля 2009 г. («Сиреневая революция»). Погромы и захват правительственных зданий оппозицией в Кишиневе вынудили действующую власть согласиться с требованиями демонстрантов и назначить пересчет голосов парламентского голосования. Вследствие чего правящая партия (партия коммунистов Республики Молдова) не смогла обеспечить конституционного большинства в парламенте. В целом, «Сиреневая революция» не привела к радикальной трансформации правящей политической элиты, однако после событий 6-8 апреля в Молдове произошел коллапс власти ввиду невозможности парламентских фракций выработать компромисс относительно в равной степени устраивавших всех кандидатуры Президента Молдовы. В результате «Сиреневой революции» в период 2009–2012 гг. пост Президента был фактически вакантным, что не способствовало стабилизации социально-политической обстановки в стране.

Массовые демонстрации и открытые столкновения с органами правопорядка были характерны для второй революции («Дынная революция») в Киргизии 6–16 апреля 2010 г. Для данной революции характерен окончательный переход к радикальным действиям и столкновениям, в том

числе и с человеческими жертвами. Аккумуляция протестной активности по-прежнему проводится посредством ресурса СМИ, западными государствами проводится акцентированное внешнее дипломатическое давление на правящий режим, в числе революционного актива по-прежнему находятся радикальные молодежные группы. Тем не менее, «цветные революции» классического ненасильственного формата окончательно исчерпали свой потенциал. Теперь наряду с визуальными признаками внешне ненасильственного протеста (например, массовое неповиновение) для последующей дестабилизации необходимы также радикальные действия, в частности, провоцирование правоохранительных органов и силовых структур на открытое насилие в отношении оппозиции. Кроме того, необходимо отметить, что сама по себе реализация сценария «цветной революции» оказалась эффективной не только во время электоральных кампаний.

В период «Революции достоинства» («Евромайдан») в Украине (2013–2014 гг.) в качестве стратегии противостояния с режимом В.Ф. Януковича была выбрана комбинация насильственных и ненасильственных методов дестабилизации. Оппоненты В.Ф. Януковича избрали такие формы протеста как массовое неповиновение, многочисленные митинги, блокировка работы государственных органов, занятие протестующими правительственных зданий и администраций и др. Также как и в Киргизии–2010, использовались технологии явного провоцирования силовых структур на насилие в отношении оппозиции. Но даже в таких условиях правящая власть, несмотря на кризисное состояние, продолжала сохранять статус-кво. В указанных контекстах оппозицией была использована технология наличия «сакральной жертвы» («Небесная сотня») – значительного количества жертв среди оппозиционеров, гибель которых была спровоцирована самими организаторами массовых беспорядков. Данная технология была заимствована из сценария реализованных революций в Тунисе и Египте (2010–2011 гг.). Наличие «сакральной жертвы», стремительно развивающийся нарратив сопротивления и

внешнее дипломатическое давление вынудили В.Ф. Януковича самоустраниться от власти в пользу сторонников «Евромайдана».

Таким образом, опыт представленной инвариантной формы «цветной революции» показывает, что наряду с классическими формами ненасильственного сопротивления (Д. Шарп) для успешной реализации сценария дестабилизации политического режима необходимы и радикальные формы протеста и наличие образа «сакральной жертвы» как формы внешнего и внутреннего давления на действующую власть. Ненасильственные внешне технологии ускоренной циркуляции политических элит на постсоветском пространстве претерпели содержательное изменение в сторону радикальных методов разрешения политических конфликтов. В целом, трансформация технологий и методов реализации «цветных революций», несмотря на визуальное изменение содержания, кардинально не меняет основной задачи данных акций – организацию ускоренной дестабилизации современных политических систем с целью циркуляции политических режимов, которую нельзя считать революцией классического типа ввиду отсутствия стадийности и перехода к новой общественно-экономической формации.

Список литературы:

1. Завалько, Г.А. Понятие «революция» в философии и общественных науках: проблемы, идеи, концепции. – М., 2005.
2. Кара-Мурза, С.Г. Экспорт революции. Ющенко, Саакашвили... – М., 2005.
3. Манойло, А.В. Технологии несилового разрешения современных конфликтов. – М., 2008.
4. Марков, С.А. «Оранжевая революция» – пример революции глобального сообщества XXI века // «Оранжевая революция». Украинская версия: сборник. – М., 2005. – С. 65–90.
5. Наумов, А.О. «Мягкая сила», «цветные революции» и технологии смены политических режимов в начале XXI века. – М., 2016.
6. Наумов, А.О. «Цветные революции» на постсоветском пространстве. – СПб., 2014.
7. Почепцов, Г.Г. Революция.com. Основы протестной инженерии. – М., 2005.

8. Филимонов, Г.Ю. Технологии «мягкой» силы на вооружении США: ответ России: монография. – М., 2015. .
9. Шарп, Д. От диктатуры к демократии. – Екатеринбург, 2005.

Старичёнок В.В.
Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка
(Минск, Республика Беларусь)

ПРЕДВЫБОРНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ США НА СЛУЖБЕ ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ

Аннотация. На примере политических технологий, использованных во время президентских выборов в США, показано их применение во внешней политике сверхдержавы. Установлено, что госдепартамент активно внедрял в других странах методы мобилизации масс посредством социальных сетей, спровоцировав тем самым всплеск протестных настроений на Ближнем Востоке и события арабской весны.

Ключевые слова: арабская весна; цветные революции; президентские выборы в США; Обама; Трамп; политические технологии.

Starichenok V.
Belarusian State Pedagogical University named
after Maxim Tank
(Minsk, Belarus)

THE USA PRE-ELECTION POLITICAL TECHNOLOGIES SERVED AS A TOOL FOR THE COLOUR REVOLUTIONS

Abstract. On the example of political technologies used during the presidential elections in the United States, their application in the foreign policy of the superpower is shown. It is stated that the State department introduced intensely a mass mobilization methods with the help of social networks in other countries. The mass mobilization methods provoked the rise of protest mood in the Middle East and Arab spring events.

Kew words: arab spring; colour revolutions; United States presidential elections; Obama; Trump; political technologies.

Победа Дональда Трампа на президентских выборах поставила точку на спорах и дебатах о том, кто станет 45-м президентом Соединенных Штатов. Но американцы долго будут помнить эту предвыборную гонку, когда на обывателя обрушились потоки «грязи» и компромата, а взаимные упреки оппонентов открыто нарушали элементарные этические нормы. В США это породило недоверие к политическому истеблишменту, а американцы стали задаваться вопросом, готовы ли Хиллари Клинтон и Дональд Трамп защищать интересы

народа и не скрывается ли за их рвением простое желание власти. Об этом свидетельствовали, в частности, высокие «антирейтинги» обоих кандидатов.

Можно долго продолжать эту тему. Однако гораздо интереснее проанализировать влияние использованных предвыборных технологий на более глобальные процессы. Для этого нужно вернуться в прошлое и посмотреть на выборы 2008 г. и последовавшие за ними события арабской весны. Между этими событиями существует связь, так как ставшая госсекретарем в администрации Обамы Хиллари Клинтон успешно применила полученный в ходе предвыборной борьбы 2008 г. опыт во внешней политике [5]. Цель работы – установить, как апробированные на президентских выборах политические технологии используются во внешней политике Соединенных Штатов и спрогнозировать, что произойдет, если Трамп перенесет скандальные предвыборные политтехнологии 2016 г. за пределы США, – в мир международных отношений.

2011 г. принес надежду многим жителям Ближнего Востока, выступавшим за свержение диктаторских режимов. Хотя перевороты во имя демократии в США приветствуются, такого стремительного развития не ждали даже в Белом доме. «Я не ожидала, – написала в мемуарах Хиллари Клинтон, бывшая тогда госсекретарем, – что события, которые продемонстрируют мою правоту, относительно «режимов, тонущих в песке» [фраза, произнесенная во время выступления в Дохе 13 января 2011 г.], произойдут так быстро и так внезапно... Несмотря на всю значимость этих событий, никто из нас не ожидал того, что произойдет в дальнейшем» [3]. Многое указывает на то, что начало арабской весны застало врасплох самих американцев, и сверхдержава предпочла разыграть «карту демократии», сдав даже такого надежного союзника Вашингтона как Хосни Мубарак в Египте.

Сложилось так, что кровь «арабской весны» пролилась в правление лауреата Нобелевской премии мира Барака Обамы. Почему? Очевидно, не потому что американский президент с тогда еще безупречным имиджем миротворца хотел радикализации ситуации. Тогда из-за чего народное

движение в поддержку демократии вылилось в карнавал насилия? Да потому что появилась возможность быстро вывести на улицы протестные массы и смести власть. А наладить собственными силами порядок в стране и противостоять радикалам и экстремистам этим массам не удалось.

Именно Обама стал тем человеком, который апробировал социальные сети и прочие новинки интернета в качестве средства мобилизации и самоорганизации масс. Тем самым невольно он поставил качество технологий переворотов на новый уровень. Сделал он это в ходе собственной предвыборной кампании 2008 г., а активно ему помогал 24-летний соучредитель Facebook Крис Хьюз. Он занимался сайтом будущего президента и информационным обеспечением президентской гонки. «Выбор в пользу Хьюза – пишет автор книги про Обаму Шелли Линн – оказался блестящим как с точки зрения профессиональных качеств кандидата, так и с точки зрения меседжа для общества. Помимо всего прочего Хьюз был представителем очень важного сегмента избирателей – молодежи, а именно этих избирателей Обама надеялся мобилизовать... Хьюз понимал интересы молодежи и мог использовать ее предпочтения и привычки в интересах кандидата. Он знал, как молодежь оценивает информацию и по каким каналам предпочитает ее получать» [4, с. 239].

«Сотрудничество с Хьюзом – продолжает Линн – стало знаковым и для других партнерских отношений с технологическими компаниями. Для этого отбирался широкий круг динамичных компаний и венчурных предприятий, наиболее передовых в своих отраслях; например, Central Desktop, Right Now и LIST. Эти продуктивные партнерства создали предпосылки для превращения ИТ-технологий в центральный элемент стратегии и сделали их неотъемлемой частью избирательной кампании» [4, с. 240].

Поражает простота использованных Обамой в предвыборной борьбе технологий. Даже их названия – «обратная связь» и «из онлайн в офлайн» – кажутся с сегодняшней точки зрения верхом наивности. Но дело здесь не в наивности, а в доступности для масс. Первая технология упиралась не столько на

вброс нужной информации в сеть, сколько на диалог с реципиентом. Оказываемое со стороны внимание заставляет пользователя сети чувствовать себя не объектом внешнего воздействия, а субъектом, вовлеченным в важные события и играющим свою маленькую роль в очередном спектакле. Отсюда огромная значимость «перформанса» в протестном движении, который соединяет фрейм революции с фреймом игры и тем самым освобождает ее участника от страха и от ответственности [7, с. 83–84].

При переходе «из онлайн в офлайн» достигается выход участников сетевых сообществ в поле активной политической деятельности. И здесь произошел кардинальный поворот в оценке роли СМИ. Уже нельзя уверенно говорить, как это делал Ж. Бодрийяр в 1991 г., что «телевидение, приковывая к себе внимание, держит всех нас по домам и с помощью этого коллективного ступора в полной мере выполняет свою роль социального контроля» [1, с. 52]. Теперь все наоборот: СМИ способны не только «фиксировать население», удерживая его дома, но и вывести его на улицы. Особенно хорошо это работает, если играть на «нереализуемых ожиданиях» населения, которые легко становятся мотивом к революционному действию [7, с. 74–76].

Использование Обамой новейших достижений и инноваций позволило ему получить поддержку избирателей и одержать победу в президентской гонке. Но самое интересное было дальше. Клинтон, проигравшая Обаме и ставшая в его кабинете госсекретарем, наверняка осознала значимость использованных своим соперником средств в деле мобилизации масс. А отсюда – один шаг до идеи использования того же самого, но уже не во внутриамериканских делах, а в деле распространения американских интересов за пределами США.

Именно при Клинтон публичная дипломатия госдепартамента обогатилась новым инструментарием. Она стала нацелена на «использование активности молодежи в сети для изменения политической ситуации в разных странах» (digital activism), на «мобилизацию групп диссидентов посредством блогосферы» и прочих новинок сетевой жизни. Своим заместителем по

вопросам публичной дипломатии и связям с общественностью супруга экс-президента сделала не менее известную фигуру, чем Хьюз. Это Джудит Макхейл, возглавлявшая в свое время такие сверхпопулярные проекты, как MTV и Discovery. Опыт работы в сфере пропаганды она наработала в качестве представителя госдепартамента в Совете управляющих вещанием, – структуре, которая курирует финансируемые Вашингтоном и занимающиеся пропагандистской работой американские СМИ за пределами США [3].

В Белом доме помогали «борцам за демократию» вести борьбу в информационном пространстве. Так, в 2009 г. появился закон «О свободе в интернете», предписывающий компаниям, продающим в «недемократические страны» цифровые технологии применять «особые технические приемы для предотвращения создания цензуры в сети и выступать против передачи персональных данных граждан, пользующихся сетевым оборудованием, местному правительству» [6].

Одними законами дело не ограничивалось. В своих воспоминаниях Хиллари Клинтон пишет о серии организованных в июле 2011 г. госдепартаментом семинарах в Литве, целью которых было «помочь региональным общественным объединениям в изучении того, как с пользой применять новые технологии и избегать преследования», «научиться новым навыкам, которые помогут быть на шаг впереди цензуры и тайной полиции» и т.д. Показательно, что санкционированным госдепартаментом курсам по «соревнованиям» с тайной полицией присоединились эксперты из социальных сетей Twitter и Facebook, а также из корпораций Microsoft и Skype. «К моменту моего визита в Литву в 2011 году, – пишет Хиллари, – мы успели вложить свыше 45 миллионов долларов в инструменты, которые оберегали оппозиционеров в виртуальной среде. Мы также обучили по всему миру свыше 5 тысяч активистов, которые, в свою очередь, познакомили с новыми технологиями тысячи своих соратников. Мы работали с разработчиками над созданием новых приложений и устройств, таких как тревожная кнопка на

телефоне: протестующий мог нажать ее при аресте, дав сигнал своим друзьям и одновременно стерев из памяти все личные контакты» [3].

Результаты не заставили себя долго ждать. Посмотрим на Сирию. Изначально там была жесткая цензура на материалы из интернета, а такие популярные ресурсы как YouTube или Facebook не были доступны сирийскому народу. Однако в 2011 г. сторонник модернизации и тяготевший к западным новинкам сирийский президент Башар Асад открыл доступ к популярным сайтам. И тут же оппозиция получила мощный мобилизационный ресурс, который давал возможность напрямую обмениваться опытом и информацией, привлекать на свою сторону участников социальных сетей, работать с ними в режиме обратной связи.

В результате многие граждане мгновенно вовлеклись в революционный процесс. В Facebook была создана группа «Сирийская революция – 2011», в которой было зарегистрировано 25 тысяч пользователей, призывавших к изменению политического строя и свержению Асада, сообщавших время и места предполагаемых выступлений и флешмобов и т.д. В то же время страницы сторонников Асада администраторы соцсети нередко блокировали. Последующее ограничение доступа к интернету уже не могло остановить протестующих, которые на волне революционной эйфории продолжили борьбу и без соцсетей [2, с. 119, 123, 129].

Конечно, внешнеполитический аппарат США работал с соцсетями и протестными слоями. Однако Вашингтон не ожидал, что новые технологии станут настолько мощной протестной силой в обществах Ближнего Востока. Открывшиеся возможности стали использовать не только американцы, но и их противники. В особенности, в этом преуспела запрещенная организация ИГИЛ, вербуя по Интернету своих единомышленников и систематически призывая их подняться на борьбу против Запада.

Если предвыборная гонка в США – это полигон для испытания новых технологий, то что нового готовят президентские выборы в Америке 2016 г.? Если новым технологиям после прошлых выборов (2008 г.) потребовалось

менее трех лет (2011 г.), чтобы стать одним из важнейших факторов политического взрыва на Ближнем Востоке, то чего ждать в 2019 г.? Посмотрим на провокационный и эпатажный крен президентских выборов 2016 г. с демонизацией оппонентов (в том числе геополитических), громкими разоблачениями, утечками информации, да и просто обливанием соперников грязью. Что будет, если эти технологии возвести в ранг международной политики? Провокации и войны компроматов – инструменты не менее опасные, чем подогретое социальными сетями недовольство масс. Как показывает практика, часто они является не столько путем к революции, сколько к войне. Умножим все это на возрастающую активность НАТО на российских границах, нежелание сверхдержавы договориться по сирийской проблеме и принимать в расчет интересы России, – и получим соответствующий прогноз на 2019 г.

Есть резон вспомнить выборы в Соединенных Штатах 2000 г. Тогда победил Джордж Буш-младший, но были до сих пор в определенных кругах существуют сомнения, что победа досталась ему честным путем. Во-первых, большинство граждан проголосовало за Альберта Гора (48,4 против 47,9 %). Но специфика избирательной системы США такова, что президентом стал Буш, – большинство выборщиков отдали свои голоса ему. Во-вторых, под сомнение была поставлена правильность подсчета голосов во Флориде. Хотя факт фальсификации доказан не был, у многих американцев осталось ощущение, что их обманули. И что произошло после? Через три года США вторглись в Ирак, развязав войну под выдуманными предлогами. Ощущение обмана, которое носилось в воздухе в США в конце 2000 г., стало реальностью международных отношений в 2003 г. Таким образом, как минимум дважды характер президентских выборов (в 2000 и 2008 гг.) отразился во внешней политике США соответствующим образом с лагом приблизительно в три года.

Список литературы:

1. Бодрийяр, Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было. –М., 2016.
2. Исаев, Л.М. Сирия и Йемен: неоконченные революции.–М., 2012.
3. Клинтон, Х. Тяжелые времена. –М., 2016.
4. Линн, Ш. Уроки лидерства. –М., 2012.
5. Старичёнок, В.В. Предвыборные политтехнологии изменят внешнюю политику США // Евразия. Эксперт [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://eurasia.expert/predvybornye-polittekhnologii-izmenyat-vneshnyuyu-politiku-ssha/>.
6. Цветкова, Н.А. Программы web 2.0 в публичной дипломатии США // США–Канада: экономика, политика, культура. –2011.– № 3. –С. 109–122.
7. Что надо знать о «цветных революциях»: учебное пособие для студентов вузов / под общ. ред. А.Б. Ананченко; Московский педагогический государственный университет. –М., 2016.

Отина А.Е.
Донецкий национальный
технический университет,
Дихтяренко Г.И.
Донецкая академия внутренних дел
Министерства внутренних дел ДНР
(Донецк, ДНР)

**РОССИЯ XXI СТОЛЕТИЯ:
ЧЕЛОВЕК В ПРОСТРАНСТВЕ НОВОГО МИРОУСТРОЙСТВА.**

Аннотация. Авторы проводят анализ взаимосвязи традиционного и злободневного в восприятии мира, его важнейших структурных компонентов представителями русской национальной культуры в XXI ст. Анализ разворачивается сквозь призму важнейших концептов русской православной цивилизации: соборность, мир, семья.

Ключевые слова: мироустройство, соборность, православие, сопричастность, семья.

Otina A.
Donetsk National Technical University,
Dikhtyarenko G.
Donetsk Academy of Internal Affairs
Ministry of Internal Affairs of the DPR
(Donetsk, DPR)

**RUSSIA OF THE XXI CENTURY:
MAN IN THE SPACE OF A NEW WORLD ORDER**

Abstract. The authors analyze the relationship between traditional and topical in the perception of the world, its major structural components by representatives of Russian national culture in the XXI century. The analysis deals with the main concepts of Russian Orthodox civilization such as unity, peace and family.

Key words: world order, unity, Orthodoxy, family, interconnectedness.

Мироустройство в сознании человека как родового представителя: и в отношении его к роду *homo sapiens*, и в принадлежности к роду в племенном значении этого понятия, и в строительстве мира семьи (домостроение, «домострой») является фактором, определяющим нормативные

экзистенциальные смыслы личности, ее надежды, цели, индивидуальный выбор, представление о счастье.

Космологизм древних греков оказался позже близок их византийским потомкам с их отношением к миру как к Единому: бесконечному единству, сотворенному Богом, т.е. высшей бесконечностью и ради стремления к этому высшему совершенству. Затем русская православная идея соборности и отношение к миру как к воплощению этой идеи в социальном пространстве продолжила связь с вселенским всеединством наших античных и византийских предшественников.

Древний римлянин, наоборот, воспринимал себя как отдельное от мира и других, а мир и других ощущал часто как нечто весьма враждебное себе. Оппозиция «я–другой» уходит корнями именно в римскую античность, в имперское сознание гордых римлян, что породило, с одной стороны ксенофобию, национальное неравенство, воинственность и жестокость нравов, а с другой, положило начало индивидуализму, отграничению личности от себе подобных, установлению социальных границ между людьми, которые было призвано защищать знаменитое римское право.

Таким образом, древо античной цивилизации породило две могучих ветви, два цивилизационных принципа, два направления дальнейшего развития культуры, два противоположных характера ее динамики, основанных на коллективизме индивидуализме, что легло в основу восточнославянского (особенно российского) и западноевропейского мировосприятия и мироустройства, православного и католического типов культур.

Это наложило отпечаток на формировании нации, национальные истории, судьбу национальных культур, выбор межнациональных связей и приоритетов, а также те времена, когда межнациональные взаимовлияния востока и запада становились наиболее приемлемыми. Автор книги о православной цивилизации В. Тростников справедливо отмечает, что «православная цивилизация имеет глубокие корни, уходящие еще в дохристианскую эру, являясь таким образом одной из самых древних по своему происхождению» [5, с. 177]. Нельзя не

согласиться с правомерностью ведения истории русской православной цивилизации еще с далеких дохристианских времен, о которых упоминает В. Тростников, и о которых мы говорили выше. Также абсолютно согласны с выделением догмата «о едином в трех Лицах Боге» в качестве концептуального для русской православной культуры. Уходящее корнями в греческое античное единение с космосом и единство мироустройства, в основе которых порядок и гармония, а затем в саму структуру бытия и быта Византийской империи, представляющей собой уникальное единство разных народов на общей основе православия, русское православное сознание стремится к воплощению Единого и в стремлении к Нему в образе Творца.

Однако идея первородного греха является «центральным пунктом всей антропологии» не только восточных православных христиан, но и католиков Запада. Достаточно вспомнить смысл и содержание телеологии мировой истории у Августина Аврелия: от «града греховного» (последствия первородного греха) к «Граду Божьему». Идея первородного греха является центральной для всех средневековых христиан, как православных, так и представителей католического вероисповедания. То же самое можно сказать и о категории воли как о ведущей в структуре бытия Средневековья. Однако пути осуществления этой воли у православных и католиков принципиально разнятся. Основа католического мировоззрения, главная стратегия вхождения в мир и взаимодействия с ним человека – подчинение: Всевышнему, миру, церкви. Для православного же сознания опорой является идея соединения с Божьим миром, сопричастности миру и другим, соучастия, сорадования, т. е. соборности.

Ясно и понятно разница между православием, католицизмом и возникшим в противовес ему протестантизмом была описана знаменитым православным философом П. Флоренским. По его мнению, основа католицизма – иерархия и должность, которым протестанты в качестве базового фундамента мироустройства человека противопоставили текст (Библию). Православие, как и любая религия, единственным проводником которой является церковь, безусловно, иерархично. Но не это главное в

православии. Велико уважение православных христиан и к тому Евангельскому пространству, знаковым носителем которого является текст, не в букве христианского закона, а в особом состоянии души, в которое приходит верующий православный при общении с Богом, в молитве, в Доме церкви, в миру, когда принимаются богоугодные решения, в семье во время пасхальных или рождественских праздников. Это особое состояние душевного подъема и соединения с Миром Божьим можно назвать словом *благодать*. Состояние, которое ощущается при посещении православного храма.

Следует отметить, что подобные эмоции испытывали не только глубоко верующие, но и просто достаточно основательно инкультрированные в русскую культуру люди, сопричастные идее единства с миром и мира как воплощения этого единства – абсолютно русской, по сути, идее.

Другим, кроме храма, важнейшим элементом мироустройства в истории русской культуры является семья, конституирующая в себе все социокультурные ценности, требования и ожидания и объединенная общей для всех ее членов идеей строительства, столь детально изложенной в памятниках древнерусской литературы – «Домострое» и «Назирателе». Значение семьи для русского человека не просто велико, что естественно для представителей многих культур, в том числе и западноевропейской, оно имеет некий сакральный смысл. Для русского православного мировосприятия и мироустройства семья – маленькая соборность, точнее воплощение идеи соборности на родовом уровне. Родные люди призваны помнить свой род, знать и узнавать друг друга, помогать друг другу, особенно когда это касается такого воплощения рода как конкретная семья, в которой люди находятся в состоянии особенной близости, пространственной, временной, духовной. Именно эта ежедневная близость ставит перед личностью множество задач и предоставляет человеку много испытаний. Она воспитывает терпение, возвращает чувства сопричастности, сорадования, сострадания, желание ежедневной взаимопомощи, формирует в человеке ответственность и равнодушие по отношению к близким. Поэтому воспитанию в «Домострое» уделяется столь

пристальное внимание. Не только воспитанию, но и этикету. Многие главы этого интереснейшего памятника средневековой литературы Руси посвящены тому, как принимать гостей, чем их подчивать, как рассадить – ритуалу трапезы в различных ситуациях и по разным поводам.

Гостеприимство воспринималось как обязанность и как умение, ведь это лицо семьи, проявление ее готовности к единению с другими, т. е. с миром в русском православном понимании этого слова. «А после службы накрывают столы, пьют и едят попы и монахи, и все, кто приходит, бедных тут же всячески обласкают и одарят, и возвратятся те к себе домой, славя Бога. Так же следует поминать и преставившихся родителей; во святых церквях божьих, в монастырях панихиды соборне петь и литургию служить, и за трапезой братию кормить за упокой и за здравие, и в дом к себе приглашать и кормить, утешать и милостыню подавать» [4, с. 127–128] (в сокращенном варианте), – повествует «Домострой» в разделе «Как в дом свой приглашать священников и иноков для молитвы», или же в следующем – «Как с домочадцами угощать благодарно приходящих в твой дом»: «Перед началом трапезы прежде всего священники славят Отца и Сына и Святого Духа, потом деву Богородицу и вынимают освященный хлеб, а по окончании трапезы освященный хлеб выставляют, и, помолясь, как должно вкушают и освященную чашу пречистой Богородицы пьют. Потом же пусть скажут о здравии и заупокой. И если едят в благоговейном молчании или за духовной беседой, тогда им невидимо ангелы предстоят и записывают дела добрые, а еда и питье в сладость. А если при этом грубые или бесстыдные речи звучат, непристойное срамословие, смех, забавы разные или игра на гусях и всякая музыка, пляски и хлопанье в ладоши, и прыжки, всякие игры и песни бесовские, – тогда, словно дым отгоняет пчел, отойдут и ангелы божьи от этой трапезы и непристойной беседы» [4, с. 128].

И это только два небольших отрывка, содержащихся в «Домострое», посвященных приему гостей и их угощению. К совместной трапезе в кругу семьи, или же с другими, «благодарно приходящими» в дом, автор канонического памятника средневековой литературы и культуры в целом

обращается неоднократно. Исследователи востока много писали о китайской чайной церемонии. Читая же Сильвестра и возвращаясь заново к тексту «Домостроя» при более внимательном к деталям прочтении, мы наблюдаем за ритуалами, не менее нормализованными, смыслодержащими и регламентированными, чем церемония чаепития у китайцев. Для наших предков совместные встречи за столом имеют значение прежде всего духовного общения («едят в благоговейном молчании или за духовной беседой»), благожелательности («...подобает дар божий – любую еду и питье – похвалить и с благодарностью есть» [4, с. 129] и милостыни («бедных тут же всячески обласкают и одарят»). Критика веселья и развлечений за столом может показаться современному человеку очень уж ортодоксальной и излишне суровой, если мы будем воспринимать содержание текста памятника, исходя из бытовой ситуации сегодняшнего дня, а не пытаясь вникнуть в смыслы и чаяния наших предков. Однако, если для современника прием гостей всего лишь, повторяем, бытовая ситуация, пусть даже праздничная, то для автора «Домостроя», носителя средневекового коллективного сознания, совместная трапеза – проявление соборности. Поэтому излишества здесь исключаются, православная христианская мера должна быть соблюдена и, главное, вкушая «освященный хлеб» и «освященную чашу» человек не должен забывать о том, что они являются результатом опять-таки совместного труда, благословенного Богом, и относиться к ним с подобающим уважением.

От того же много слов в «Домострое» сказано о вреде пьянства и о неподобающем поведении под влиянием алкоголя, упреждающих или наставляющих читателя: «А к этому добавь еще: когда пригласят тебя на пир, не упивайся до страшного опьянения и не сиди допоздна, потому что во многом питии и в долгом сидении рождается брань и свара и драка, а то и кровопролитие. И ты, если здесь находишься, хоть не бранишься и не задираешься, в той брани и драке не будешь последней, но первый: ведь долго сидишь, дожидаясь этой брани. И хозяин с этим – к тебе упрек: спать к себе не идешь, а его домочадцам нет и покоя, и времени для других гостей». [4, с.

129]. Таким образом ритуал и этикет составляют огромную часть топоса наших предков, не только регламентируя их жизнь, постоянно воспроизводя и подчеркивая коллективный характер русской культуры, в которой концепт собрания имеет центральное значение, но и наполняя любое, казалось бы, бытовое действие, глубокой духовностью и глубинными сакральными смыслами.

Подробному описанию культурного опыта русских крестьян посвящен подробный труд М.М. Громыко «Мир русской деревни». Это история крестьянства традиционного, крестьянства в чистом виде: до «раскрестьянивания», когда «администрирование сверху» выдавило его агрессивно и без разбору из социальной палитры России. Исследователь совершает попытку разобраться в «живой жизни крестьянина с его умением и размышлениями», а экономическая составляющая, классовая борьба и прочие моменты бытия и быта крестьян важны ему постольку, поскольку они оказывали влияние на эту самую повседневную традиционную жизнь. В книге развенчиваются мифы, устойчивые стереотипы о менталитете русского крестьянства: его забитости, несамостоятельности, недемократичности социальной жизни. Книга М. Громыко, в которой собран огромный фактологический материал, еще раз демонстрирует читателю, что жизнь русского крестьянства происходила под знаком смыслов, изложенных в «Домострое», но никак не под прессом «домостроевщины», что крестьянская община отличалась демократией, основными формами ее работы были сбор, совещание и решение насущных вопросов всем миром (например, соседские помочи), т.е. коллективно и демократично. В основе же взаимоотношений внутри деревни, ее мироустройства находилось объединяющее нравственное начало – мерило и путеводитель личности, – корни которого – в православии: «все связано между собой в единой цельной системе нравственных понятий. А цельность народной нравственности определялась у русских крестьян православной верой» [3, с. 72].

Православная вера являлась не только духовной основой взаимоотношения между жителями русской деревни, но и генератором деревенского права, формообразующим началом обычаев и нравов в деревенском коллективе или в деревенской семье: «Нравственные понятия передавались из поколения в поколение. Но, кроме того, они заново укреплялись в каждом поколении за счет восприятия основ христианства». [3, с.72]. Таким образом, постоянная традиционная ретроспектива к основам формирования русского народа, к православию во всех формах его выражения (Евангелие, Церковь, церковный цикл праздников и событий и т.д.) и новое осознание старых православных ценностей обеспечивали длительное духовное воспроизводство культуры в пространстве русской деревни.

В наше время в силу множества причин, событий и фактов на общекультурном уровне фундамент русской православной культуры размыт, традиция из сплошной единой прямой преобразовалась в дискретную. Можно утверждать, что единая православная детерминанта русской культуры нарушена.

Сами по себе события, приведшие русскую национальную историю к подобному итогу и поставившие сегодня перед ней ряд вопросов витального онтологического характера, не несут в себе зачастую негативной окраски. Урбанизация, промышленное развитие, научно-техническая революция, институализация информационного пространства для России были настолько же неизбежны, необходимы и утилитарно и духовно значимы, как и для любой другой развитой страны. Безусловно, они принесли с собой много пользы. Но если не замечать негативной составляющей, сопровождающей вышеназванные процессы, не сосредоточить пристального внимания на поставленных перед нашей цивилизацией вопросах, то последствия могут оказаться тяжелыми.

Одним из важнейших факторов, оказавших влияние на традиционную русскую культуру, является урбанизация культурного пространства, когда город становится не только культурным центром, генератором духовного и

материального производства, но и полностью заслоняет деревню своими масштабами, возможностями и значимостью.

Начиная с конца XVIII в. и весь XIX в. социальная дифференциация горожан и городской жизни усложняется, оформляются новые социальные слои (разночинцы), классы (пролетариат), что приводит к пестроте, разобщенности, а также принципиально иной пространственно-временной организации внутри города, вызывающей определенное напряжение в среде обывателей. Человек теперь впервые столь остро ощущает свою отделенность от других, порой доходящую до отчаяния и одиночества, трагизм которой глубоко передан классиками русской литературы второй половины XIX в. Для Л. Толстого, Ф. Достоевского, Ф. Сологуба трагедия одиночества – городская трагедия. Многоквартирные дома с каморками под сдачу становятся прибежищем обедневших и отчаявшихся, таких как Родион Раскольников и семья Мармеладовых у Достоевского. Враждебным и холодным ощущается город героями «Воскресенья» Л. Толстого, персонажам романов Ф. Сологуба. Однако, русский экзистенциализм был только пророчеством и предупреждением миру о необходимости охранения его связей.

Современный большой город представляет собой не просто мегаполис со всеми проистекающими – разнообразием и смешением социальных ролей, в том числе и гендерной «путаницей», ожиданий, личностных пересечений – это прежде всего технополис, носитель техносферного разума, техносферной культуры, напичканный техникой и технической пропагандой. Обладание предметами технического производства (последние модели машин, стиральные машины, холодильники, компьютеры, телефоны и т. п.) является показателем уровня жизни и важнейшей составляющей образа жизни. Техника фетишизируется, наделяется сверхъестественными способностями. Т. о. создается новая мифология XXI ст., в которой главным субъектом культуры мыслится техника. Растет разрыв между техническим и гуманитарным знанием, которое, порой, воспринимается нашими современниками как культурный архаизм, если не атавизм.

С сожалением приходится констатировать, что прогнозы экзистенциальных трансформаций, данные Н. Бердяевым в 20-е гг. XX в., абсолютно материализовались сегодня. Позволим себе привести значительные строки футурологического характера из его статьи «Человек и машина»: «В век маловерия, в век ослабления не только старой религиозной веры, но и гуманистической веры XIX века. единственной верой современного цивилизованного человека остается вера в технику, в ее бесконечное развитие. Техника есть последняя любовь человека, и он готов изменить свой образ под влиянием предмета любви» [1]. Готовность быстро претворяется в действие. Стремительность развития техники заложена в самой ее природе, освобождающей человека, его руки, время и, к счастью или к сожалению, мозг.

Традиционная коллективная общность заменяется новым единством – единством человека с компьютером, людей через компьютер. Информационные потоки делают информацию доступной, но существенно сокращают время для анализа, аналитические способности. Социальные сети предлагают себя в качестве наиболее эффективного средства общения. Возникает особое компьютерное мироустройство с новым ценностным полем, универсальными символами, знаками, языком, сленгом и т. п. Мироустройство современной культуры во многом это техноустройство, т.е. техногенный мир, техносферное пространство, управляемое искусственным разумом.

При этом «вера в технику, в ее бесконечное развитие» является глобальным самообманом человечества и одной из самых трагических ошибок человека. Сегодня техносфера, которая в начале XX в. В. Вернадским мыслилась как пространство ноосферы, исключительно сферы разума, обрела столь экспансивный характер, что процессы, которые она генерирует с разных сторон технической компетенции, активно угрожают природе, человеку, да и самой технике. Техника вышла за пределы разума, что привело человечество к порогу техногенной катастрофы. Экологическое равновесие нарушено, практика экофашизма, распространенная в XX – XXI вв. столкнула целые государства в смертельной дуэли. Опыты с генными мутациями,

клонированием живых существ из разряда антигуманных действий и игр, приводящих к оживлению картин Гойи, перешли в разряд обычных научных экспериментов. А ведь именно «ослабление старой религиозной веры» и «гуманистической веры XIX века» в общеевропейском и позже российском культурном пространстве позволило увидеть апокалиптический горизонт, очерченный бесконтрольным развитием научно-технического прогресса.

Мифологическое, иллюзорное восприятие техники как панацеи от всех бед, исключительно одаривающей человечество, подобно культурному герою, жизненными благами приводит к забвению натуральной сущности человека, его природности и того, что его ойкумена все же не техносфера, а биосферное пространство. В 1944 г. Академик В. И. Вернадский подчеркнул особое значение морального отношения к природной среде, охваченной деятельностью человека, утверждая, что единый стержень эпохи ноосферы – «экологический императив: «...В геологической истории биосферы перед человеком открывается огромное будущее, если он поймет это и не будет употреблять свой разум и свой труд на самоистребление...» [2], – оптимистически предполагал знаменитый ученый. К ответственности ученого, теоретика научно-технического прогресса должна прилагаться ответственность производственника, воплощающего этот прогресс в материальной реальности. К сожалению, вопросы техносферной безопасности, особенно долгосрочного характера зачастую игнорируются, что приводит к техногенным вспышкам, конфликтам, катастрофам.

Пантеистическое восприятие природы древними славянами выражало особое отношение к ней – одухотворенному первоначалу – у наших предков. В православном христианстве природа – не только Мир Божий – благо, одухотворенное Всевышним, доапокалиптическое место обитания человека и всех тварей Божьих на Земле, но и одухотворяющее начало: пространство труда, источник жизнедеятельности и творчества. В православном сознании, при этом, природа только тогда благо, когда в основе отношения к ней заложена мера, за пределами которой – излишество, которое однозначно

греховно. Мироустройство для русского православного человека обязательно содержит принцип соизмерения своих желаний и поступков с миром. Смиранный человек – это тот, кто знает меру в отношении с миром. Само слово *смирение* в древнерусском языке писалось через «ять» и читалось как *смерение*. Позже произошло сращение лексических значений слов *мера* и *мир*.

Мало кому удастся аргументированно отрицать глобальное значение техники для дальнейшей динамики человеческой культуры. Важно только, чтобы это глобальное значение не привело в итоге к глобальной катастрофе, а якобы «бесконечное развитие техники» к конечному итогу существования людей как субъектов культуры, да и просто живых организмов на Земле. Поэтому в поисках основ нового мироустройства обращенность к природе, к экологической сути нашего бытия становится жизненно необходимой.

Другой серьезной угрозой национальной культуре является экспансия массовой культуры, которая, благодаря своей упрощенности, общедоступности, а также рыночной сущности является желанной гостьей и необходимым средством трансляции для СМИ. Массовая культура не только экспансивна по своей природе. Она обладает, безусловно, еще одной уничтожающей глубинные пласты культуры чертой: агрессией по отношению ко всем иным видам культуры, стремлением вытеснить, подменить собой национальную, народную, элитарную культуру. Она изобретает свой язык, рассчитанный на усредненное, а порой примитивное сознание. «Примитивный человек не может утверждать, что он думает, но «в нем думается». Спонтанность мысленного акта казуально зависит не от его сознания, но от его бессознательного» [6, с. 120], – писал К. Г. Юнг в работе «К пониманию психологии архетипа младенца». Экспансия массовой культуры негативно отражается как на общекультурном пространстве (мироустройстве), так и на отдельной личности (мироопределении человека), снижая аналитические способности, понижая «культурную планку», разрывая вековые культурные связи, уничтожая ценностные приоритеты, выработанные веками.

Однако продукты массовой культуры не всегда порождают печальные феномены. Часто ее образцы стремятся к воплощению высокого идеала и на определенном уровне транслируют общечеловеческие культурные ценности и нравственные смыслы. Таким образом, массовая культура способна не только к разрушению, но и сохранению культурных норм, созиданию положительного пространства для диалога культур и для культурного диалога, формирующего общественное мнение. Во взаимодействии с массовой культурой важна не столько внешняя цензура, которая в век институализации и тотального характера СМИ малоэффективна, сколько цензура внутренняя. А поскольку она индивидуальна по своей сущности, и обладать ею способна только высоко развитая личность, то опять-таки в вопросе ее формирования трудно переоценить роль образования и воспитания, которые должны занять акцентное место в культурной политике государства.

Первую культурную информацию, изначальный опыт нравственного взаимодействия с другими, первичные сведения об устройстве мира человек получает в семье. Там же он узнает и то, что в единое целое людей объединяет любовь. Эмоциональная, аксиологическая, нравственная составляющая личности, как и механизмы ее вхождения в мир и взаимодействия с миром вырастают из внутрисемейного взаимодействия.

И здесь опять-таки не обойтись без векового опыта наших предков и того великолепного по своей сути и структуре образца, который представляет собой православная семья – маленькая соборность. Не случайно действия, цель которых состоит в разрушении единства русской национальной культуры, в нарушении ее «экологии» (Д.С. Лихачев) обязательно затрагивают семейную сферу. Это пропаганда крайней свободы в сексуальных отношениях, подмена любви сексуальностью, культ индивидуализма в семье, популяризация гомосексуальной культуры, гламуризация гей-парадов, крайняя материализация отношений в семье, доходящих до рыночных, и многое другое – все, что преследует цель разорвать внутрисемейные связи и девальвировать семейные

ценности. Безродный человек легко управляем, так как он лишен коллективной (родовой) памяти, смыслов культурной памяти.

Природа, общение и семья были и остаются тремя важнейшими структурными составляющими русской национальной культуры, мироустройства русского мира. Претерпев серьезные видоизменения, иногда далеко не в лучшую сторону и не в лучших направлениях, они все же остаются базовыми элементами социальной статики и социокультурной динамики, так как содержат в себе витальные смыслы и экзистенциальное содержание. Не следует забывать, что это не только понятия и категории науки, но и живая жизнь народа, что накладывает большую ответственность как на ту же науку, так и на практику ее воплощения в современном мире, когда каждый новый кирпичик, добавленный в здание мироустройства, порой требующее уже не косметического ремонта, может сыграть значительную роль в общем архитектурном ансамбле.

Список литературы:

1. Бердяев Н.А. Человек и машина [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/3496003/>
2. Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vernadsky.lib.ru/e-text/arhivl/noos.html>
3. Громыко М. М. Мир русской деревни. – М., 1991.
4. Домострой. – М., 1990.
5. Тростников В. Православная цивилизация. – М., 2004.
6. Юнг К. Г. К пониманию психологии архетипа младенца // Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в совр. об-ве. – М.:, 1991. – С. 119-125.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аксютин Юрий Васильевич (Москва, Российская Федерация) – доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета – e-mail – aksyutin37@mail.ru

Армен Анастасия Сергеевна (Донецк, Донецкая Народная Республика) – кандидат исторических наук, ГОУ ВПО Донецкий национальный технический университет – e-mail: armenanastasiya@gmail.com

Белявцева Дина Владимировна (Минск, Республика Беларусь) – кандидат политических наук, доцент кафедры «Политология» ГОУ Белорусский государственный экономический университет – e-mail: belyavtseva@mail.ru

Будева Анастасия Олеговна (Минск, Республика Беларусь) – ассистент кафедры «Политология» ГОУ Белорусский государственный экономический университет – e-mail: gantiady1979@mail.ru

Булгаков Сергей Викторович (Саратов, Российская Федерация) – кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социально-правовые и гуманитарно-педагогические науки» ФГБОУ ВО «Саратовский государственный аграрный университет имени Н.И. Вавилова» – e-mail: bulgakovsv_77@mail.ru

Волкова Маргарита Борисовна (Саратов, Российская Федерация) – кандидат социологических наук, доцент ФГБОУ ВО «Саратовский государственный аграрный университет имени Н.И. Вавилова» – e-mail: volkovamb13@yandex.ru

Вонсович Лариса Васильевна (Минск, Республика Беларусь) – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Политология» ГОУ Белорусский государственный экономический университет.

Гижов Владимир Александрович (Саратов, Российская Федерация) – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Социально-правовые и гуманитарно-педагогические науки» ФГБОУ ВО «Саратовский государственный аграрный университет имени Н.И. Вавилова» – e-mail: gijov@mail.ru

Голубович Валерий Иванович (Минск, Республика Беларусь) – кандидат исторических наук, профессор кафедры экономической истории ГОУ Белорусский государственный Экономический университет.

Дихтяренко Галина Ивановна (Донецк, Донецкая Народная Республика) – кандидат педагогических наук, заведующая магистратурой ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», старший преподаватель кафедры прикладной психологии и профессионального психотренинга – e-mail: bondareva.galina@inbox.ru

Дудникова Елена Борисовна (Саратов, Российская Федерация) – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой «Социально-правовые и гуманитарно-педагогические науки», декан факультета экономики и менеджмента ФГБОУ ВО «Саратовский государственный аграрный университет имени Н.И. Вавилова» – e-mail: dudnikova.e.b@gmail.com

Ескалиев Самат Амангельдинович (Актобе, Республика Казахстан) – кандидат исторических наук, доцент Актюбинского регионального государственного университета им.К. Жубанова – e-mail:samat.eskaliev@mail.ru

Колозина Ирина Михайловна (Саратов, Российская Федерация) – методист кафедры профессионального образования ГАУ ДПО Саратовский областной институт развития образования – e-mail:irina_truhacheva_062111@mail.ru

Крайнов Андрей Леонидович (Саратов, Российская Федерация) – кандидат философских наук, доцент кафедры «Социально-правовые и гуманитарно-педагогические науки» ФГБОУ ВО «Саратовский государственный аграрный университет имени Н.И. Вавилова» – e-mail:alkrainov@gmail.com

Логинова Лариса Викторовна (Саратов, Российская Федерация) – доктор социологических наук, профессор кафедры истории, социологии, политологии и сервиса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» – e-mail: lvloginova66@mail.ru

Маслов Дмитрий Владимирович (Москва, Российская Федерация) – доктор исторических наук, профессор кафедры «Новейшая история России» ФГБОУ ВО «Московский государственный областной университет» – e-mail: 79162168532@yandex.ru

Назаров Владilen Викторович (Балашов, Российская Федерация) – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Балашовского института (филиала) ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» – e-mail: vladilen.nazarov.75@mail.ru

Наумов Олег Николаевич (Москва, Российская Федерация) – доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России ФГБОУ ВО

«Московский государственный областной университет»— e-mail: onnaum@mail.ru

Ножкина Ирина Александровна (Саратов, Российская Федерация) – кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социально-правовые и гуманитарно-педагогические науки» ФГБОУ ВО «Саратовский государственный аграрный университет имени Н.И. Вавилова» – e-mail: nirina2007@mail.ru

Отинна Анна Евгеньевна (Донецк, Донецкая Народная Республика) – кандидат филологических наук, доцент кафедры социологии и политологии ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет».

Перевезенцев Александр Леонидович (Актобе, Республика Казахстан) – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Отечественная история и исторические дисциплины» Актюбинского регионального государственного университета им. К. Жубанова– e-mail:

Поздникий Алексей Анатольевич (Саратов, Российская Федерация) – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Социально-правовые и гуманитарно-педагогические науки» ФГБОУ ВО «Саратовский государственный аграрный университет имени Н.И. Вавилова» – e-mail: posdnikinaleksej@mail.ru

Полянская Елизавета Сергеевна (Сочи, Российская Федерация) – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Сочинского института (филиала) РУДН – e-mail: kino-liza@mail.ru

Посталовский Александр Владимирович (Минск, Республика Беларусь) – кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета – e-mail: postalnio@tut.by

Посталовская Ольга Александровна (Минск, Республика Беларусь) – кандидат политических наук, заместитель декана факультета повышения квалификации педагогических работников ГУО Минский городской институт развития образования – e-mail: postalovskaya@minsk.edu.by

Романченко Валерий Яковлевич (Саратов, Российская Федерация) – доктор исторических наук, профессор кафедры «Социально-правовые и гуманитарно-педагогические науки» ФГБОУ ВО «Саратовский государственный аграрный университет имени Н.И. Вавилова» – e-mail: tat.romanchenko1@yandex.ru

Рубанова Марина Евгеньевна (Саратов, Российская Федерация) – кандидат юридических наук, доцент кафедры «Социально-правовые и гуманитарно-педагогические науки» ФГБОУ ВО «Саратовский государственный аграрный университет имени Н.И. Вавилова» – e-mail: mariru65@yandex.ru

Старичёнок Валентин Васильевич (Минск, Республика Беларусь) – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка – e-mail: society2004@mail.ru

Суханова Наталья Ивановна (Москва, Российская Федерация) – доктор исторических наук, профессор кафедры «Новейшая история России» ФГБОУ ВО «Московский государственный областной университет» – e-mail: sukhanovani@rambler.ru

Тимашова Екатерина Александровна (Минск, Республика Беларусь) – ассистент кафедры «Политология» ГОУ Белорусский государственный экономический университет – e-mail: katima.timashova@gmail.com

Федорова-Кузнецова Ирина Владимировна (Саратов, Российская Федерация) – кандидат политических наук, доцент кафедры «Социально-правовые и гуманитарно-педагогические науки» ФГБОУ ВО «Саратовский государственный аграрный университет имени Н.И. Вавилова» – e-mail: fiedorovakuznietsova@meil.ru

Филатов Юрий Иванович (Донецк, Донецкая Народная Республика) – кандидат исторических наук, доцент ГООВПО «Донецкий институт физической культуры и спорта» Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики – e-mail: verochka58@gmail.com

Шалаева Светлана Станиславовна (Саратов, Российская Федерация) – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Социально-правовые и гуманитарно-педагогические науки» ФГБОУ ВО «Саратовский государственный аграрный университет имени Н.И. Вавилова» – e-mail: clar13@yandex.ru

Шалаева Надежда Владимировна (Саратов, Российская Федерация) – доктор исторических наук, профессор кафедры «Социально-правовые и гуманитарно-педагогические науки» ФГБОУ ВО «Саратовский государственный аграрный университет имени Н.И. Вавилова» – e-mail: nadejda-hist@yandex.ru

Шендрикова Снежана Павловна (Симферополь–Ялта, Российская Федерация) – доктор исторических наук, профессор кафедры истории,

страноведения и правоведческих дисциплин с методикой преподавания
Института филологии, истории и искусств Гуманитарно-педагогической
академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В.И. Вернадского»—e-mail: snezhanashendrikova@rambler.ru

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
Раздел I	
Механизмы трансформации российской государственности в XX–XXI вв.: исторический и теоретический опыт осмысления.	
Маслов Д.В. Революция как механизм трансформации российской государственности в XX веке.....	4–10
Романченко В.Я. Великая русская революция как политический процесс (о некоторых методологических подходах).....	11–26
Дудникова Е.Б., Шалаева Н.В. Революция 1917 г. и постреволюционное десятилетие: историографический обзор.....	27–41
Крайнов А.Л. Осмысление революции 1917 года в контексте русской религиозной философии.....	42–50
Раздел II	
Революция и гражданская война в России: политические, социальные и духовные аспекты исследования	
Голубович В.И. К вопросу об экономических причинах Великой русской революции в октябре 1917 г.....	51–58
Суханова Н.И. Формирование образа власти и практика большевиков (1917–1918 гг.).....	59–68
Наумов О.Н. Октябрь 1917 г. и русское дворянство: генеалогические последствия.....	69–77
Аксютин Ю.В. Выборные институты советской власти (1917–1991 гг.).....	78–97
Назаров В.В. Роковой раскол: правые и левые эсеры в 1917 году.....	98–104
Гижов В.А., Поздникин А.А. Отечественный кинематограф в первые годы советской власти.....	105–112
Армен А.С. Трансформация восприятия характера и социального статуса русской женщины революционную эпоху.....	113–121

Волкова М.Б., Ножкина И.А., Шалаева С.С. Восприятие Октябрьской революции 1917 года в контексте ее столетнего юбилея..... 122–126

Булгаков С.В. Гражданская война в России глазами студенческой молодежи (на примере СГАУ им. Н.И. Вавилова)..... 127–135

Раздел III

Великая русская революция: региональные аспекты исследования

Колозина И.М. Культурное пространство провинциального города на примере Саратова: теория и практика развития (1920-е гг.)..... 136–148

Шендрикова С.П. Театральная жизнь Крымской столицы в 1917 - 1920 гг. 149–157

Полянская Е.С. Транспортная система Крыма накануне Великой русской революции 1917 г. 158–163

Филатов Ю.И. Донбасс в революционной истории России начала XX века..... 164–190

Ескалиев С.А. Интеллигенция Казахстана в период русской революции 1917 г. 191–197

Перевезенцев А.Л. Роль Герберта Гувера в оказании продовольственной помощи голодающим России в начале 1920-х гг. 198–210

Раздел IV

Россия и мировое сообщество: модернизационные процессы на постсоветском пространстве

Логинова Л.В. Социальные ориентиры российской модернизации: от теории к практике реализации..... 211–224

Рубанова М.Е., Федорова-Кузнецова И.В. Специфика государственного суверенитета в федеративных государствах (на примере Российской Федерации)..... 225–231

Тимашова Е.А. Партийное строительство на постсоветском пространстве: опыт России и Беларуси..... 232–243

Буева А.О. «Цветные» революции: украинский сценарий.....	244–252
Белявцева Д.В. Регионализация политического пространства России и Беларуси как отдаленный эффект Великой русской революции 1917 г.....	253–262
Вонсович Л.В. Особенности модернизационных процессов в постсоветской Беларуси: не революционный путь развития.....	263–275
Посталовский А.В., Посталовская О.А. «Цветная революция»: трансформация технологий дестабилизации политических режимов на постсоветском пространстве.....	276–290
Старичёнок В.В. Предвыборные политические технологии США на службе цветных революций.....	291–298
Отина А.Е., Дихтяренко Г.И. Россия XXI столетия: человек в пространстве нового мироустройства.....	299–312
Сведения об авторах	313–316
Содержание	317–319

Научное издание

**Россия и мир в пространстве глобальных потрясений
нового мироустройства. XX–XXI вв.
К 100-летию Великой русской революции.**

Коллективная монография

Под ред.

д-ра соц. н., профессора Е.Б. Дудниковой,
д-ра и. н., профессора В.Я. Романченко,
д-ра и. н., профессора Н.В. Шалаевой